

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. С. Отин

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
ДОНБАССА**

Донецк
Юго-Восток
2014

УДК 81'373.21(477.6)
ББК Ш12=411.2*316.1
О-82

У книзі читач знайде відповіді на питання про походження багатьох географічних назв Донбасу в межах Донецької області. Це і назва Азовського моря, назви міст Донеччини — Донецька, Маріуполя, Краматорська та ін.; рік — Сіверського Дінця, Кальміусу, Міусу та ін., степових узвиш (серед них Саур-Могили), назв внутрішньоміських об'єктів, а також назв, що з'явилися останнім часом у молодіжному сленгу, наприклад, *Констаха* (Костянтинівка), *Крамаха* (Краматорськ), *Красик* (Красноармійськ), *Волна* (Волноваха), Сан-Харцизьк (Харцизьк) тощо. Детально розповідається про історію таких річок, як *Кальміус*, *Калка* (давнішня назва Кальміусу) і *Каяла*, про яку йдеться в «Слові о полку Ігоревім». Про них і про безліч інших топонімів ви зможете прочитати в 338 статтях книги.

ВВЕДЕНИЕ

Давно назрела потребность иметь книгу, в которой был бы собран материал по топонимии Донетчины. Она необходима всем, кто интересуется вопросами истории этого густонаселённого региона Украины. Много загадок таят в себе окружающие нас географические имена, которые когда-то, в период своей молодости, были «прозрачны» и всем понятны.

Сейчас мы часто затрудняемся ответить, почему так названы города, в которых живём, или реки, протекающие мимо нас. Почему Донецк назван Донецком, а Кальмиус назван таким загадочным и уникальным именем.

В этой книге, рассказано не только о названиях больших городов и рек, но и названиях сёл, посёлков, хуторов, оврагов и балок нашего края. Это наша «малая родина», самое дорогое, что есть у человека.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

- Агороним** — Название городской площади, рынка;
- Аллегровая форма** — полуразрушенная, обычно небрежно и быстро произносимая форма слова, возникающая в потоке непринуждённой разговорной речи;
- Антоним** — слово, имеющее противоположное значение;
- Антропоним** — любое собственное имя, имеющее отношение к человеку (личное имя, прозвище, фамилия и др.);
- Антропонимия** — совокупность антропонимов;
- Антропонимикон** — то же, что именник;
- Апеллятив** — имя нарицательное;
- Артиосленгоним** — сленговое (жаргонное) название произведений изобразительного искусства;
- Ассимиляция** — приспособление одних звуков к другим, их уподобление;
- Астионим** — собственное имя города;
- Аффикс** — служебная морфема (суффикс, приставка);
- Географический
апеллятив** — то же, что и географический термин;
- Географический
термин** — нарицательное существительное, обозначающее определённую географическую реалию и имеющее географическое понятие (например, *курган, балка, старица, мыс* и т.д.);

- Гидроним** — собственное имя любого водного объекта;
- Годоним** — название улицы;
- Греки-тюркофоны** — приазовские греки, говорящие на урумском наречии;
- Деминутаив** — имя с уменьшительным (или с уменьшительно-ласкательным) оттенком значения;
- Деминутивный суффикс** — суффикс, с помощью которого выражается уменьшительное или уменьшительно-ласкательное значение слова;
- Денотат** — объект называния, носитель собственного или нарицательного имени;
- Дезтимологизация** — утрата словом этимологической мотивированности, потеря смысловой связи с породившим его корнем или основой;
- Диссимиляция** — расподобление звуков;
- Дримоним** — собственное имя леса или его участка, рощи, сада, парка;
- Дримоним** — название пути сообщения, дороги, тропы;
- Изоглосса** — линия, нанесённая на лингвистическую карту и показывающая территориальное распространение того или иного языкового явления;
- Интерфикс** — аффикс, а также отдельный звук (интерфиксальный звук), не имеющие значения, которые соединяют корень и суффикс или два корня;
- Информант** — носитель местного диалекта, местной топонимии как источник информации;

- Катойконим** — именование жителя по названию места его проживания (населённого пункта);
- Коннотация** — добавочное значение (созначение) или эмоционально-экспрессивная окраска слова;
- Микротопоним** — собственное имя географического микрообъекта;
- Микротопонимия** — совокупность микротопонимов;
- Народная этимология** — случайное, научно не обоснованное сближение неясного имени с другим словом, близким по звучанию;
- Некроним** — собственное имя места захоронения, кладбища;
- Ойкодомоним** — собственное имя здания;
- Ономасиология** — наука о принципах и закономерностях обозначения, номинации (в области онимной и апеллятивной лексики);
- Орографический термин** — географический термин (апеллятив), используемый в оронимии (названиях рельефа земной поверхности);
- Ороним** — собственное имя элемента земной поверхности (положительного или отрицательного) – возвышенностей, долин, оврагов и т.д.;
- Паронимы** — слова разного происхождения, но имеющие сходство в звучании и частично совпадающие по своему морфемному составу (*представить* и *предоставить* и т.д.);
- Патроним** — именование человека по имени или прозвищу отца или предков по отцовской линии;

- Пелагоним** — собственное имя любого моря или его части;
- Ротацизм** — переход звука *l* в *r* (в статье **Калка**);
- Румейское наречие** — наречие приазовских греков, близкое северным диалектам новогреческого языка;
- Топонимическая метонимия** — перенос географического названия с одного объекта на другой (как правило, близлежащий) без аффиксального доформления;
- Топонимический изафет** — нередкая в тюркской топонимии синтаксическая конструкция, состоящая из двух существительных, первое из которых выполняет роль определения;
- Топонимия** — совокупность топонимов;
- Топосленгоним** — сленговый (жаргонный) топоним;
- Трансонимизация** — переход собственного имени из одного разряда в другой;
- Универбация** — стяжение в одно слово;
- Урбаноним** — собственное имя любого внутригородского объекта;
- Хороним** — собственное имя любой территории;
- Эргоним** — собственное имя делового объединения людей (промышленного предприятия, колхоза, общества, фирмы и т.д.);
- Эллипс (эллипсис)** — пропуск какого-либо элемента высказывания, словосочетания, часто происходящий в разговорной речи;
- Этимология** — происхождение слова или отдельной морфемы; установление их этимона, т.е. первичного значения;

- Этиология** — причина названия, мотив первичной номинации объекта;
- Этноним** — нарицательное слово, служащее обозначением народа (этноса).

А

АБАКУ́МОВА. Неофициальное название одного из концов Донецка (на северо-западе Кировского р-на). Здесь находится посёлок им. Е.Т.Абакумова, названный так в честь управляющего Рутченковского шахтоуправления, бывшего коногона, выдвинутого в 20-е годы прошлого века на руководящую работу. Прежнее название посёлка (до 1958 года) – «Гигант», вероятно, по одноимённой шахте, находившейся на его территории.

АБЭВЭГЭДЭЙКА. Четыре однотипных многоэтажных дома с общим двором и одинаковым номером, имеющим при себе разные буквенные индексы, на центральной улице Донецка – имени Артёма: 147-А, 147-Б, 147-В и 147-Г, где расположен широко известный в городе магазин «Детский мир». Мотивирующей базой ойкодомонима является перечень следующих в алфавитном порядке названий четырех бук-индексов (*абэвэгэдэ-*), который, благодаря присутствию в русской речи 70-90-х годов прошлого века названия популярной радиопередачи для детей «Абэвэгэдэйка», получил (вследствие так наз. вставочного способа образования новых слов) конечную часть основы этого имени, на одно алфавитное название буквы большей и уже имеющей суффикс: *а-бэ-вэ-гэ* + («Абевеге)дейка»₁ = ойкодомоним *Абэвэгэдэйка*₂. Вполне возможно, что описанному процессу способствовало наличие в одном из домов жилищного комплекса магазина детских товаров.

АВРА́М ДАГ. Балка, л.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса, возле села Староигнатьевка, Тельмановского района. Рядом (и в самой балке) роща *Авра́м Даг*. В этой паре омонимичных топонимов первично название рощи (дримоним), состоящее из личного имени *Авра́м* и урумского географического апеллятива (народного географического термина) *даг* ‘лес, роща’ (об этом термине см. также в статье *Авра́м Та́в*). Вследствие так наз. топонимической метонимии (дримоним → ороним, гидроним) название рощи со значением ‘Аврамова роща’ перешло на самую балку, на склонах которой она была расположена.

АВРА́М ТАВ. Роща у села Староигнатьевка, Тельмановского района (газета «Логос», 1994 г., №4). Значение дримонима: ‘Авра-

мова роцца, Аврамов лесок'. Составной топоним с географическим апеллятивом урумского происхождения *тав* 'лес', которому в других тюркских языках соответствуют *тау*, *тав*, но со значением 'гора'. Смысловой сдвиг 'гора' ↔ 'лес' имел место в целом ряде тюркских (кроме крымскотатарского, в гагаузском, караимском и якутском) и славянских языков, например, в болгарском, где *гора* – 'лес' (ср. в народной песне: «Горо ле, горо зелена!» – «Лес ты мой, зелёный лес!»). Это семантическое изменение, по словам Э.М.Мурзаева, могло появиться «только в условиях засушливого климата, в степной зоне, где лес встречается исключительно на склонах гор и где меняются условия увлажнения и испарения»¹. Ср. также: гора *Зортау*, или *Зортав Тубе* (возле посёлка Старобешево), она же гора *Лес*. Эта же роцца вблизи Староигнатьевки имеет параллельное название *Аврам Даг*, в состав которого вошёл другой урумский географический термин *даг* 'лес' (его значение в разных тюркских языках – 'гора' и 'лес'). «Промежуточным» семантическим звеном между 'гора' и 'лес' могло быть 'гора, покрытая лесом'.

АВРА́М-та-ХАЯДИ́ЧА́. Балка, левый приток Малого Кальчика (Восточного Кальчика, Калки), возле сёл Малый Янисоль и Кременёвка Володарского района. Варианты: *Авра́м-та-Хаяди́ча*, *Авра́м-та-Хаяни́ча*. Гибридный румейско-урумский топоним: личное мужское имя *Аврам* как определение относится к урумскому географическому термину *хая* 'скала' с румейским деминутивным суффиксом *-ича* (*-ица*), присоединённым к осложненной интерфиксальными звуками *-д-*, *-δ-* и *-н-* производящей основе (*хаяд-*, *хаяδ-*, *хаян-*). Между антропонимом и термином – румейский определённый артикль среднего рода мн. ч. *та*. Урумским признаком в топониме является и характер связи между его определяющей и определяемой частями (тюркский топонимический изафет). Значение названия: 'небольшие скалы, каменные выступы, как-то связанные с человеком по имени Авраам' (вероятно, находились на его земельном участке).

АВРА́М-ту-ДЖАП. Возвышенность вблизи села Кременёвка (б. Чердаклы) Володарского района, при слиянии Кальчика с его ле-

---

¹ Э.М.Мурзаев. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С.151-152.

вым притоком Калкой. Румейско-урумский гибридный топоним со значением 'Авраамова гора'. Тюркский географический термин *джан* 'склон горы', 'косогор' отмечается в микротопонимии населённых пунктов, основанных как урумами, так и румеями. Ср. также *Джан сохэх* 'нагорная улица' – название одного из «концов» села Старый Комар, Великоновоселковского района, коренное население которого – урумы. Между личным именем *Аврам* и урумским географическим апеллятивом – румейский определённый артикль. Безаффиксный топонимический изафет.

АДАМА́Н ЧАЛГÁН₁. Хутор, существовавший в первой половине XX в. возле балки, п.п. Кальмиуса, восточнее села Новобешево, Марьяновского сельсовета, Старобешевского района. Топонимизированное урумское словосочетание («микрпредложение»), букв. «атаман косил»: *чалган* – дейст. причастие прош. вр. от глагола *чалмах* 'косить'. Данный земельный участок арендовал под сенокос донской атаман. Река Кальмиус была естественной границей между территорией Екатеринославской губернии и Землёй Войска Донского. Слово *одаман* в урумских диалектах, как и в крымскотатарском языке, имеет ещё значение 'старший пастух'. В некоторых селениях, где живут урумы, в наше время сохраняется «уличная фамилия» *Одаман*, в основе которой лежит данный апеллятив. Поэтому топоним *Адаман Чалган* вначале мог означать 'Одаман (т.е. какой-то местный житель с таким именем) косил, имел здесь сенокос'. Слово *одаман/адаман* получило отражение и в топонимии Крыма. Ср. названия: шахта *Одаман-Кассар* на Караби-Яйле, села *Адаман*, *Адаман-Киргизи*.

АДАМА́Н ЧАЛГÁН₂. Старое название хутора, в настоящее время – села Каменки, Новозарьевского сельсовета, Старобешевского района. О значении и структуре топонима см. выше: *Адаман Чалган₁*. Такое же урумское название носит и балка – *Адаман Чалган*, п.п. Кальмиуса, выше места впадения в него речки Грузской. Ср. также дримоним *Адаман Чалган* (с. Староигнатъевка, Тельман. р-на), а также другие топонимы с причастным компонентом *чалган*: *Папáс Чалгáн*, *Хованá Чалгáн* и т.д.

АДАМА́Н ЧАЛГÁН₃. Лес у села Староигнатъевка, Тельмановского района. Топонимизированное урумское словосочетание со

значением ‘атаман косил’. Это место арендовал под сенокос донской атаман (на левом берегу Кальмиуса начиналась Земля Войска Донского): Словоформа *чалган* – действительное причастие прошедшего времени от глагола *чалмах* ‘косить’. Рядом расположена балка *Адаман Чалган Тарама*.

АДАМАН ЧАЛГАН ТАРАМА. Балка, л.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса, возле села Староигнатьевка, Тельмановского района. Топонимизированное урумское словосочетание со значением ‘балка, где косил (т.е. имел место, арендуемое под сенокос) атаман’ (или старший чабан – одаман, или же человек с прозвищем или «уличной» фамилией *Одаман*). На левом берегу Кальмиуса начинались земли донских казаков. В роли определяющего члена этого тюркского топонимического изафета выступало словосочетание («микрорепределение»), а не существительное, как в большинстве случаев; определяемым компонентом является урумский географический апеллятив *тарамá* ‘балка’ (подробно о нём см. в словарной статье: *Тарама*).

АДЖАХИ: *Верхние* и *Нижние*. Улицы в Мариуполе, севернее завода «Азовсталь». На карте-плане «Мариуполь» (Киев, 2001 г.) обозначена только улица *Верхние Аджахи*. Прилагательное *Верхние* свидетельствует, что прежде существовал и годоним с уточняющим определением *Нижние*. В определяемом компоненте названий этих улиц отразился урум. апеллятив *оджах* ‘очаг, комнатная печь с открытой топкой’. Первичным состоянием годонима, очевидно, были словосочетания *Оджах сохах* (урум. *сохах* ‘улица’) или *Оджах чет* (урум. *чет* ‘край, конец’). Здесь были дома с дымоходами. После пропуска (эллипса) определяемого слова в русской и украинской речи произошло структурно-грамматическое освоение этого названия: оно получило форму множ. числа. Конечное *-и* во многих русских и украинских географических именах, по сути, является не окончанием (так как не обозначает реальное множество чего-либо), а выполняет роль топонимообразовательного средства. Ср. аналогичные формы ойконимов: *Броды*, *Великие Луки*, *Горки* и др.

АДЖИ ПАВЛУ ТАРАМА. Балка, п.п. Дубовки (недалеко от её устья), п.п. Кальмиуса. (Варианты (записаны в с. Староигнатьевка,

Тельмановского р-на): *Аджина́л Тарамá*, *Аджинау́л Тарамá*, *Аджю́ Палу́тар*, *Ачиналу́ Тарамá*. Возможны два объяснения. Урумский топонимический изафет, имевший значение ‘балка аджи Павла’. *Аджю́* – слово, добавляемое к имени человека, совершившего паломничество в Мекку. Носитель этого имени должен был исповедовать мусульманство. Но ведь урумы – христиане, и антропоним *Павлу́* – тоже из христианского именника. Не мог христианин *Павлу́* совершить паломничество в Мекку. Вероятнее всего, в первом слове топонима отразился апеллятив, уже утраченный современными урумскими говорами, но имеющийся в турецком языке в составе словосочетаний *hasi ağa* ‘гуляка, повеса’ (*ağa* – ‘господин’, ‘сельский богатей’, а также слово, используемое при обращении со значением ‘брат’) и *hasi baba* ‘отец, папаша’ (обращение к пожилому человеку). Тогда *Аджю́ Павлу́ Тарамá* – ‘балка почтенного *Павлу́*’ (всеми уважаемого местного жителя) или ‘балка гуляки *Павлу́*’. Сейчас уже не установить, каким был этот *Павлу́*. Словосочетание *аджи Павлу* выступало в роли определения по отношению к урумскому географическому апеллятиву *тарамá* ‘балка’. Последний оказался опущенным на военно-топографической карте-трёхвёрстке Екатеринославской губернии: *Аджю́ Павлу́*¹. В речи информантов нашего времени разрушенной оказалась первая – антропонимная часть названия ввиду полного забвения самого денотата.

АЗОВСКОЕ МОРЕ. Коренное население восточного Приазовья античной эпохи – инды и меоты называли его *Темарунда*, о чём сообщается, например, в 6-й книге «Естественной истории» Плиния Старшего (23 или 24-79 гг.): *Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant Moeotim Temarundam, quo significant matrem maris* «сам Танаис скифы называют *Sinu*, (а) Меотиду – *Temarunda*, что (на их языке) означает «мать моря» (Nat.hist. VI.20). «Загадочное *Temarunda* «Азовское море», – пишет по этому поводу акад. О.Н.Трубачёв, – получает при этом объяснение как сложение, целая именная фраза * *temarun-da* «кормилица Чёрного моря» (*mater maris*). Последний компонент восходит к и.-е. *dhē – «кормить (грудью)»².

¹ Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии (середина XIX в.) // Центральный государственный военно-исторический архив, фонд ВУА, ед. хр. 21308.

² Трубачёв О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания, 1976. – №4. – С. 54.

Другие античные авторы (среди них Геродот) приводят ещё одно название моря – Μαίητις, Μαίωτις, этимологически связанное с греч. μάτα «мать-кормилица». «Традиция определять Μαίωτις «Азовское море» как μητήρ του Πόντου «мать Понта» (Herod, IV. 86), проходящая через всю античность ... заслуживает доверия»¹. В указанных названиях античного времени отразилось представление об Азовском море как о разлившемся лимане Дона, непосредственно через Босфорский пролив впадающем в Чёрное море – «питающим» его своей пресной водой.

М.Фасмер в своём «Этимологическом словаре русского языка» греч. пелагоним Μαίητις, Μαίωτις (ионийское) связывает с иран. *mauavant* – (ж. -vaiti) «где совершаются случки». И ещё ранее Л.Лопатинским была предложена адыгейская этимология: из адыг. *mei* «вонь» и *jame* «болото, тина, лужа», не получившая, впрочем, поддержки.

Название моря, бытовавшее у римских авторов: *Palus Meotis* «меотийское болото, озеро» (от этнонима *меоты*, названия древних обитателей северо-восточного побережья Азовского моря, остатков индоарийцев, ушедших на юго-восток). Как калька с латинского это название ещё встречается в документах XVII века, например, в «Истории о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета от создания мира 7185 и от рождества Христова 1677 г.», написанной очевидцем этого похода: «Азов бо есть град салтана турецкаго на берегу рѣки Дона у *езера Меотскаго* стоящий ...». Кальку *Езеро Меотицкое* употребляет и С. Величко. Он сообщает, что Петр I и его брат Иоанн Алексеевич предприняли поход на Азов оттого, что могли «видѣти отверзстіе себѣ зъ Езера Меотицкаго въ Эвксинопонтѣ двери».

Название *Меотическое море* сбереглось в книжной и научной речи до XVIII в. (его, например, употреблял М.В.Ломоносов, наряду с *Азовское море*).

В XV-XVII вв. генуэзцы и крымские татары именовали Азовское море «морем чебаков, или лещей»: *Mar(e) delle Zabache*, *Чабак денгизи* или *Балык денгизи* «рыбное море».

Современное название моря, по-видимому, является калькой крымско-татарского гидронима *Азав денгизи* «Азовское море»,

---

¹ Трубачёв О.Н. Там же.

имевшего изафетную структуру с определяющей частью – ойконимом *Азав*. Кстати, северо-восточный ветер, дующий с берегов Азовского моря и города Азова, крымскими татарами в прошлом веке назывался *азав яли*, где *азав* «азовский» и *ялы* «берег». Среди анимонимов – названий ветров в разных языках имеются такие, которые мотивируются топонимами. В северном Приазовье, например, *бахмұт* – холодный северо-западный ветер, дующий в сторону Нижнего Дона со стороны уездного города бывшей Екатеринославской губ. Бахмута. Крымские татары и турки называли море по имени города-крепости в устье Дона на месте древнего Танаиса. В XIV-XV вв. Тану (Танаис) называли *Азаком* многие восточные народы.

Крымскотатарскому варианту ойконима *Азав* в турецком языке соответствовала форма *Азак*. Это фонетическая разновидность общетюркской основы *айак*, имевшей древние исконные значения «нога» и «конец». Ср. его антоним *баиш* «начало» из *баиш* «голова». В качестве географического термина *азак* и его варианты *адак*, *айак* отмечены со значением «устье реки, её конец, низовье».

Город *Азак*, или *Азав*, получил своё имя благодаря топонимизации омонимичного географического апеллятива со значением «низовье реки». Так вначале могла быть обозначена территория, урочище в устье Дона, название которой позднее, благодаря переносу по смежности имён географических объектов (топонимической метонимии), перешло на крепость, замыкающую вход в устье Дона (с 1471 г. – турецкая крепость *Азак*) и имевшую для Турции в XV-XVII вв. большое стратегическое значение. В тексте уже упомянутой «Истории о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань лета ...» 1677 г. топоним *Азак* неоднократно употребляется наряду с формой *Азов*. Конечное *-ав* в крымскотатарской форме *Азав* (*Азау*) в процессе позднего морфологического освоения славянами этого топонима изменилось в *-ов*. Таким образом, *Азов* – одно из псевдосуффиксальных образований, появившихся в славянской речи благодаря структурной адаптации тюркской формы *Азав*.

Функционирование в русском языке XIV-XVII вв. двух вариантов ойконима – раннего *Азов*, *Озов* (из крымскотатарского *Азав* < кыпч. *Азау*) и более позднего – османского (турецкого) *Азак* (в русской передаче часто *Озак* – со следом фонетической адаптации начального *а-*) привело к образованию соответствующих вариантов названия самого моря: *Азовское* (*Озовское*) и *Азачское* (*Озачское*)

море. Оба эти варианта, например, зафиксированы в разных списках «Хождения Игнатия Смольянина в Царьград и Палестину в 1389-1394 гг.», представляющих самую раннюю фиксацию в русской речи этого топонима: «И проидохом устие *Озачьского* (соответственно: *Азовского*) моря», т.е. Керченский пролив, «и взидохом на великое море», т.е. в Чёрное море.

Некоторые восточные авторы этого времени именуют Азовское море *Франкским морем*. Так, персидский писатель Абд-ар-раззак Самарканди (1413-1482) сообщает: «Они (царевичи и эмиры Тимура. – *Е.О.*) опустошили и ограбили эту область (улус черкесский. – *Е.О.*) до берегов Франкского моря, называемого морем Азакским». Это название объяснить трудно: германские племена франков жили в III веке по нижнему и среднему течению Рейна, а образованное ими Франкское государство (после завоевания Галлии) просуществовало до середины IX в. Возможно, для восточных авторов этот пелагоним был мотивирован названием этого государства (в составе которого была вся Западная Европа и часть Центральной). В таком случае перед нами макротопоним-ориентир, аналогичный более позднему названию – *Азакское (Азачское) море*.

Пелагоним *Азовское море* был мотивирован ойконимом *Азов*. Его ономастическая параллель: в XIII-XIV вв. Чёрное море называлось *Сурожским морем* по имени крымского города *Сурожа* (совр. Судак), одного из важных торговых центров средневековья. В Воскресенской летописи, под 1319 г.: «на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское» (косвенное указание на существовавшее представление об Азовском море как о разлившемся лимане Дона, устье которого – Керченский пролив).

В 1977 г. О.Новицкой в Приазовском районе Запорожской области была записана народная легенда, объясняющая происхождение названия Азовского моря на основе женского имени Аза. Так звали одну из дочерей старого рыбака (второй его дочерью была Золотокосая Пещанка). Однажды Аза сидела на кругом берегу, поднялся «сильний вітер-буран», волны подмыли берег, и Аза упала в море и утонула. Вместе с ней утонула и её сестра, кинувшаяся её спасать. «З того часу і море наше почали називати Азовським, бо ж утопилася в ньому красуня Аза».

С начала прошлого века фиксируются однословные сокращённые варианты топонима-словосочетания *Азовское море* – *Азов* и

Азовье. В стихотворении М.Волошина «Гроза»(1918 г.): «То землю древнюю тревожа вечным зовом, Обида вещая раскинула крыла Над гневным Сурожем и пенистым *Азовом*». Образовавшийся в разговорной речи гидроним *Азов* уже мотивируется первичным описательным названием моря, которое было образовано от ойконима, омонимичного образовавшемуся гидрониму (*Азов₁* > *Азовское море* > *Азов₂*).

АЛЕПУС ТРЕПИЯ. Урочище возле села Кипучая Криница, Стыльского сельсовета, Старобешевского района. Значение топонима: ‘лисьи норы’. Ср. румейские *алипу* ‘лисица’, а также глагольную словоформу *трипу* ‘делаю дыру’, новогреч. *трѹпа* ‘нора’. В период появления микротопонима в этом месте было много лисьих нор.

АЛТЫ́Н ТАРАМА́. Балка, л.п. Мокрых Ялов (в их истоках, выше села Красная Поляна, Великоновоселковского р-на), л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Урумский топоним изафетного типа, первым (определяющим) компонентом которого является антропоним *Алты́н* (ср. тюрк. апеллятив *алты́н* ‘золото’), а вторым – географический апеллятив *тарамá* ‘балка’, т.е. ‘Алтынова балка’. На тюркское собственное имя *Алты́н*, распространённое в «крымском наречии», указывал и В.В.Радлов¹.

АЛЧ́И ОБА́. Степная возвышенность возле села Константинополь, Великоновоселковского р-на. Урумский топонимический изафет, состоящий из двух существительных – определяемого географического апеллятива *оба* ‘холм, степной курган’ и определяющего *алч́и* ‘гипс’, т.е. ‘гипсовая могила, гора’ (здесь местное население добывало для строительных работ мелкую известь, гипс).

АМА́Л. Балка, л.п. балки Капитан, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Находится на севере Великоновоселковского р-на, возле села Богатырь и Константинополь. Возможны два объяснения происхождения топонима. Первое (менее вероятное): собственное имя *Ама́л* остаток разрушенного урумского словосочетания изафет-

---

¹ В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893. – Т.II. – Ч.I. – С.407.

ного типа *Мал Тарамá, вторая (определяемая) часть которого *тарамá* – географический апеллятив со значением ‘балка’, а первая (определяющая) – антропоним. Более вероятно второе объяснение: определяющей частью разрушенного изафетного словосочетания изначально было урумское существительное *мал* ‘домашний скот’ с появившимся позже приставным (протетическим) славянским *а-* (ср. форму *Адамаха* из *Домаха*). О предпочтительности второй гипотезы свидетельствует и следующий факт: возле села Комар(ь) этого же района (на правом берегу Мокрых Ялов, впадающих слева в Волчью ниже устья балки Капитан) находится степная могила *Амáл Обá*, с которой географически связана как балка *Амал* (начинающаяся недалеко от неё), так и другая балка с названием *Малтопáр*, или *Малтабáр*, п.п. Мокрых Ялов, которое первоначально значило ‘место стоянки, нахождения скота; загон для скота’.

АМА́Л ОБА́. Степная возвышенность вблизи балки Малтапар, п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Недалеко от неё село Комар, Великоновоселковского р-на. Соседство с балкой Малтопар (Малтабар) подсказывает, что первая часть оронима имеет общий с названием балки элемент *мал* ‘скот’ с приставным звуком *а-*, появившимся в русской диалектной речи (ср. *Адамáха*, *Осаву́р-могила*). Урумский топоним изафетного типа, определяемая часть которого – географический термин.

АМВРОСИЕВКА – город, районный центр Донецкой области. Назван по имени Амвросия Луковкина. Амвросиевка была основана в 1869 г. в связи со строительством Курско-Харьковско-Азовской железной дороги. Неофициальные названия частей («концов») города *Шапкí*, *Нахаловка*, *Да́ки*, *Калужка*, *Андреевский* (по названию бывшего хутора), *Свинячий*, *Цыганский*, *Город* (центральная часть Амвросиевки), *Дымовка* (за цементным заводом), *Черёмушки*.

АНАДО́ЛЬ. Село в Волновахском р-не, центр сельсовета. В первой четверти XX в. изредка именовалось ещё *Старо-Анадоль* – на речке Кальчик, она же Шигарово. Встречаются варианты *Великий Анадоль* и *Велико-Анадоль*. Основано в 1826 г. греками – выходцами из Малой Азии, отсюда близость говора жителей села к понтийскому диалекту новогреческого языка. Переселение в Север-

ное Приазовье произошло во время греческой национально-освободительной революции 1821-1829 гг. На этот факт прямо указывают и старые варианты ойконима – *Анадолия, Анатолия* – из новогреч. Ἀνατολή ‘Малая Азия’ (из ἄνατολή ‘восточная’). Первый из них фонетически близок к турецкому хорониму Anadolu, названию Малой Азии и провинции в её западной части в период Османской империи. В тексте «Описания турецкой империи, составленном русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века» встречается именно этот вариант хоронима *Анадол*. В имеющемся здесь указателе собственных имён, а также историко-географическом словаре, составленном П.А.Сырку (редактировавшим текст «Описания...»), сообщается, что данный топоним – от греч. ἄνατολη ‘восточная’, отсюда Ἀνατολή – Малая Азия, у славян – *Анатолия*, у турок – *Анадол*¹. Катоиконимы: *анадóльский, анадóльская, анадóльцы*. В соседних сёлах жителей Анадоля называют: *кадьчикóтус*, так как село расположено на речке Кальчик.

А́ННА ТАРАМА́. Балка возле села Улаклы, Великоновоселковского р-на (1982 г., Эксп.). Урумский топоним изафетного типа. Определяющей частью в нём выступает личное женское имя *Анна*, а определяемой – географический термин *тарама* ‘балка’. По рассказам информантов, в этой балке погибла (утонула) местная жительница по имени Анна.

АНТÓШКА ТАРАМА́. Балка на окраине села Стыла, Старобешевского р-на; на землях колхоза им. В.И.Ленина. Вариант: *Антóшкина Тарама*. Гибридное русско-урумское название. Первый вариант представляет собой топонимический изафет: его определяющий компонент – русская разговорная форма личного имени *Антошка*, определяемый – урумский географический апеллятив *тарама* ‘балка’, т.е. ‘Антошкина балка’.

АРАКПА́Ш. Место впадения в Кальмиус его правого притока Мокрой Волновахи, юго-восточнее села Раздольное (б. Каракуба), Старобешевского р-на. Возможно, в основе микропонима лежит

---

¹ Описание турецкой империи, составленное русским, бывшем в плену у турок во второй половине XVII века // Православный палестинский сборник. – СПб, 1890. – Вып. 3. – С.58.

«составное слово», состоящее из двух существительных, находящихся в отношении «соприложения»¹ – *аракбаши*, букв. ‘пьяная голова’ (ср. урум. *арак* ‘водка’, *аракчи* ‘пьяница’). В этом месте, как объясняют информанты, возникает быстрое течение, водоворот; у некоторых пловцов появлялось головокружение (отсюда ‘пьяная голова’). Параллельное украинское название *Стрівок* – от *стрівати* ‘встречать’, т.е. так названо место «встречи» главной реки – Кальмиуса с его притоком – Мокрой Волновахой. Возможно, приведённое выше объяснение гидронима – результат более позднего осмысления (в духе «народной этимологии») урумского составного географического термина *арыкъ баши* ‘начало арыка’, известного и в крымскотатарском языке, пережившего в новых географических условиях семантический сдвиг (‘место впадения притока’).

АРÁЛ. Заболоченное место у села Улаклы, Великоновоселковского района. Топонимизированный урумский географический термин *арáл* ‘остров’, ‘лес’, ‘заросли кустарника’ (по берегам рек и озёр), ‘водораздел’. Этот термин, распространённый и в других тюркских языках, связан с корнем *арá* ‘середина; промежуток’. Название *Арáл* вначале могло означать ‘место между главной рекой и её притоком, междуречный угол’.

АРÁЛ ТАРАМА́. Балка, л.п. Камышевахи, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса; недалеко от села Раздольное (б. Каракуба), Старобешевского р-на. Урумский топонимический изафет, состоящий из двух географических апеллятивов: определяемого – *тарамá* ‘балка’ и определяющего *арáл* ‘лес’ или ‘заросли кустарника по берегам рек и озёр’, ‘водораздел’.

АРДЖÓ. Вариант: *Аржó*. Название части территории Красногвардейского района города Макеевки. Такое же имя носит и автобусная остановка, имеющая и другие именованья: *Школа*, *Училище* (невдалеке расположены общеобразовательная школа №2 и Макеевское медучилище). Жаргонный городской хороним образовался благодаря усечению мемориального компонента в названии уже закрытой шахты им. С.Орджоникидзе. В разговорной речи жителей

---

¹ А.К.Боровиков. Природа «турецкого изафета» // Академия наук СССР академику Н.Я.Марру. – М.-Л., 1935. – С.174.

Донбасса нередко подобные случаи сокращения до одного слова (универбации) описательных эргонимов с посвящением: их функции начинают выполнять конечные меморативы. При этом почти всегда этот процесс сопровождается расширением употребления таких «стяжённых» эргонимов – они становятся именованями и близлежащей территории. Например: *работаю на Засядько* (т.е. на шахте им. Засядько в Донецке) и *живу на Засядько* (в районе этой шахты), *работаю на Коротченко* (на шахте им. Коротченко в г. Селидово, Донецкой области) и *Он живёт аж на Коротченко* (запись 2006 г.), т.е. где-то в северо-восточной части Селидова, недалеко от шахты с этим меморативным названием. Подобные изменения в статусе меморативного компонента первичного описательного эргонима *шахта им. Серго Орджоникидзе* подготовили условия и для образования ойкохоронима *Орджоникидзе* (ср. *Купил квартиру на Орджоникидзе*), современного молодёжного жаргона усечение: *Арджó/Аржó* (ср. *универ, препод, нарк, мерс* и т.д.).

АРКАДЫ́-та-УБАЙДА́. Курган северо-восточнее села Малый Янисоль, Володарского р-на (газета «Логос», 1994 г., №4/55). Значение этого составного румейско-урумского топонима: ‘медвежий курган’. Ср. румейск. *аркудѳа* ‘медведь’, новогреч. *’архóу́да* ‘медведь’. Далее следует румейский определённый артикль *та* (по происхождению – форма именительного падежа мн. ч. среднего рода) и урумский географический апеллатив *убá (обá)* со следом крымскотатарского аффикса местного падежа (-*да/-де*). О гибридной природе этого названия свидетельствует также его «позиционный синтаксис», не свойственный греческой димотике (тюркская модель топонимического изафета). Своё название возвышенность могла получить за сходство с медведем. Ср. известный крымской ороним *Аю-Даг*, т.е. ‘медведь-гора’ (татарск.): очертания горы напоминают медведя, припавшего к морю напиться.

АРМА́ ХАЯ́. Название места (каменного урочища) возле села Новая Сартана, на правом берегу речки Кичиксу. Представляет собой выход гранитных масс среди полей, здесь раньше были «большие каменоломни». От *Арман хая*. Урумский топонимический изафет. Его определяющая часть – существительное *арман* ‘место молотыбы, гумно, ток’, определяемая – географический апеллатив *хая* ‘скала’, т.е. ‘скала, каменистый выступ, где добывался камень для молотыбы’. Ср. крымскотатар. *арманташ* ‘камень для обмолота’.

АРХАНГЕЛЬСК – село в Ясиноватском р-не. Через село протекает ручей без названия, берущий начало из *Чумацкой криницы*. Название села от агнионима (имени святого) Архангел Михаил. Его жители в прошлом употребляли название Архангельск в искажённых формах: *Арханск, Архановка, Архановск*. От одной из них и образован катойконим (название жителей) *архановцы*. На территории села находятся два ставка – *Орловский* и *Архангельский (Архановский)*, пять криниц – *Доцанá, Чумацкая, Кúдлина, Бочковá(я), Карапéтова* (от армянского личного имени Карапет) и мокрая балка *Макартéт* (в основе названия которой лежит украинский народный географический термин *макортеть/макотерть* – «котловина»).

АРЫМ. Название части посёлка Великой Новосёлки (запись 1973 г.). Топонимизированный урумский географический термин *арым* ‘впадина, котловина’. На этом месте, в 70-е годы прошлого века уже почти застроенном и заселённом, раньше был лиман.

АСЛÁN БАХЧÁ. Сад на окраине посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Топонимический изафет, состоящий из двух существительных: определяемого *бахчá* ‘сад’ и определяющего – личного имени *Аслан* (владельца сада), т.е. ‘Асланов сад’.

АСЛÁНОВА. Балка, п.п. Вербовой балки, п.п. Кальмиуса, недалеко от села Николаевка, Тельмановского р-на. Вариант: *Ослáнова*. В балке – *Ослáнова криница*. Поблизости – холмы *Аслановы могилы*. Севернее Мариуполя – железнодорожная станция *Аслáново*. В названии балки и других сопутствующих ему топонимах отразилось урумское личное имя местного жителя *Аслán* или производная от него фамилия *Аслáнов* (ср. этимологическое связанное с этими антропонимами тюркское личное имя *Арслан* ← *arslan* ‘лев’).

АСТУ ЗАВОД СТРАТА. Въезд в село Бугас (бывш. Максимовка, Волноваха) Волновахского р-на (газета «Логос» 1997, №4/62) – только в форме *Асту завод*), ведущий в сторону Донецка. Румейско-славянский топонимный гибрид со значением ‘городская (она же и заводская) дорога; дорога, ведущая в сторону Донецка’. *Асту* из рум. *сто* ‘в’; *стрáта* ‘путь, дорога’. Название *Завод*, или *Заўт*, приазовские греки относили к Донецку даже в 60-70-е годы

XX ст. (например, старшее поколение жителей посёлка Старобешево). Это «остаток» описательного топонима *Юзовский металлургический завод*, употреблявшегося в 70-е годы прошлого века и как именование промышленного предприятия, и как официальное имя рабочего посёлка возле завода, со временем превратившегося в *Юзово* или *Юзовку*. Начальной формой дромонима, очевидно, была *Сто (сту) Заво́д стра́та* ‘дорога в Завод, заводская дорога’.

АТ ЧАПХАН ОБА́. Возвышенность возле посёлка Старобешево (записи 1962 и 1969 годов). Урумский топонимический изафет. Первым (определяющим) компонентом его выступает словосочетание *ат чапхан*, в котором *ат* ‘лошадь’ и *чапхан* – форма действительного причастия прошедшего времени глагольной основы *чап* – ‘скакать’, т.е. ‘лошадь скакала’. Им определяется тюркский географический термин *оба́* ‘холм’. Здесь в старину во время праздника урожая Панаира проводились скачки с последующим вручением призов победителям на Церковной площади в селе, где был финиш.

АТАМА́Н ЧАЛГА́Н ТАРАМА́. Балка у посёлка Старобешево (запись 1974 г.). Урумский составной топоним изафетного типа со значением ‘балка, где косил атаман, или старший пастух – *одаман* + *чалган*, действительное причастие прошедшего времени урумского глагола *чалмах* ‘косить’ + *тарама* ‘балка’.

АФІ́НЫ. Старое название современного посёлка *Заря* в Володарском р-не. Основан был в 1930 г. и получил название Афины в память об исторической родине греков и их главном этническом центре. Ойконим *Заря* (укр. *Зоря*) образовался на базе соответствующего апеллятива, в советское время обладавшего высоким онимичным потенциалом. Например, только в 70е годы в ойконимии Украины было несколько десятков названий, связанных с этим словом или его производными: *Зоря* (*Заря*), *Зоряное*, *Зоряный*, *Зорянка*, *Зорянское*, *Зорька*, *Зори*, *Зоринск*, *Зориновка*, *Зоривка*, *Заря Труда* и др. В перечисленных ойконимах отразилось символическое значение слова *заря* (*зоря*), связанное с выражением идеи обновления жизни (ср. название одного из коллективных хозяйств в Донбассе в 20-е годы «Заря новой жизни»).

АХ ТОПРА́Х ТАРАМА́. Балка на окраине посёлка Старобешевево. Урумский топоним изафетного типа, определяющим компонентом которого является ловосочетание *ах топра́х* ‘белая глина’, определяемым – народный географический термин *тарама* ‘балка’. Общее значение топонима: ‘белоглинистая балка’.

АЧАПА́Н. Степная возвышенность на берегу Дубовки, п.п. Кальмиуса южнее села Староигнатьевки Телмановского района. Топонимизированное словосочетание *ат чапхан* ‘лошадь скакала’ (см. выше *Ат чапха́н обá*).

АЧЛІ́ ТАРАМА́. Балка, п.п. Шайтанки, п.п. Мокрых Ялов южнее Великой Новосёлки. Составной урумский топоним: *ачлы* ‘солёный, горький’ и *тарама* ‘балка’.

Б

БАБА́. Степная могила в истока балки Долин Тарама, л.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Возможны два объяснения происхождения оронима: а) топонимизированный урумский апеллатив *баба́* ‘отец’, следствие антропоморфизации географического объекта; б) возвышенность получила такое название по грубому каменному изваянию – «бабе», оставленному после себя кочевыми тюркскими племенами (половцами и др.). Выбор одного из предложенных вариантов объяснения затрудняет не только полное забвение этого географического имени, но и отсутствие ударения в его графической передаче, которую мы находим в пока единственном источнике (для тюркской версии – *Баба́*, для славянской – *Ба́ба*).

БАБАЛА́ ПИГА́ДЬЯ. Несколько родников на окраине села Стыла, Старобешевского р-на; возле болота на правом берегу Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Урумско-румейско-русский топонимный гибрид. В его первом компоненте отразился, вероятнее всего, тюркский антропоним *Баба́* или соответствующий апеллатив *баба́* ‘отец’, осложненный суффиксом прилагательного *-лы*, изменившимся в *-ла*; во втором – румейский географический термин *пигад* ‘источник, родник’ с русской флексией множественного числа. Этот термин встречается и в крымской топонимии: хутор *Пега-*

ди, источники *Пугаца(нин) Чокрак, Биюк Пугаца* и др. Другой термин – *врисси* ‘источник; фонтан’ (ср. новогреч. βρυσή), присутствующий в топонимии Крыма (ср. названия родников *Врисси, Кефалло-Врисси, Вересин-Чокрак* и др.) в топонимии приазовских греков отсутствует.

БАБА́Х. Степная возвышенность в верховье балки Чахчи, п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса; севернее Староигнатьевки, тельмановского р-на (К.). Отапеллятивный ороним: урум. *бабах* ‘степной сурок, байбак’. Вероятнее всего, остаток бывшего топонимического изафета *Бабах оба ‘холм, на склонах которого много сурчин’ (*оба* – урумский географический апеллатив со значением ‘холм, курган’). Ср. другие топонимы с лексемой *бабах*: *Баба́х тарамá, Баба́х уя* и др. В 1963 г. в селе Староигнатьевка был записан также полный вариант данного оронима с формой прилагательного в первой части – *Бабахлы́ обá*. Краевед С.Темир приводит ещё один вариант оронима – с формой множественного числа географического термина *бабахлы обалар* (газета «Логос», 1994 г., №4).

БАБА́Х ТАРАМА́. Балка, впадающая в Азовское море в юго-восточной части Першотравневого района, западнее Урзуфа (запись 1968 г.). Вариант: *Бах тарамá*. Урумский топонимический топоним: его определяемая часть – географический термин *тарамá* ‘балка’, определяющая – существительная в роли определения *бабах* ‘сурок’. Значение топонима: ‘сурчиная балка’.

БАБА́Х УЯ́. Балка возле села Новая Ласпа Тельмановского района (запись 1963 г.). Урумский топоним изафетного типа. Его определяющая часть – существительное *баба́х* ‘сурок’, определяемое – существительное *уя́* ‘низина, овраг, ложбина’. Значение топонима: ‘сурчиная балка’.

БАБАХЛЫ́ ТАРАМА́. Балка вблизи посёлка Старобешево – «в Бешевской степи, между Еленовской и Стыльской дорогами». Урумский топоним, состоящий из географического термина *тарамá* ‘балка’ и прилагательного *бабахлы́* ‘бабачий, сурчиный’, от «детского слова» *баба́х* ‘степной сурок’. На склонах балки было много сурчиных нор. Из пояснения информантов: «Старики говорили: март подойдёт – баба́х на другой бок перевернётся».

БАЗАРЬ-ту-СТРА́ТА. Въезд (он же выезд) в селе Бугас Волновахского района со стороны Мариуполя. Урумско-румейкое гибридное название дороги (дромоним) со значением ‘дорога на базар’. Ср. новогреч. *στράτα* ‘дорога, путь’. Мариуполь для приазовских греков долгое время был важнейшим местом торговли – базаром, где проходили ярмарки.

БАЙРА́К. В 1878г. была построена железная дорога Дебальцево-Никитовка. Она прошла вблизи села Государев Байрак. В 1898 г. управление Екатерининской железной дороги построило железно-дорожную ветку Горловка-Государев Байрак длиной в 7 верст 115 саженой, и Горловка получила прямой выход к станции Дебальцево. На расстоянии 4,5 версты от станции Государев Байрак находится пост Байраковский, названный по имени села. Сейчас станция переименована в Байрак (от *байрак* – ‘овраг’).

БАЛАБА́Н ТАРАМА́. Балка, п.п. Кальмиуса в Старобешевском районе (запись 1969 г.). Урумский топонимический изафет. Его определяющая часть – прозвище *Балаба́н* (от *балабан* ‘большой; великан; толстый; с большой головой’), определяемая – тюркский географический термин *тарамá* ‘балка’.

БАЛТАМУ́Р. Левый приток Сухой Волновахи, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Впадает в Сухую Волноваху у села Стыла. Гидроним зафиксирован двумя источниками: военно-топографической картой бывшей Екатеринославской губернии, составленной в середине прошлого века военными топографами Генерального штаба¹ и справочником «Каталог річок України». Современное название этой балки *Соло́дка*. Южнее, недалеко от села Малый Янисоль Володарского р-на Донецкой области, находится курган *Балтаму́р*. Вблизи него расположена балка с похожим названием *Балы́ Тарамá* ‘медовая балка’. Все три топонима относятся к объектам, находящимся на территории, где проживают потомки переселившихся из Крыма в конце XVIII в. греков, говоривших на урумских диалектах.

---

¹ Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии (середина XIX в.); Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Мариупольский уезд. – Екатеринослав. – 1904. – Вып. I. – С.22.

Структура топоним *Балтамур* проста: его первая часть – *бал* ‘мёд’ или ‘медовый’, вторая – *тамыр, тамур* ‘корень’, ‘жила’. Первичное значение лексикализованного словосочетания – ‘медовый корень’. Как апеллятив это слово не сохранилось ни в одном из современных урумских диалектов. Вероятно, так тюркоязычные приазовские греки называли лакричник, или солодку, – степное растение из семейства бобовых с мощной корневой системой. Корень солодки приторно-сладкого вкуса, примерно в пятьдесят раз слаще сахара. Она издавна в изобилии произрастала в приморских песках. Гай Плиний Секунд писал о «скифской траве», которая растёт «вокруг Меотиды», что она очень сладка и чрезвычайно полезна против астмы. О том, что в степях Восточного Ногай, одного из материковых владений крымского хана, часто встречался солодковый корень, писал в своей книге «Крымское ханство» и немецкий историк XVIII в. Тунманн.

Исходной формой гидронима был топонимический изафет *Балтамур Тарамá*, где *тарамá* – местный географический апеллятив со значением ‘балка’, а компонент *балтамур* уже выступал как цельнолексемная единица в роли определения (т.е. ‘сладкая балка’). Позднее произошёл пропуск термина. Данная ботаническая реалия нашла отражение и в топонимии других территорий. Например, в западном Казахстане, вблизи озера Эльтон, во 2-ой пол. XIX в. ещё был *Солодковый курган*, название которого тоже было связано с растением солодкой.

БАЛЫ́Х ЧИХХА́Н ТАРАМА́. Балка вблизи села Староигнатьевка Тельмановского района (запись 1972 г.). В ней криница *Балы́х Чиххáн Чохра́х*. Более распространён русский вариант *Рыбная балка*. Описательный урумский топоним со значением ‘балка, где появляется рыба’. Тюркский (урумский) топонимический изафет, в котором функцию определения выполняет словосочетание *балы́х чиххáн* ‘рыба появилась’, а определяемого – урумский географический термин *тарамá* ‘балка’. По рассказам старожилов, балка получила такое имя потому, что в кринице *Балы́х Чиххáн Чохра́х* (*чохра́х* – криница) они видели рыбу, которая могла попасть в её воду из-под земли из какого-то подземного потока в бассейне Кальмиуса, соединённого с рекой, что связано с карстовыми явлениями в этом районе.

БАСТІ́ЛИЯ. Название учебного корпуса Горловского государственного пединститута иностранных языков им. Н.К.Крупской (г. Горловка, Донецкая область), где в настоящее время находится факультет французского языка и литературы. Ранее студенты этого факультета занимались в более благоустроенном корпусе, который сейчас неофициально именуется *Сорбонной* (см.). Название новому корпусу дано по контрасту со старым: своё недовольство вынужденным переселением студенты и преподаватели выразили, прибегнув к коннотативному топониму *Бастилия* – ‘тюрьма’, ‘всякое место заточения человека’, (в основе которого – такое же название крепости, а с XV в. – тюрьмы в Париже, в 1789 г. взятая штурмом и разрушенная восставшим народом).

БАХЧИСАРА́Й. Северная часть старого (конца XVIII – нач. XIX вв.) Мариуполя. Основана греками-переселенцами из крымского Бахчисарая в 70-е годы XVIII века. В конце XIX в. в Мариуполе ещё была Бахчисарайская улица, одна из «продольных», т.е. тянувшихся вдоль морского берега улиц. В наше время на её месте находится бульвар имени Тараса Шевченко.

БЕ́ВЕРЛИ ХИЛЗ. Неофициальное экспрессивно окрашенное название улицы Кирова в г. Селилово, Донецкой области (Украина), где проживает местная «буржуазия». *Ты вчера видел «Lexus», что стоял на Беверли Хилз?* (запись 2008 г.). Урбанонимизация (переход в годоним) названия телесериала «Беверли Хилз» о приключениях американских тинейджеров, живущих в одном из фешенебельных кварталов Лос-Анжелеса.

БЕЗАЛКОГО́ЛЬНЫЙ. Неофициальное название части Калининского р-на Донецка. Здесь в советское время был построен завод безалкогольных напитков, где в основном работали слепые («живу на Безалкогольном»).

«БЕ́ЛКА»₁. Универмаг в Донецке. Сленгоним появился вследствие суффиксальной универбации словосочетания «Белый лебедь», являющегося официальным названием магазина (ср. подобные стяженные собственные имена: «Комсомольская правда» → «Комсомолка», Киево-Могилянская академия → «Могилянка» и др.).

БЕЛКА₂. Посёлок городского типа в Донецкой области. В отличие от вышеприведенного жаргонного ойконима «Белка₁», топоним Белка₂ образовался путём усечения основы официального ойконима с последующей суффиксацией: **Бел(енькое)+ка**.

БЕЛЫЙ КАРЬЕР. Неофициальное название части Ленинского р-на Донецка (сейчас здесь построен цирк «Космос»). Когда-то на этом месте был карьер, где велась добыча известняка.

БЕНДЕР. Посёлок возле Ясиновского коксохимического завода в г. Макеевке, Донецкой области. В настоящее время один из «элитных» районов города. *В прошлом году купил квартиру на Бендере. Мы тусовались на Бендере* (запись 2008 г.). В 50-е годы прошлого века посёлок строили рабочие из Западной Украины – *бандеровцы* (чаще *бендеровцы*, *бендеры*), как до сих пор нередко называют (с негативной коннотацией) в Донбассе жителей западноукраинских областей. Это привело к появлению жаргонного топонимического новообразования *Бендер*, несколько изменившего свои первичные грамматическую и звуковые формы благодаря паронимии – сближению с близкой по звучанию фамилией популярного персонажа романов И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» Остапа Бендера.

БЕРДА. Это загадочное имя имеет довольно большая река, впадающая в Азовское море, которая орошает земли юго-восточных районов Запорожской области. Вопрос о его происхождении ещё нельзя считать решённым. По поводу этимологии гидронима *Берда* было выдвинуто несколько гипотез. Ф. Брун видел в нём отражение этнонима *берендеи*. Его предположение разделял Д.И.Яворницкий. Принять это толкование мешают, во-первых, существенные структурно-фонетические отличия сопоставленных имен и, во-вторых, ложность исторического критерия: *берендеи*, которых летописцы именуют «своими погаными», в XI-XII вв. жили за пределами Половецкой степи (главным образом в Поросье).

Особенно неубедительной является попытка некоторых исследователей связать гидроним *Берда* с именем летописных бродников. На тюркском основе этимологизировал этот гидроним В.Н.Татищев: *Берда* – «имя татарское, *Бери*, или *взятая*». Позже

Ф.Е.Корш, рассматривая топонимы с элементом *Берд-*, также выводил их из татарского *берды* – ‘дал’ (с опущением слова бог).

Название *Бёрда* выводилась также из личных имён ханов Золотой Орды – *Бердыбёка* и *Девлёт-Берды*. Однако отражение тюркского антропонимического элемента *берд-* в данном гидрониме весьма сомнительно (даже если предположить, что на берегах Берды в XV в. находились пастбища, подаренные Девлет-Берды его родственником Хаджи Гиреем): насколько известно, отдельно от именного компонента этот служебный глагольный элемент не топонимизируется.

Маловероятно, чтобы глагольный компонент личного имени, четко проявляющий в языковом сознании тюркоязычного населения Северного Приазовья свою связь с другим обязательным компонентом антропонимической модели, мог оторваться от этого компонента и стать названием реки. Определяя отантропонимную природу гидронима *Бёрда*, стоит допустить усечение антропонимов, топонимизированных в языке славян (процесс упрощения гидронима с сохранением лишь акцентно выразительной его части: *Бёрда* < *Девлет-Берда́*, *Келеберда́* и т.д.), для которых весь этот звуковой комплекс был лишён смысла. Для тюрков элемент *Берд(а)* должен иметь примерно такое же значение, как для славян антропонимный компонент *-дан*, если бы он выделился из собственного имени *Богдан* и стал топонимом. Но есть свидетельства о том, что именно тюрки не воспринимали внутреннюю форму гидронима *Бёрда*, что для них он был лексически «пустым» названием.

На карте страны Восточный Ногай, опубликованной в 1784 г. Тунманном, приводятся татарские названия нескольких притоков Азовского моря с одинаковой гидронимной частью *Берд*; здесь же подаётся и перевод прилагательных, которые выполняют дифференцирующую роль: *Каялы́-Бьорт* (*Каменистый Бьорт*), или *Большая Бёрда* (т.е. современная *Бёрда*), *Жалинжис-Бьорт*, также *Мáлая Бёрда*, *Оталы́-Бьорт*, также *Срédняя Бёрда*. Обращает на себя внимание, во-первых, явно не глагольный характер элемента *Берд* (*Берт*) в сочетании с определяющим его прилагательным и, во-вторых, консонантное окончание гидронима, в чем можно видеть следствие фонеморфологического приспособления названия женского рода *Берда* к структуре тюркского слова.

Поиски ответа на вопрос о происхождении названия приазовской Берды в значительной степени облегчаются хорошо выраженной природной особенностью реки, протекающей через скалистую местность. Этот признак и лёг в основу первоначальной семантики названия. В гидрониме *Бёрда* отразился известный славянским языкам в древности географический термин *бёрдо* (старослав. *брьдо*) – ‘холм’, ‘гора’, который сохранился теперь не во всех славянских языках, ср. серб. *брдо* – ‘гора’, словенское *brdo* – ‘холм’, географический термин *брьдо* – ‘холм’ часто встречается в болгарской топонимии и т.д. Польский исследователь З. Штибер отмечает большую распространённость названий типа *Berdo* в топонимии Бойковщины и Закарпатья. «В равнинных местах Малороссии слово «бердо» в значении горы забыто», – писал Н.Ф.Сумцов. В некоторых диалектах современных славянских языков этот термин выступает ещё со значением ‘берег’, ‘косогор’, ‘ущелье’, ‘пропасть’, ‘источник’ и др. Таким образом, приазовский гидроним *Берда* – одно из ценных свидетельств о распространении термина *бердо* в древности на более широком, чем сейчас, восточнославянском пространстве.

Топоним *Бёрда* (приазовская) прошел следующие этапы своего развития: *бёрда* (форма множественного числа – ‘могилы’, ‘скалы’) > *Бёрда* (лексически прозрачное название урочища: сначала – Каменных Могил, а затем и всей прилегающей к ним местности, по которой течет река, ср. тюркский гидронимичный дублет *Каялы Берт*) > *Бёрда* (гидроним). На первой стадии контактного перехода связь с названием урочища была жива, потом омонимия исчезает: урочище получает новое название (*Каменные Могилы*), а река сохраняет старое, но уже лексически опустошённое имя.

В редких случаях омонимия в названиях урочища и реки могла устраняться не лексическими средствами, а грамматическими: переосмысленному как форма единственного числа женского рода гидрониму *Бёрда* противопоставлялась «живая» флексия множественного числа в названии урочища (на «Карте Таврической области» в атласе Вильбрехта надпись *Берды* находится в верховьях реки Берды). «Донские дела» содержат сведения об употреблении топонима в форме множественного числа как названия урочища: 1. ... И мы, холопы твои, пошли назад и дошли до *Нижнихъ Бердъ* (1646 р.); 2. ... А ныне с того места они перешли и кочуют на *Бердахъ* (1648 р.); 3. А кочуют доньне те улусы блиска Крыму и подле мо-

ря Азовского на урочищах на *Бердахъ Нижнихъ* (1660 г.). Семантико-грамматическая связь гидронима и оронима, наверное, отражает и надпись в верховье Берды на карте Боплана (1650 г.) – *Suhi barda R.*, где форма множественного прилагательного указывает на значение множественного числа другого компонента – *Barda*.

Итак, название *Бёрда* сначала – на стадии перехода имени нарицательного в топоним – осмысливалось как множественное число. Функция гидронима стерла в нём это грамматическое значение, поскольку *-a* – типичный показатель названий рек. На данном этапе развития топонима возникает уже вторичное плюральное образование – *Бёрды*, которое широко употребляется в памятниках и на целом ряде карт XVIII в., во-первых, для обозначения реки с притоками и, во-вторых, как название нового, ещё большего урочища – всей местности, которая тяготеет к бассейну реки. Ср., например, в памятниках XVII-XVIII в.: 1) ... Межь Крыма и Азова кочюють Большо Ногаю мурзы с улусы своими по Кальмиюсу, и по *Бердамъ*, и по Молочнымъ Водамъ (1638 г.); 2) А прикочевали было те мурзы со всеми своими улусами с Молочныхъ Водъ к Азову близко по Крымской же стороне на *Берда* (1645 г.); 3) Корабль, который послан в *Берды* по соль, возвратился в добром здравии; 4) Ехал де он от Азовского моря из урочища *Берд* с рыбою (1708 г.); 5) ... Чтоб шли к нему, Некрасову, на *Берды* (1710 г.); 6) ... А потом и вино, на *Бердах* стоящее на землю разлитом; 7) ... Переводит на сю сторону Перекопа для кочевья на Молочных водах по-над *Бердами* и Азовского моря ... (секретные сведения из Запорожья о движении татар в 1762 г.); 8) ... Для заведения на *Бердах* новой линии (1770 г.) и др. Плюральная форма гидронима иногда ещё была возможна во 2-й пол. XIX в., ср.: «На реке Бердах».

Форма множественного числа гидронима часто употребляется в рапорте в сенат Якова Билса от 14 августа 1745 г.: «До *Берд*», «по реке *Бердам*» (!), «от *Берд*» и т. д.; в «скасах» и документах, освещающих работы по размежеванию земель в этом районе между донскими и запорожскими казаками 1745-1746 гг: «от реки *Берд*», «табуны на *Бердах* хаживали», «пошел было до *Берд*», «ходили на *Берды* за солью» и т.д.

Особенно интересны случаи параллельного употребления в одном и том же документе (и даже рядом) форм именительного падежа – *Бёрда* и косвенных падежей множественного числа, свидетель-

ствующие о значении множественного числа и в форме именительного падежа. Ср. в том же рапорте Я. Билса: «до *Берд*» и «в реку *Берда*»; в другом документе 1747 г.: «речка *Берда*» и ниже – «на *Бердах*».

БЕССАРА́БКА. Это крупный жилой массив в Никитовке. Недалеко от шахты имени Изотова в 1947-1952 гг. был сооружён рабочий посёлок. Для его строительства из Бессарабии, отчасти из западных областей Украины, приглашены рабочие-строители. Новый посёлок получил название «Соцгородок».

БИБИШЬ-Т-ХАЯ́. Скала на юго-западе от села Стыла Старобешевского района (запись 1966 г.). Вариант: *Голубиная скала*. Гибридный румейско-урумский топоним: рум. *бибиши* ‘голубь’, *хая* – урумский географический термин со значением ‘скала’; между ними – остаток румейского определённого артикля. Все слова объединяются конструкцией тюркского топонимического изафета. На этой скале раньше гнездились дикие голуби.

БИКИ́НИ. Площадь имени Бакинских комиссаров в Донецке. Жаргонный агороним образовался на базе одной из словоформ его меморативной части – *Бакинских*, которая в разговорной речи нередко используется как самостоятельный аналог полного официального имени (например: *выхожу на Бакинских*; *живу на Бакинских*), благодаря «передразниванию» – нарочитому паронимическому сближению со словом *бикини* ‘женский купальный костюм, состоящий из узкого бюстгальтера и плавок’ при полной бессмысленности такой связи. *Доедешь до Бикини, а дальше пешком* (запись 2000 г.).

БОЛОГО́Е. Жаргонное название главного корпуса Донецкого национального технического университета (ДНТУ). Город Бологое находится на севере Тверской области между Москвой и Ленинградом. Это и обусловило причину выбора названия главного корпуса технического университета, расположенного между гастрономами «Москва» и «Ленинград».

БОЛЬШО́Й КАРАТЫ́Ш. Балка (на карте-трёхвёрстке – речка), п.п. Гончарихи (Сухая Яла), л.п. Мокрых Ялов (в их верховье), л.п.

Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра¹. Впадает в Сухую Ялу недалеко от её устья (ниже другого её притока – речки Малый Каратыш), восточнее села Красная Поляна (бывш. Новая Каракуба), Великоновоселковского р-на. *Каратыш* – букв. ‘чёрный зуб’. Как географический термин слово *тиш* в тюркских языках означает ‘остроконечный утёс’, ‘отвесная скала’. Данное название могло появиться или вследствие топонимической метонимии (переносу имён на смежные географические объекты) – в этом случае продуцирующим (первичным) топонимом было наименование скалы, какого-то каменистого выступа, утёса на берегу речки, которое распространилось и на неё; или же, вероятнее всего, благодаря переносу гидронима *Каратыш* из бассейна реки Берды.

БОССЭ. Неофициальное название одной из частей Ленинского р-на Донецка, где находится Донецкий машиностроительный завод, в советское время имени Ленинского комсомола Украины (ЛКУ), построенный в 1889 году для производства горношахтного оборудования иностранцами Боссе и Геннефельдом. Фамилия первого из них и стала названием завода и микрорайона («работаю на Боссэ», «живу на Боссэ»).

БУГАС. Балка и село в Волновахском р-не. В начале XX в. зафиксировано двойное название села: *Волноваха Бугас*². Наличие такого же двойного – юкстапозитивного ойконима на рукописной карте конца XVIII в.³ свидетельствует об устойчивости его употребления на протяжении более чем столетия. Поэтому не прав донецкий краевед С.Темир, утверждающий, что в 80-е годы прошлого века произошло переименование села – из *Волновахи* в *Бугас* как следствие постройки железнодорожной станции, которая тоже получила название *Волноваха* (газета «Логос», 1997 г., №4/62). Появление вблизи омонимичного топонима только усилило положение урумского названия, известного с начала XIX в., и со временем привело к утрате старого ойконима *Волноваха*, к нарушению существо-

---

¹ Военно-топографическая карта Таврической губернии, 1962 г.

² Список земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. – Екатеринослав, 1904. – С.13.

³ Генеральная карта земель близ Таганрога, Новочеркаска, Мариуполя и Бахмута. Без года (≈ 80-90-е годы XVIII в.).

вавших ранее отношений. Коррелятивная пара *Волноваха*₁ = *Бугас* // *Волноваха*₂ изменилась в пару *Бугас* и *Волноваха*, утратившую взаимную обусловленность (последний ойконим – название железнодорожной станции и возникшего возле неё города, современного районного центра). С 1944 по 1992 гг. село Бугас носило название *Максимовка*. Возврат исторического топонима был вызван процессом возрождения национального самосознания приазовских греков, усилившимся в годы «перестройки» и после образования независимой Украины.

В названии поселения отразился многозначный тюркский (урумский) географический термин *богаз*, *бугаз* ‘проход’, ‘пролив’, ‘ложбина’, ‘перевал’, ‘горное ущелье’, в основе которого лежит омонимичный апеллятив со значением ‘горло’. Так, вероятно, была названа впадина, ложбина, где обосновались греки, переселившиеся из Большой Каракубы. Речь этих греков-эллинофонов изобиловала тюркскими лексическими вкраплениями, многие из них хорошо понимали в Крыму крымскотатарский язык, в Северном Приазовье – урумское наречие. Это и привело к возникновению легенды о происхождении топонима *Бугас*. Она была вызвана возникшей связью с урумскими словами *буга* ‘бык’ и *су* ‘вода’: *Бугас* – результат слияния в одном слове двух существительных *буга су* ‘бычья вода’. Сюда, свидетельствуют современные информанты, на водопой приходил бык, а затем тут поселились люди. Безусловно, уже под влиянием этого народного толкования топонима протоиерей С.Серафимов название греческого селения приводил в искусственных гиперкорректных формах – *Бугасу* и особенно *Буга-Су*, тем самым подчёркивая в нём никогда не существовавший географический апеллятив *су* ‘вода’.

БУДЁНОВКА. Неофициальное название западной части Пролетарского р-на Донецка, который до 1961 года именовался Будёновским.

В

ВАСИЛЬ ОЛЬГЁН ТАРАМА́. Балка, п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса возле села Староигнатьевка Тельмановского района (запись 1972 г.). Вариант: *Васёк тарамá*. Значение названия балки: ‘балка, где умер (в данном случае, вероятнее – похоронен) Василий (Василь, Васёк)’. Определяющим компонентом урумского составного

топонима является словосочетание *Vasíľь (Васёк) ольгён*, в котором словоформа *ольгён* является действительным причастием прошедшего времени с суффиксом *-ген* глагола *ольмек* ‘умереть’.

ВЕЛИКА́Н. Название одного из микрорайонов Горловки, получивший свой имя по названию угольного пласта, который залегал на глубине под ним.

ВЕЛИКАЯ НОВОСЁЛКА. Посёлок городского типа, районный центр. Варианты: *Вели́кая Новосёлка, Великая Новосёловка, Большая Новосёлка, Большая Янисоль, Больше-Янисель, Больше-Янисоль, Б. Янисель, Большой Ени-Сала, Буюк Енисала*. Название *Большой Янисоль* посёлок официально носил до 1946 г.

Среди ойконимов Донецкой области *Новосёлок* или *Новосёловок* больше десятка. Значение этого названия – прозрачно: ‘новое селение’. Нередко это были выселки из старых сёл, где жить стало тесно. Однако интересующее нас название районного центра, основанного в 1780 г. на правом берегу степной речки Мокрые Ялы (л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра), иного происхождения. Оно представляет собой дословный перевод старого крымского гибридного топонима *Ени Сала*. Тюркский географический термин *сала* многозначен: ‘угол’, ‘рукав реки’ и ‘деревня, село’. Последнее значение, по мнению В.В.Радлова, – результат переделки русского слова *село*. Ср. ещё названия других крымских сёл, населённых греками-тюркофонами, в бывшей Готской области: *Ви́я-Сала́, Улу́-Сала́*. Примечательно, что заимствование из русского *сала* имеется и в чувашском языке. Вообще географический апеллятив *сала́* в ойконимии Крыма нередок. Кроме вышеуказанных, это названия селений: *Султа́н-Сала́, Хаджи́-Сала́ (Буга́з-Сала́), Ени́-Сала́* (трижды) и др. Один из районов современного Бахчисарая сохраняет своё старое имя *Эски́-Салачи́к* (букв. ‘старое сельцо’). Первая часть составного крымского топонима – прилагательное *ени́* ‘новый’. Основатели Великой Новосёлки говорили как на урумском, так и на румейском наречиях. Первое из них А.Н.Гаркавец соотносит с говорами кыпчакско-половецкого типа с незначительным количеством огузских элементов, а второе – с теми румейскими говорами Крыма, которые были распространены «от Фороса на западе до Феодосии на востоке и Белогорска (Карасубазара) на севере».

Поселение называли также *Салгёр Ені Салá* – в память об одноимённом крымском селе, откуда вышла часть переселенцев (основная же их масса была из села *Салт Ені Салá*). В ногайском языке *салт* – ‘быстрый’. Первый элемент составного названия *Салт Ені Салá*, очевидно, вначале появился как гидроним (как название речки, ручья) и в ойкониме выполнял уточняющую функцию. Аналогичную роль выполнял и гидроним *Салгёр* в соотносительном ойкониме *Салгёр Ені Салá* (*Салгёр* – рука в Крыму, впадающая в Сиваш). В свою очередь, в названии реки мог отразиться тюркский родоплеменной термин *салгёр* ‘огузы’. Словосочетание *Ені Салá* на новом месте с течением времени изменяется в *Янисóль*, *Янисéль*, *Янисáль* и др. Эти варианты названия произносились с ударением как на первом, так и на последнем слоге.

На одном из притоков Кальчика – речке Калке в 1779 г. греки-переселенцы основали другое село со сходным названием – *Янисоль*. Сюда они пришли из крымских сёл Ени Сала, Ени Кой, Джемрек и Уйшун, входивших в состав Карасубазарского уезда. Поэтому, наряду с *Янисóль*, это село именовалось и *Джемрек*. Одинаковые названия этих сёл расподобились посредством присоединения уточняющих прилагательных. В документах дореволюционного времени и советского периода (до середины 40-х годов) мы встречаемся с такими формами именованья Великой Новосёлки, как *Большая Ені-Салá*, *Большой Янисóль*, *Больше-Янисéль*, *Бол. Янисáль* и др., которым были противопоставлены многочисленные варианты названия села в нынешнем Володарском р-не – *Малая Ені-Салá*, *Харахлá Ені-Салá*, *Малый Янисóль*, *Мало-Янисóль* и др. (приводим их в прежнем правописании).

Такая неупорядоченность в выборе основной формы ойконима была устранена в 1946 г., когда село *Большой Янисóль* переименовали в *Великую Новосёлку*, составное название которого стянулось в устной речи в одно сложное слово – *Великоновосёлку*, а село *Малый Янисóль* получило идеологизированное название *Куйбышево*. Топонимия Донбасса потеряла два исторически ценных ойконима.

Определение *великая(я)*, вошедшее в состав названия районного центра, – украинское слово. Соответствующее ему русское прилагательное имеет значение не ‘большая’, а ‘огромная’, ‘выдающаяся’. Украинское слово сберегло утраченное в русском языке значение (с ним оно прежде было в названиях таких старинных русских горо-

дов, как *Великий Новгород*, *Великие Луки* и др.). В последнее время утвердился принцип в русской передаче украинских топонимов украинское прилагательное сохранять, но раньше оно передавалось и как *великий*, что увеличивало количество вариантов интересующего нас ойконима. Несмотря на то, что существовавшее до 40-х годов противопоставление названий *Большой Янисоль* и *Малый Янисоль* уже сейчас отсутствует, тем не менее определение *Великая* (*Велико-*) продолжает выполнять важную для географических имён различительную функцию, но уже по отношению к другим *Новосёловкам* и *Новосёлкам* области.

Названия жителей села по ойкониму: *новосёловский*, *новосёловская*, *новосёловские*.

ВЕСЁЛОЕ. Село в Шахтёрском районе. Местные жители связывают ойконим с прозвищем основателя хутора – *Весёлый*. Не исключено, что в названии хутора, которое дали ему жители окрестных селений, отразился весёлый нрав его прежних жителей. Ойконим мог возникнуть и как предзнаменовательное мелиоративное (возвеличивающее) название, предвещающее благополучную («весёлую») жизнь. Таких ойконимов в топонимии только в Донецкой области почти два десятка (*Весёлое* – 13, *Весёлая Долина* – 2, *Весёлая Гора*, *Весёлое Поле*, *Весёлый Гай*).

ВЕСЁЛЫЙ. Хутор, в 70-е годы прошлого века находившийся на территории Ясиноватского р-на. В настоящее время вошёл в состав Донецка. Первопоселенцами этого небольшого хутора были крестьяне села Скотоватого. На южной окраине села один из наиболее неблагоустроенных её участков называли *Собачёвкой*. Здесь же находится и *Шилов Яр*, названный так потому, что здесь жил крестьянин Шилов. При въезде в село находится балка с названием *Плесó*, образованное от народного географического термина *плесó* – ‘омут, болото’. И, наконец, как же объясняют сами жители название своего крохотного и захолустного хутора, жизнь которого не располагала к веселью? Оказывается, по этой причине он и стал весёлым. Всё дело в том, что в 30-е годы прошлого века, когда возник хутор, проезд через территорию аэропорта был запрещён (посёлок находился рядом с аэропортом Донецка). Поэтому якобы пьяницы строили шалаши, запасались водкой и, естественно, веселились. По-

этому хутор называли ещё *Весёлые Ребята* (благо эта кинокомедия с большим успехом шла в кинотеатрах и очень подошла для второго названия хутора).

ВОЛНА́. Город Волноваха, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Астиосленгоним образован путём усечения общепринятого названия города, в результате чего появилось формальное совпадение с апеллятивом *волна*. Присутствует также в составе ещё двух равнозначных астиосленгонимов с англо-американскими топонимическими «добавками»: *Волна́-Сі́ти* и *Волна́-Вéгас* (последняя от *Лас-Вегас* – названия американского города в штате Невада, являющегося крупнейшим центром индустрии развлечений и игрового бизнеса).

ВОЛНОВА́ХА. Правый приток Кальмиуса. Вариант: *Мо́края Волнова́ха*. Первые случаи фиксации гидронима относятся к 40-м годам XVIII в. В это время река называлась по-разному: *Волноваха*, *Мокрая Волноваха*, *Волненская речка*. Последний вариант названия сберёг один из документов 1745 г., опубликованный Д.И.Яворницким¹. Гидроним в форме словосочетания из двух прилагательных – *Мокрая Волноваха* (в искажённой записи – *Мокрая Вольноваха*) приводится на рукописной «Генеральной карте Новороссийской и Азовской губерний» 1778 г. Определения *Волненская*, *Волновая* прямо указывают на связь гидронима *Волноваха* с русскими словами *волна*, *волнистая*. Слово *волна* XVIII в. могло быть распространено и в степных диалектах украинского языка, активно взаимодействовавших с донскими русскими говорами. В названии реки получил отражение такой её признак, как значительные колебания водной поверхности, её «волноватость». В гидронимии Украины и России присутствуют названия с подобной мотивацией. В бассейне Днепра это *Филева́* (из *Хвильова, т.е. ‘волнистая’), п.п. Псла, л.п. Днепра. Одним из возможных очагов возникновения гидронима *Волноваха* могла быть известная в Донбассе *Кипучая Криница*, или *Хайнах Чохрах*, бьющая из-под земли в карстовой зоне бассейна Кальмиуса.

---

¹ Эварницкий Д.И. Источники для истории запорожских казаков – Владимир, 1903. – С.1449.

Форма гидронима исторически сложилась следующим образом. Вначале он выступал в форме прилагательного с суффиксом *-оват-* (*-уват-*) и имел прозрачное значение 'волнистая, волнующаяся'. Многие подобные географические имена (особенно много их на востоке Украины, на левобережье Днепра, на нижнем и среднем Дону) позднее переоформляются в имена существительные (структурно субстантивируются) при помощи суффиксов *-к(а)*, *-ец*, *-ах(а)* и др. Эти суффиксы в процессе образования новых форм присоединялись как к полным (*Песковатка, Песковатец*), так и к усечённым основам (*Песковаха, Лозоваха*). К усечённой основе *волнов-* (в полном виде: *водноват-*) был присоединён топоформант *-аха*, что привело к возникновению современной формы названия – *Волноваха*, которая с течением времени утратила смысловую ясность. Более полноводное русло главной реки ещё в XVIII в. стали именовать *Мокрой Волновахой*, а её левый приток – *Сухой Волновахой*. Топонимическое определение *Мокрая* вначале означало 'более полноводная', чем *Суха Волноваха* (далеко не все «сухие» реки безводны, просто у них меньше водосбор, они мелководны).

ВОЛЧЬЯ (ВОЛЧЬИ ВОДЫ). Определённые трудности связаны с этимологией целого ряда гидронимов, представляющих суффиксально непереоформленные названия животных (*Бахмут, Жеребец, Бык, Кот, Конь, Битюк* и некоторые другие). Это, в частности, касается названий «волчьих» (или «бирючьих») рек или «вод».

Значительная часть их соотносится с апеллятивами *волк* или *бирюк* (последний – для территории с русским населением). Остальные же этимологизируются на основе географического термина *волок*. Несомненно, что часть восточнославянских «волчьих» рек имеет в своем составе эту переосмысленную позже корневую морфему. Такое переосмысление некоторых «волчьих» рек (в том числе и название левого притока Самары) допускали Ф.Брун¹ и Н.П.Загоскин².

Переосмысление части «волчьих» рек как «волчих» («вовчих») произошло уже после того, как волок утратили свое хозяйст-

¹ Брун Ф.К. Черноморье. – Одесса, 1879. – Т. I. – С. 133.

² Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. – Казань, 1909. – С.90.

венное значение. Таким образом, историкам, изучающим вопрос о развитии путей сообщения в древней Руси, нельзя забывать и этот топонимический ориентир: «волчьи» реки в отдельных случаях могут служить ценным указанием на древние волоки.

Дифференцированный подход к определению этимона в группе славянских «волчьих» рек находим у Т.Лер-Сплавинского: если часть их (и можно думать – значительную) можно напрямую связывать с названием зверя (*Wilk, Wolk* < праслов. **vl'kъ*), то определённое количество созвучных названий надо интерпретировать как ‘мокрые’, соотнося их с формой прилагательного * *vl'gъkъ* – ‘влажный’¹.

Однако не всегда и смысловая связь со словом *волк* бывает такой непосредственной и прямолинейной. Прилагательное *волчий* в топонимной функции часто теряет значение апеллятива, негативно характеризуя географические объекты, которые не имеют в жизни человека хозяйственного значения. В данном употреблении прилагательное *волчий* синонимично слову *дикий* – ‘не тронутый рукой человека’, ‘необработанный, некультуриваемый’. Ср., с одной стороны, *дикая местность, дикий виноград*, а с другой – топоним *Волчьи пустоши, волчьи ягоды* и т.д. В документах XVII в. (например, в воронежских актах) такие необжитые и необработанные участки земли ещё довольно часто именовались *диким полем* (ср. также известный хороним *Дикое поле*). *Волчьи пустоши* могли быть названы *волчьими* не только потому, что на них появлялись волки, но и оттого, что площадь их в этой местности была непригодной для обработки.

Есть основание считать, что с таким же пейоративным (отрицательным, негативным) значением выступает эта лексема и в названии левого притока Самары, л.п.Днепра – р. *Волчьей* (в документах XVI-XVIII вв. ещё *Волчьи Воды*), которая представляет собой значительную водную артерию, несущую горько-солёную, иногда и вовсе непригодную для употребления воду. Особо подчёркнута эта зависимость дотопонимного значения гидронима от пейоративной семантики апеллятива в описательной русской форме названия – р(ека) *Волчьей Воды*, которую мы находим на «Пограничной карте

---

¹ Lehr-Spławiński T. Rozmieszczenie geograficzne prasłowiańskich nazw wodnych // Rocznik sławistyczny. – Т. XXI, cz. 1, 1960. – S.12.

Российской и Турецкой империи и Польши» И.Ф.Шмидта 1769. Ср. характеристику воды Самары и Волчьей, которую уже в наше время даёт Н.Юденич: «Для питья вода Самары и Волчьей мало пригодна, а у Павлограда она солёная, пить её сырой нельзя. На огородах, политых этой водой, остается тонкая соляная корка»¹. Это название семантически гармонирует с топонимическим контекстом – с гидронимией бассейна Волчьей, рек прилегающих районов, которые характеризуются подобными гидрографическими показателями. В бассейне Волчьей мы находим большую группу речных названий пейоративного плана: значительное количество названий типа *Солёная*, *Солёнькая*, рукав *Гнеюка*, возможно, *Кобыльная* и т. д. По свидетельству Д.И.Яворницкого, сама р. Волчья в XIX веке имела параллельное народное название *Кобыланка*, то есть ‘кобылья вода’.

Примечание. Прилагательное *волчий* с пейоративным значением широко употребляется и в восточнославянской ботанической номенклатуре. Ядовитые плоды многих дикорастущих кустарников и травяных растений называются *волчьими ягодами*². Словари В.Даля и Б.Гринченко приводят длинный перечень народных ботанических названий с атрибутивной частью *волчий* (реже – *бирючий*): *волчья трава*, *волчьи глазки*, *волчий корень*, *волчий лаврик*, *волчий перец*, *волчьи лыко*, *волчец* (общее название многих колючих бурьянов: чертополоха, парила т.п.); *волчий боб*, *волчий горох*, *волчьи жилы*, *волчий зуб*, *волчий корень*, *волчье копыто*, *волчья лапа*, *волчье молоко*, *волчьи серьги*, *волчье тело* и многие другие. Ср. ещё: *бирючьи ягодки*, *бирючина*, *волчняка* – трава *Nardus stricta* (её трудно косить)³. Грибы-дождевики впоследствии превращаются в наполненные темным порошком несъедобные белые шарики, которые имеют русское народное название «волчий табак».

В других славянских языках: бол. *вълча ябълка*; чеш. *vlčí mak* – «дикий мак»; пол. *wilcze лыко* – «волчье лыко», *wilczomlecz* – «молочай», *wilczy groch* – «люцерна», *wilczy боб* – «ежовая головка», серб. *вучак* – «лютик», *вучји корен* – «лютик» (ядовит), *вучие трешнье* – «волчьи ягоды» и многие другие. Видеть и здесь прямую зависи-

¹ Юденич О.М. По річках України. – К., 1958. – С.171.

² Нейштадт М.И. Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. – М., 1948. – С.307.

³ Куликовский Г. Словарь областного олонеккого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898. – С.11.

мость от *Canis lupus* – значит стать похожим на мальчика, который, боясь волков, попросил забрать его с дачи, и в ответ на заверения отца, что там их нет, резонно спросил: «Тогда зачем здесь волчьи ягоды?» Подобные названия распространены и в народной медицинской терминологии (ср. *волчья пасть, волчанка, волчий зуб* и др.). Неодобрительная коннотация в образованных от слова *волк* прилагательных имеет, очевидно, индоевропейские источники. Интересной смысловой параллелью к русскому ботаническому термину *волчан* (польск. *wilczyn*, серб. *vičjak* является латинское *lupinus* – «люпин»)¹. Ср. ещё молд. *ниперу лупулуй* (букв. ‘волчий перец’), нем. *wolfsbohne* (букв. ‘волчья фасоль’) и др. Очевидно, что в данном случае обычай названия в топонимической, ботанической и народно-медицинской терминосистеме совпадал.

По нашему глубокому убеждению, большую ценность для науки дало бы изучение в диахроническом аспекте смысловых источников индоевропейской гидронимии «волчьего» ряда. Такое исследование должно основываться на широком фоне всех доступных экстралингвальных условий – географической среды, исторических и других факторов, которые имеют значение для выяснения причины подобных названий. На современном этапе возможность возникновения топонимов с пейоративным определением *волчий* в густонаселённых районах нашей страны если не полностью немислима, то, во всяком случае, крайне ограничена: интенсивное уничтожение самого зверя и хозяйственное использование бывших пустырей и «плохих» вод исключает появление в процессе топонимной номинации самой ассоциации с *Canis lupus* (латин. ‘волк’), в прошлом реальным или вымышленным хозяином необжитых мест. Интересно, что в тюркской топонимии по аналогичным причинам (а также в связи с исчезновением старых демонических представлений) дезактивировалось возникновение названий с лексической базой *шайтан* (ср. топонимы типа *Шайтанка* и т.д.).

Гидроним *Волчья* (л. п. Самары) до XVIII в. употреблялся в составной форме – *Волчьи Воды, или Волчья Вода*. На современном

---

¹ О вредных свойствах этого растения писал ещё 2300 лет назад «отец ботаники» Феофраст. Показательно, что древнегреческое название люпина – θέρμος <θερμός – ‘горячий’ (растение так названо, очевидно, из-за горького вкуса).

этапе полная форма не применяется, её следует рассматривать как топонимный архаизм (поэтому нельзя согласиться с составителями «Каталога рек Украины», которые приводят её как дополнительную). Гидроним *Волчья* воспринимается нами уже в другом семантическом ракурсе, чем в XVII-XVIII вв. воспринималось название *Волчьи Воды*: эллипс (пропуск) определяемого слова усилил прямую связь с апеллятивом *волк*, ослабленным в полной форме гидронима.

В заключение отметим, что в украинской гидронимии доминируют названия типа *Волчья* над именами от основы *бирюк*, что связано с отсутствием последнего апеллятива в лексике большинства украинских говоров. На ареале Восточной Украины «бирючьи» гидронимы в основном размещены в бассейнах рек, впадающих в Таганрогский залив Азовского моря – Миуса, Еланчиков и Кальмиуса, чрезвычайно редки они в бассейнах рек Берды, Волчьей и Казённого Торца. Также мало их на Северском Донце выше Деркула. Количество их резко увеличивается на территории ниже левого притока Северского Донца – реки Глубокой, хотя в верховьях Калитвы «волчьи» названия ещё преобладают над «бирючьими» (в соотношении 4:1). Что касается гидронимии смыслового ряда «*lupus*» («волк») на последней части бассейна р. Дон, то, судя по «Списку» П.Л.Маштакова, она появляется только в его среднем течении (между реками Тихая и Хопёр), а также в бассейне Бузулука (л.п. Хопра) и на всём своем протяжении демонстрирует значительное преимущество «бирючьих» имен над «волчьими». Такая диспропорция в распределении лексем *волк* и *бирюк* в гидронимии Северского Донца и остальных районов бассейна р. Дон связана с господствующей ролью украинского населения в создании гидронимной номенклатуры Придонечья. И только на крайнем юго-востоке Украины, в районах, ранее входивших в состав Земли Войска Донского¹, и на смежных землях правобережного Покальмиусья мы видим полосу «бирючих» гидронимов, вклинившуюся с востока и с большими разрывами протянувшуюся вдоль морского побережья до самого Крымского полуострова (см. прилегающий к Федотовой косе *Бирючий остров*).

---

¹ В их заселении в конце XVIII - XIX вв. активное участие принимали русскоязычные выходцы из казачьих станиц Нижнего и Среднего Дона.

Г

ГАПКИНШТРА́ССЕ. Одна из сторон центральной улицы г. Мариуполя (Украина) – проспекта им. В.И.Ленина. В 50-е годы прошлого столетия, когда был записан этот годоним, на ней находилось большинство продовольственных и хозяйственных магазинов, по ней домашние хозяйки предпочитали ходить на местный рынок, по вечерам не гуляли местные модники и молодёжь, предпочитавшая для этого противоположную сторону проспекта – *Dentstrum* (см.). В первой части годонима отразилось разговорное коннотативное личное имя *Ганка* (< *Агафья*) – ‘простоватая, недалёкая женщина’, во второй – контрастирующее с ним немецкое слово *Straße* ‘улица’, т.е. ‘дорога, по которой чаще ходят простые, непритязательные *Ганки*’.

ГЕЗЛЕВÉ. Одна из частей старого (конец XVIII – нач. XIX вв.) Мариуполя в его нагорном районе у правого берега Кальмиуса. Здесь поселились выходцы из Евпатории, которая имела также тюркское название, появившееся после завоевания в XIV веке Крыма турками, *Гёзлёв*, превратившееся в русском языке в XVIII веке в *Козлов*. В конце XIX в. в Мариуполе ещё был квартал с названием *Гезлевé*.

ГЛОДО́СОВО. Название уже не существующего населённого пункта севернее Горловки. Здесь же протекает и ручей с таким же именем (правый приток Бахмута, правого притока Северского Донца). Это географическое имя входит в триаду названий восточнороманского происхождения, перенесенных в 70-е годы XVIII в. на земли бывшего Бахмутского уезда Екатеринославской губернии с Южного Буга молдаван и волохов, в том числе и из села *Глodosы*, в названии которого отразилось молдавское прилагательное *гладос* ‘грязный’.

ГОРГО́Р ОЛЬГÉН. Балка, п.п. Столовой балки, п.п. Кальмиуса. Топонимизированное словосочетание со значением ‘Григорий умер’. В этом месте когда-то было захоронение местного грека-урума, положившее начало сельскому кладбищу. Позднее вследствие переноса некронима на безымянную балку так стала называться и она. Ввиду невозможности звукосочетания *гр* в урумском наречии христианское личное имя *Григорий* изеняется в *Горгор*.

ГОТФЕЙСКАЯ УЛИЦА. Одна из «продольных», т.е. идущих вдоль морского побережья, улиц в старом Мариуполе. Вариант: *Готская улица*. Вероятно, названа по титулу митрополита Игнатия – «митрополит Готфейский (Готфийский) и Кефайский», присвоенному ему Святейшим синодом 14 марта 1779 г. В Крыму существовала область *Готия*, многие жители которой были греками, и Готская митрополия, издавна связанная с Византией. Ещё раньше, в XV-XVI вв., в ней жили черноморские готы, которых крымские татары называли *татами*, т.е. ‘покорёнными’.

ГРАНИТНОЕ. Село Тельмановского р-на; центр сельсовета. До 1946 г. – *Сатарая Карань*. Основано в 1780 г. урумоязычными греками-переселенцами из Крыма. Новое славянское название появилось в период устранения исторически ценных топонимов, связанных с заселением края крымскими греками. Его выбор был обусловлен тем, что поблизости (в посёлке Мирном) были расположены каменные карьеры и заводы, производившие гранит и щебёнку. Ойконим *Карань* – перенесённое из Крыма название. Селение основали переселенцы из крымских деревень *Карань*, Черкес-Кермен и Мармара. Этимология названия крымского селения неясна. Его основа *каран-* присутствует в таких крымскотатарских словах, как *каран* ‘мрак, темень’, ‘тесный’ и суффиксальных существительных *къараныкъ*, *кърангыы*, *къаранлыкъ* с общим значением ‘темнота’. В топонимии Крыма существуют и другие названия с этим словом в функции определения: речка *Карань-Узень*, пещера *Карани-Хоба* (на Караби-Яйле). После появления выселка *Новая Карань* главное селение получило уточняющее определение – *Старая Карань*. В верховье речки Кичиксу в начале XX в. уже существовала дорожная станция *Карань*, названная так по селу.

ГОЛОВА́. Памятник А.С.Пушкину – бронзовый бюст поэта на гранитном постаменте скульптора Н.А.Гинзбурга на бульваре его имени в Донецке за Драматическим театром имени Артёма. Артиосленгоним (сленговое, т.е. жаргонное название произведения изобразительного искусства) отмечен в молодёжном жаргоне Донецка. *Встречаемся в субботу утром у Головы* (запись 2007 г.). См. также *Свечка*.

ГОРЁЛЫЙ ПЕНЬ – ручей в бассейне реки Бахмут, правого притока Северского Донца и урочища возле него. В описи границ владений запорожских казаков 1764 г. имеется свидетельство о том, что именно здесь, «между границами тромя – Донскою, Запорожскою и Бахмутскою укопан» был «пень обгорелый»¹. Именно о нём содержится известие в народной легенде, записанной Я.П.Новицким в 1894 году (информатору было 87 лет) в городе Никополе: «Жылы так запорожци, поky одвоювалы у турка землю од Орили до моря шырынею (нириной. – Е.О.), от Бога-ричкы та до Горилого пня довжыною (длиной. – Е.О.). Горилый пень був пид Донщыною за Савур-могылою. Там могыла, а биля неи рис дуб, и такой товсючий, шо насылу пять чоловик обхвате. Як усох той дуб, его обпалылы, и довго чорнив вин серед степу. Его выдно було за сорок верст. Як силюндрувалы (разорили. – Е.О.) Запорожж, то биля того горилого дуба жив якийсь гайдамацький ватажок, а на Савур-могилы – другой, Сава»². Как ориентиры «горелые пни» упоминаются и в других документах – «Акты, относящихся до гражданской расправы древней России». – Киев, 1860. – Т.І. – С.22 (1510 г.). В Артёмовском районе Донецкой области по Горловской балке протекает и впадает в Мокрую Плотву правый приток Бахмутки ручей *Горелый пень*. В описи границ Запорожья, составленной в 1764 г. войсковым старшиной есаулом Андреем Порохнёй на основании опроса старых казаков, говорится об одном таком пне в районе расположения истоков Кальмиуса, Кривого Торца и Бахмута южнее урочища *Горелый пень*. Ещё одно такое урочище с названием *Горелый пень* было известно в середине XIX в. на левом берегу Миуса, там, где он делает крутой поворот выше устья своего главного притока Крынки. Появление таких названий связывают со старым обычаем использования в качестве межевых знаков обгорелых пней, которые иногда для этой цели специально вкапывались в землю.

ГОРЛОВКА. Датой основания города является 1867 год, когда здесь было намечено строительство железной дороги от Курска до

---

¹ Скальковский А. История Новой Сечи, или последнего коша Запорожского. – Одесса, 1841 (раздел «Приложение»). – С.400.

² Новицкий Я.П. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине 1875-1905 гг. (Репринтное воспроизведение издания 1911 года). – Рига. – 1990 г. – С.95.

Азова. 5 мая 1868 года началось строительство этой дороги. Концессию на строительство получил московский предприниматель, строитель железных дорог Самуил Соломонович Поляков. 23 декабря 1869 года состоялось торжественное открытие движения поездов по линии Харьков-Таганрог. В черте будущего города появились станция Никитовка и полустанок Корсунь. В 1871 году под руководством инженера П.Н.Горлова началось строительство рудника «Корсуньская копь №1». Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу.

ГОСУДАРЕВ БАЙРАК. Село было основано в 1754 году как пограничное поселение у истоков Лугани девятой ротой полка Прерадовича, затем вошло в состав Горловки. До прихода сюда в XVIII веке военных поселенцев эта местность уже имела это название и считалась «запорожской маетностью». Позднее составной топоним Государев Байрак сократился до одного слова уже в названии железнодорожной станции в Горловке.

ГУРЖИ СУВАТ. Балка в бассейне Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Урумский топоним изафетного типа, состоящий из этнонима *гуржи* ‘грузин’ и географического термина *суват* ‘место водопоя’. В связи с этим следует отметить, что в русском языке первой четверти XIX века, наряду названием страны *Грузия*, иногда употреблялся его редкий вариант *Гурджистан*, например, в повести В.К.Кюхельбекера «Адо» (впервые опубликована в 1824 году): «сладостный Гурджистан».

Д

ДАЧА. Село в Артёмовском р-не. В его названии отразилось слово *дача* со значением ‘земельный надел’. Известно, что правительства Екатерины Второй и Александра Первого щедро раздавали малозаселённые земли бывшего Бахмутского уезда частным лицам и уходящим в отставку военным под так называемые ранговые (т.е. соответствующие рангу) *дачи* с условием, что их новые владельцы заселят их в установленные сроки.

ДВЕНАХА. Распространённый в речи шахтёров жаргонный вариант ойконима *посёлок шахты №12/18*, или *Двенадцать-*

Восемнадцать, в Пролетарском районе Донецка. *Семь лет я жил на Двенахе. Он раньше на Двенахе работал* (запись 2001, 2003 гг.). Трансонимизация (эргоним → ойконим → городской хороним), которая сопровождалась универбацией (стяжением) с окказиональным суффиксальным дооформлением первой части нумеративного компонента в названии шахты и посёлка при ней. См. также *Шаха́*.

«ДВІ́НКА». Магазин №12, или «*Двенадцатый*», в г. Макеевке, Донецкой области (запись 2008 г.). Этот разговорно-неофициальный ойкодомоним образован путём суффиксации усечённой основы *Двен-* (произносится: *двин-*). Ср. также *Дві́нка*, *Двенáха* – жаргонные варианты названия шахты №12/18 в Пролетарском районе Донецка (*Приезжай ко мне на Двенаху*).

ДЕВЯТИХА́ТКИ. Разговорный вариант названия посёлка Верхний Восточный в Красногвардейском (Червоногвардейском) районе г. Макеевки, Донецкой области, застроенного девятиэтажными домами. Образовался благодаря контаминации (скрещению) апеллятивной словоформы *девятиэтажки* с хорошо известным ойконимом *Пятихатки* (город в соседней Днепропетровской области).

ДЕНДИСТРІ́Т. Одна из сторон центральной улицы г. Мариуполя – проспекта им. В.И.Ленина (запись 1956 г.). Другая – *Гапкинштрассе* (см.). На ней был расположен кинотеатр «Победа», магазины галантерейных и текстильных товаров, центральной гастроном, по вечерам любила тусоваться местная «золотая» молодёжь. Отсюда и её название, нарочито составленное из двух английских слов: *dandy* – ‘щеголь, франт’ и *street* ‘улица’.

ДО́КУЧ. Жаргонный вариант названия города Докучаевска, Донецкой области, образованный усечением официального астионима (запись 2008 г.). Ср. также *Днепр/Днепрó* ‘Днепропетровск’ (первый вариант вошёл в название газеты «Днепр вечерний»), **Челя́ба** ‘Челябинск’ и под.

ДОКУЧА́ЕВСК. Старое название города – **Еленовские карьеры**. Современное название (с 1954 года) связано с фамилией вы-

дающегося учёного, основоположника научного почвоведения В.В.Докучаева, изучавшего этот участок Донецкой степи.

ДОМ ПАВЛОВА. Ойкодомонимы, относящиеся к разрушенному дому в к. Украинске, Донецкой области (Украина). Первый характерен для речи старшего поколения местных жителей, второй – для молодёжного сленга. «Сорок километров от Донецка. Сухо шелестит под ветром кукурузное поле. Поворот. Окраинный дом в четыре этажа у дороги «газель» притормаживает:

– Укράїнск спрашивал? Выходите, если очень надо...

Собственно, я готова ко всему, что могу здесь увидеть. Но подурачки спрашиваю, показывая на здание:

– А это что?

– «Чечня!» – криво усмехается водитель. – «Чечня» – по молодёжному. А мы говорим – «Дом Павлова». – Без войны, с независимостью вашей украинской, разрушили всё и удивляетесь теперь, мать вашу... – бросает мне в спину крепко выпивший дед, безошибочно распознав «чужака». И далее: «Тихо закрываю дверь маршрутки. И иду к «Чечне». Действительно, похоже на кадры кинохроники, когда рядом упали бомбы, а потом случился артобстрел» (О.Мусафирова. «Новые украинцы». – «Комсомольская правда» в Украине», 3 окт. 2006 г.).

ДОМА́ХА. В связи с работой, которая проводится по возрождению запорожского и донского казачества, особое значение приобретает изучение происхождения географических названий на территории исторического проживания казаков, установление их исконных форм. В топонимии Северного Приазовья казачья старина оставила заметные следы. Необходимо не только собрать не только такие исторически ценные топонимы, но и раскрыть их этимологию, бережно сохранить и, где это возможно, восстановить.

К их числу принадлежит *Домаха*, название исторического центра Кальмиусской паланки низового Войска Запорожского, находившегося в приморской части современного Мариуполя. Уже в конце XVIII – первой половине XIX в. оно было известно в «отражённом» состоянии – только как название озера в устье реки Кальмиус. Само озеро представляло собой остаток одного из трёх (правового) рукавов, которыми Кальмиус в то время впадал в Азовское

море. Основным руслом реки был левый рукав, остатком среднего рукава в XVIII-XIX вв. была гавань с названием *Ковш*. На рукописном «Плане города Мариуполя» в первой части «Атласа Новороссийской губернии», составленном в 1799 г. в Новороссийске, *Домаха* показана как озеро, уже утратившее связь с морем, в которое с севера впадает водоток, берущий начало в болоте. На «Плане городу Мариуполю» 1811 г. *Домаха* и *Ковш* ещё изображены как рукава Кальмиуса. При этом *Домаха* показана как имеющая связь с *Ковшом* и морем через незначительный проток. Вероятно, наличие в ней в ту пору проточной воды, открытый характер этого водоёма позволили составителям «Плана Екатеринославского наместничества окружного города Мариуполя» в рукописном «Атласе Екатеринославского наместничества» 1784 г. отнести название *Домаха* к небольшой речке, впадающей в озеро без названия. На рукописном «Плане северного берега Азовского моря от Кальмиуса до Таганрога» второй половины XVIII в. река Кальмиус в устье ещё имеет пять рукавов. На центральном острове в устье реки обозначено селение с надписью «Запорожская Кальмиусская Паланка», а восточнее, на косе Ляпиной, нанесена надпись «Рыбные заводы запорожских казаков». Слово *паланка* имело значение ‘укрепление с частоколом, укрепленный городок’. Оно проникло в украинский и русский языки, очевидно, из турецкого или венгерского, куда попало из итальянского. Сравните ит. *palanka* ‘частокол’ (в основе, вероятно, лежит латинское слово *palus* ‘кол’).

В «Описании городов и уездов Азовской губернии» 1799 г. этот гидроним (название небольшой речки, впадающей справа в Кальмиус) приводится в форме *Адамаха*. Так же и во 2-ом томе издания «Городские поселения Российской империи», наряду с формой *Домаха*. Описанный выше район ныне высохшего и засыпанного озера в устье Кальмиуса ещё сравнительно недавно старожилы Мариуполя называли *Домахой*. Данный топоним отразился и в названии той части отмели, находящейся в море западнее устья Кальмиуса, которая отходит от берега на расстояние примерно 1,5 км, – *Домашина Россыть*. Название отмели – от *Домаха*, имени старого казачьего городища на берегу озера или речки, рукава Кальмиуса с таким же наименованием. Сюда на берег Азовского моря в устье Кальмиуса приезжали на сезонный рыбный промысел из богатой Самарской паланки запорожские казаки (об использовании Кальмиуса как уча-

стка водного пути из Запорожья к Азовскому, а затем и Чёрному морю см. в «Описании Украины» Боплана). *Домаха* – это исторический центр, очаг, вокруг которого уже в последней четверти XVI в. образовалась казацкая крепость, в документах XVI-XVIII вв. именовавшаяся городом *Кальмиус*, ставшим главным селением *Кальмиусской паланки*, вокруг которого находились многочисленные зимовники запорожцев.

Название казацкого городища в ряде источников конца XVIII-XIX вв. представлено в форме *Адомаха*. В камеральном описании Мариуполя 1826 г. этот топоним приводится уже с греческим суффиксом – *Адомахиа*. От «древнего города Адомахии» производили и название залива на правом берегу Кальмиуса, а в самой *Домахе-Адомахе-Адомахии* улавливали отголоски имени якобы существовавшего здесь до появления казаков греческого поселения. Однако убедительного подтверждения эта гипотеза не получила. Наличие нескольких вариантов топонима свидетельствует о том, что он уже в начале XIX века утратил семантическую ясность. В таких случаях нередко появляются народные легенды, наивно и поэтично истолковывающие подобные неясные имена. Одну из них в первой половине XIX в. записал архиепископ Гавриил: вначале разделённые Кальмиус и небольшой овраг рядом соединила проживавшая здесь «запорожанка» *Домаха*, которая прокопала между ними ров, через него хлынула вода, образовавшая озеро, получившее затем её имя. В основе топонима *Домаха* лежит слово *дом*. В современном украинском языке оно было потеснено лексемами с корнем *буд-* (*будинок*, *будівля*). Однако корень *-дом-* присутствует во многих производных: *домовина*, *домовитий*, *придомок*, *дома*, *додому* и др. Одним из таких производных в староукраинской народной речи было слово *домаха* ‘жилище, становище’. Б.Д.Гринченко приводит ещё очень важное для нас его значение: «местопребывание рыбаков» и «первый улов вблизи их стоянки». Его словообразовательная структура: *дом* + суффикс *-аха* с экспрессивным значением. Это слово в старину было известно и русскому народному языку и отразилось в русской топонимии. Ср. севернорусский топоним *Домаха*, название места на берегу Чудского озера.

Вариант *Адамаха* – звуковая модификация изначального топонима *Домаха* со следами южнорусской фонетики – «аканьем» и приставным гласным звуком *а-*, характерным для некоторых дон-

ских говоров, где и сейчас можно услышать *авторник, авсегда, авчера, адвор, алипа, алиман, агарох* и т.п. В степных юго-восточных украинских говорах в XVIII-XIX вв. безусловно существовало аналогичное приставное *о-*, о чём свидетельствует вариант топонима Саур-Могила – *Осаур-Могила* (в записях 1854 и 1886 гг.). Это позволяет предположить, что существовал также фонетический вариант топонима *Одомаха*, появившийся в украинской речи. Оба варианта – украинский и русский (с «акающей» огласовкой) употреблялись одновременно, но в письменных источниках отразился только второй. Следует заметить, что сейчас уже забытый апеллятив *домаха* многократно отразился в географических именах юго-восточной Украины, где в XVI-XVIII вв. происходило активное расселение запорожских казаков. Чаще всего это названия степных балок и населённых пунктов.

ДОМБЭ́. Часть нынешнего проспекта Победы в г. Горловке, Донецкой области, где в довоенное время была небольшая улица, состоящая из двух четырёхэтажных зданий – дома Б-1 и дома Б-2, построенных для шахтёров, до 1934 г. живших в землянках *Шанхая* (*Собачёвки*) и *Пекина* (см.). Позднее этот участок у местных жителей получил название *Домбэ́*. Потом оно распространилось и на весь жилой массив. В настоящее время урбаноним *Домбэ́* в речи горловчан встречается редко, и его можно охарактеризовать как сленгоним-историзм с уже утраченной экспрессией и забытой мотивацией.

ДОНЕЦК. Город Донецк до 1924 г. носил название *Юзовка* и *Юзово*, до 1961 г. именовался *Сталин* и *Сталино*. Форма названия *Юзовка* появилась на базе более раннего словосочетания *Юзовский завод*. Вначале так называлось промышленное предприятие, владельцем которого в 1869 г. стал англичанин Д. Юз (Хьюз). Вблизи завода в 70-е годы XIX века возникает рабочий посёлок. Первое время завод и посёлок именовались одинаково – *Юзовский завод*, но впоследствии произошло их расподобление: название посёлка принимает форму *Юзовка* благодаря «стяжению» составного топонима в одно суффиксальное слово. Значительно реже встречается оно с суффиксом *-ов(о)*: *Юзово*. Как равноправные оба эти варианта («местечко» *Юзово* или *Юзовка*) зафиксированы, например, во втором томе «Сборника статистических сведений по Екатеринослав-

ской губернии», посвящённом её Бахмутскому уезду (Екатеринослав, 1886). Однако в 10-20-е годы XX в. топоним *Юзовка* чаще употреблялся как название населённого пункта, тогда как форма *Юзово* преимущественно относилась к железнодорожной станции. Форму *Юзово* как название станции и обе формы – *Юзово* и *Юзовка* в качестве названия селения употребил писатель А.С.Серафимович (в рассказе «На заводе»), посетивший *Юзовский завод* в 1897 году. Кстати, подобным образом появился и топоним *Луганск*. В середине прошлого столетия он ещё нередко выступал в первичной описательной форме *Луганский завод*, тождественной с названием предприятия (см: Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. СПб., 1862, с. 292, 322 и др.). Ещё в наше время (в 60-70-е годы прошлого века) в речи греков-тюркофонов посёлка Старобешево автором было записано неофициальное народно-разговорное название областного центра – *Заўт* (результат фонетической адаптации русского слова *завод*), а дороги в сторону Донецка – *Заут йол*, буквально «заводская дорога». Народная память сберегла старый топоним, которым тюркоязычные греки называли рабочий посёлок возле *Юзовского завода*. Их потомки (преимущественно старшее поколение старобешевских греков) по традиции в своей бытовой речи продолжали называть так уже крупный индустриальный город.

Как показали разыскания донецкого историка А.Р.Федонина (см. его публикацию в газете «Город» 26 мая 1994 г.), решение о переименовании *Юзовки* в город *Сталин* было принято на пленуме Юзовского окружного исполкома 8 марта 1924 г. В выписке из протокола заседания вторым пунктом значится: «г. Юзовку переименовать в г. Сталин». Парадокс состоит в том, что оно было сделано с целью увековечения памяти недавно умершего... В.И.Ленина. Решение окрисполкома на следующий день было вынесено на обсуждение участников заседания Юзовского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с участием профессиональных союзов. Выписка из протокола, опубликованная А.Федониным (с сохранением стиля оригинала), сберегла интересное и уже мало кому известное свидетельство о том, чем был мотивирован выбор нового названия города. Ряд выступавших настаивали на том, чтобы оно было прямо связано с именем Ленина или каким-либо его псевдонимом. Однако их предложение было отвергну-

то. Почему? Во-первых, это имя уже получил к тому времени Петроград («Ленинградом назван г. Петроград», как записано в протоколе). Во-вторых, «таким великим именем, как Ленин, размениваться нельзя». Последнее, очевидно, следовало понимать так: маленькая Юзовка недостойна этого имени. «Сотворение» искусственного названия *Сталин* в связи с кончиной Ленина было окутано идеологическим флёром. Его создатели первоначально стремились как-то опосредованно связать новый мемориальный топоним с личностью Ленина, прибегнув к популярной в те годы метафоре. Витиевато и выпендрено сказано об этом в малограмотном тексте протокола заседания Юзовского горсовета: «По условиям нашего округа, где у нас преобладает стальная промышленность, а сама революция, изображающая, по словам тов. Ленина, локомотив, сделанный из стали, на котором был машинистом тов. Ленин. Исполком считает, что символом, характеризующим нашего вождя тов. Ленина, будет «СТАЛЬ» и решил поименовать г. Юзовку – город Сталиным, а округ и завод Сталинским...» И далее: «Переименование города Юзовки в Сталин вполне приемлемо, т.к. его стальным последователем является тов. Сталин. Это имя дала ему партия, т.к. он был твёрд и непоколебим, как сталь. Мы же должны быть так же тверды и непоколебимы, как сталь. Сталь будет нашим символом, и всякая попытка ненавистников стальных идей тов. Ленина разобьётся о стальную стену» (Донецкий областной архив, фонд 279, опись 1, дело 1, с. 27-30). Кстати, в стране уже существовал прецедент образования новых топонимов в честь здравствующих вождей (например, город Троцк, прежняя Гатчина). Следует иметь в виду, что в 20-е годы в лексическом значении нарицательного существительного *сталь*, актуализировался такой его эмоционально-оценочный признак, как «идейная стойкость, революционная непоколебимость». Достаточно вспомнить, что отразивший идеологические реалии этого времени роман Н.Островского получил выразительное название «Как закалялась сталь». В последующие десятилетия слова *сталь* и *стальной* как символы-метафоры перемещаются на периферию идеолексики советской эпохи, и сейчас мы уже не ощущаем их прежнего идеологического накала.

Нечёткость мотивировки нового географического названия, её надуманность неизбежно приводят к тому, что уже весной 1924 г. стала возникать прямая связь между названием города *Сталин* и

фамилией *Сталин* без той идеологической «начинки», о которой шла речь выше. Об этом, например, свидетельствует 20-й пункт протокола заседания Малого Президиума Всеукраинского Центрального комитета от 22 апреля 1924 г., на котором рассматривалось «прохання Юзівського ОКВ (окрвиконкому – *Е.О.*) про зміну назви м. Юзівки і Юзівської округи, назвавши їх ім. Сталіна», т.е. «именем Сталина» (!). В положительном решении по этому вопросу (докладывал Буценко) речь идёт только «про зміну назви м. Юзівки й його округи на м. «Сталін» й «Сталінська округа» (фотокопия этого протокола хранится в Донецком областном архиве: Р. 1202, оп. 1, № 8, с. 340). По-видимому, докладчик Буценко не был знаком с изначальной мотивировкой нового топонима (или намеренно скрыл её) и представил её односторонне. То, что существовало на втором плане, было выдвинуто на первый, а это привело к прямой «персонификации» этого названия. Очень быстро оно утрачивает первичную искусственную мотивировку, оставшуюся многим неизвестной (следы её сохранились только в протоколах), и приобретает вторичную устойчивую связь в массовом сознании только с фамилией «отца всех народов». Позднее оно вошло в многочисленный топонимный ряд из названий, непосредственно мотивированных этой фамилией.

Мужской род топонима *Сталин* был обусловлен первичной связью со словом город, которое часто его сопровождало. Что касается формы среднего рода *Сталино*, то она сначала закрепились за железнодорожной станцией (вероятно, не без влияния прежнего её названия – *Юзово*). Таким образом, названия *Сталин* и *Сталино* на первых порах относились к разным топонимическим объектам. Кстати, 21-м пунктом в том же протоколе заседания Малого Президиума ВЦВК от 22 апреля 1924 года было рассмотрено и решение Юзовского окрисполкома об изменении названия станции *Юзово* на «станция Сталино» (окончательно этот вопрос был решён после его согласования по ведомству путей сообщения). На союзном уровне формальное различие этих названий узаконивается в постановлении Президиума ЦИК Союза ССР от 6 июня 1924 г., подписанном М.Калининым и А.Енукидзе. Однако разговорный язык, а затем и официальная норма пошли по линии унификации этого названия, предпочтя общую форму среднего рода. По наблюдениям А.Федонина, исследовавшего адреса на почтовых карточках и конвертах, оттиски почтовых штемпелей разных лет, в конце 20-х – на-

чале 30-х годов происходили ещё значительные колебания в употреблении этих форм. Как правильно считает донецкий историк, утверждению формы *Сталино* (укр. *Сталіне*) способствовала искусственная «коренизация» (украинизация) целого ряда названий населенных пунктов при помощи окончания среднего рода (укр. *-е*, русск. *-о*: *Сталіне* (*Сталино*) вместо *Сталін* (*Сталин*). И если названия городов с исходной частью *-ське* в русскоязычном Донбассе не прижилось (в живой речи никогда не употреблялась форма *Артемівське*, а только *Артемівськ* или *Артемовск* и т.д.), то отличная от них форма *Сталіне* (*Сталино*) сохранилась. Территориальная близость (а затем и общность), экономическое единство быстро растущего промышленного города и его железнодорожной, станции привело к появлению единого для них имени (что вообще типично для названий городов и их станций). Более всего подошел для этого вариант среднего рода, так как имеющееся в нем окончание выполняло топонимообразующую функцию, формально отличая его от антропонима *Сталин*. Старое название *Юзовка* на короткое время было возвращено городу в годы его оккупации немецкими фашистами (с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г.).

Современное имя *Донецк* было присвоено городу указом Президиума Верховного Совета УССР от 9 ноября 1961 г. Сразу следует сказать, что оно было мотивировано не названием реки (гидронимом) *Донец*, как многие сейчас считают. Северский Донец, самый крупный приток Дона, находится далеко от города. История названия *Донецк* складывалась следующим образом. В 20-е годы существовала *Донецкая губерния*. Позже решением Президиума Всеукраинского ЦИК от 24 июля 1932 г. (протокол № 40/523), согласно новому административному делению, была образована *Донецкая область* с центром в городе Артемовске (бывш. Бахмут). Она просуществовала до 3 июня 1938 года, когда указом Президиума Верховного Совета ЦИК СССР было утверждено ранее принятое постановление ЦИК УССР о её разделении на две новые области – *Сталинскую* (с центром г. Сталино) и *Луганскую*. Переименование в 1961 г. началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием *Донецкий бассейн* (сокращенно *Донбасс*). И уже на базе этого возвращённого названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название её центра – *Донецк*. Таким образом, этот

процесс имел нетипичное – «обратное» направление: не область получила своё имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: *Киев Киевская* → *область*, *Харьков* → *Харьковская область* и под.), а наоборот – имя её центра «вычленилось» из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином «обратное словообразование».

Таким образом, связь названия города *Донецк* с гидронимом *Донец* весьма отдаленная и опосредованная – через название *Донецкая область*, которое, в свою очередь, было мотивировано топонимом *Донецкий (каменноугольный) бассейн*, и только последнее географическое имя непосредственно связано с названием реки *Донец*, или *Северский Донец*. Этим название нашего города отличается от таких топонимов, как *Северодонецк* (Луганская область), а также других *Донецкое* – города в Ростовской области в России (бывшая станция Гундоровская) и старого (до 1817 г.) названия Славяно-сербска, районного центра Луганской области. Все три указанных населённых пункта расположены на берегу Северского Донца. Название последних двух (*Донецк*) мотивируется второй частью составного гидронима *Северский Донец*. Его первой частью (прилагательным) мотивировано название города на севере Донецкой области (в Артемовском районе) – *Северск* (бывш. Яма). Обе части составного названия реки *Северский Донец* участвовали в образовании топонима *Северодонецк*, но при этом первая из них вошла в его состав в усеченном виде: *Север-* из *Северск-*.

ДРО́БНЫЕ КА́МУШКИ. Местность эта находилась там, где сейчас расположен Никитовский ртутный комбинат. Местные жители в XIX веке здесь добывали песчаник для строительства домов, построек, возведения каменных ограждений. В этом песчанике содержалось большое количество киновари. Так возникло название «Дробные камушки».

ДРО́БЫШЕВО – посёлок в Краснолиманском р-не. Неофициальное шутовое название посёлка – *Дробград*. Посёлок делится на множество частей (*кутков*) с названиями: *Каханівщина*, *Санільняки*, *Самайд́икино*, *Жабунівка*, *Качанівка*, *Жуковка*, *Сибирь*, *Совхоз*, *Куточек*, *План*, *Лесничество*, *Кіслевка*, *Краматоровка*, *Еврейский хутор*, *Гора*, *Низ*.

ДУК – часть («куток») села Благодатного, Амвросиевского р-на. Представляет собой осушенное болото. Является частью другого «кутка» – *Заречанки*. Официальное название: *улица Димитрова*. Топонимизированный народный географический термин. В местном говоре сохранилась производная от него деминутивная форма *дучок* ‘глухой угол, глухая (без выхода) улица, тупик’. Действительно *Дук* упирается в гору, имеет только один выход.

Е

ЕЛИЗАВÉТОВКА₁ – село в Александровском р-не. Имеет неофициальное название *Куба*, так здешний бригадир был очень похож на Фиделя Кастро.

ЕЛИЗАВÉТОВКА₂ – село Марьинского р-на. По преданию, село было основано в 1843 году помещиком Летягой, который дал селу имя своей дочери. Житель этого села, историк по профессии И.В.Бессараб, связывает название села с названием протекающей через село речки Сухие Ялы: по его мнению, первая часть его названия звучала как *Ялизаветовка* и была связана с тюркским словом *ялы* ‘берег’.

Ж

ЖАБАЛУ́ЕВКА – часть («куток») села Благодатного, Амвросиевского р-на. Расположен на западе его Заречно-Николаевской части. Официальное название: *улица имени Калинина*. Инорманты связывают микропоним со словом *жаба*. Вероятно, от уже утраченного апеллятива **жабалуй*. В своём словаре Б.Н.Гринченко приводит слова с иными суффиксами: *жабалуеха*, *жабелуха* ‘большая лягушка’. От апеллятива **жабалуй* или **жабалуха* (его усечённой основы *жабалу-*) при помощи суффикса *-(j)евк(a)* могло образоваться существительное *жабалуевка* ‘болото, изобилующее лягушками’, которое позднее стало названием «кутка». Ср. с таким же значением апеллятив *жабокряківка* (Гринченко-І, 469), тоже переходящий в топоним. Например, название части села Бочечки (Конотопского р-на, Сумской области), построенной на месте бывшего болота (Черепанова Е.А. Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984, с.100), – *Жабокраковка*.

ЖИЛКО́П. Неофициальное название северо-западной части Пролетарского р-на Донецка, расположенного здесь посёлка при

шахте Капитальная. Топоним образовался от устаревшей уже аббревиатуры *жилкоп* – жилищный кооператив.

З

ЗАЙЦЕВО. Село в Артёмовском районе. Основано как «государственная воинская слобода» в 1778 году губернатором Екатеринославской губернии В.А.Чертковым. В основе названия лежит прозвище Заяц. В XVII-XIX вв. имело параллельное название **Никитовка** – по имени однодворца Никиты Деятелилова, который, как сказано в одном из документов этого времени, проявил при образовании слободы «особенное усердие». Народная легенда, записанная нами в 1970-ом году, происхождения названия села объясняет тем, что беглые крестьяне прятались здесь от помещиков, «как зайцы».

ЗАПЕРЕВАЛЬНЫЙ. Мирорайон на восточной окраине Донецка. Здесь же находится шахта Заперевальная.

ЗАЎТ. Название Донецка в речи старшего поколения греков, проживающих в селениях Старобешево и Стыла, Старобешевского р-на. Вариант: *Завут* (1962, 1969 гг., Эксп.). От *завод* в старом названии посёлка Юзовки – *Юзовский завод*. Например, во фрагменте диалога, записанного 5 октября 1962 г. в Старобешево: – Хаяти тез? – Заутха (– Куда едешь? – В Донецк).

ЗАЎТ ЙОЛ. Дорога, ведущая из посёлка Старобешево в Донецк. В речи старшего поколения тюркоязычных греков, жителей посёлка. Старое (буквальное) значение ‘заводская дорога’ (урумск. *йол* – ‘дорога’), *заут* – ‘завод’. Вариант: *Юзовский шлях* (редкий; записан в 1974 году). См. выше: **Заут**.

ЗЕПІР – балка, правый приток Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Вариант: *Зепір тарамá* (с урумским географическим термином *тарамá* ‘балка’). Урумская отпрозвищная фамилия *Зепір* возникла от нарицательного слова *зепір* со значением ‘дурак, простофиля’. Отмечена также современная фамилия с русским суффиксом *Зепиров*.

ЗОЛОТОЙ. В молодёжном жаргоне – памятник известному певцу, народному артисту СССР А.Б.Соловьяненко, установленный возле Донецкого театра оперы и балета. Памятник покрыт краской

золотого цвета. *Встречаемся послезавтра утром у Золотого* (запись 2008 г.).

ЗОР ТАУ. Возвышенность на правом берегу Кальмиуса ниже посёлка Старобешево рядом с Лысой горой (запись 1963 г.). Варианты: *гора Лес, Зор-тав тебе*. Характеристику объекта дал в 1892 году геолог Н.Лебедев в работе «Геологические исследования в Кальмиусском районе Донецкого каменноугольного бассейна летом 1892 года», опубликованной в двенадцатом томе «Известий Геологического комитета» (СПб., 1893 г.): «Гора Лес» в верхней части так же, как и Лысая гора, представляет ломки аркозового песчаника». Оронимы *Лес* и *Лысая Гора* ономазиологически (т.е. по причине их названия, выбора имени для них) связаны: если первый свидетельствует о наличии леса на склонах горы, то другой – о его отсутствии. Урумский хороним вначале имел значение ‘большой лес’. В устной речи старобешевских греков слово *зор* сохранило только значение ‘сила’. Существует легенда о происхождении этого названия в изложении краеведа С.Темира, опубликованном в четвёртом номере газеты «Логос» за 1994 год: «На юго-востоке от Бешево в 1830-х годах росла тутовая роща. Эти земли и рощу решил закупить один из помещиков, чтобы организовать производство шёлка. Узнав об этом, крестьяне подняли всё население – мужчин, женщин, стариков и детей и за два дня вырубали весь лес. Название «Зор-тав» сохранилось до наших дней, хотя леса там давно нет». В тюркских языках географический термин *tau/taв* означает не только гору, но и лес.

И

ИВАНГРАД – село Артёмовского р-на. Основано в середине XIX в. выходцами из города Бахмут (совр. Артёмовск). Происхождение названия своего села его жители объясняют так: «Сначала переселились несколько человек. Жили в куренях. Когда переехал сюда жить Иван Гужвий, пошёл сильный дождь с градом. Люди в шутку говорили: «Не было Ивана – не было и дождя с градом. Приехал Иван – пошёл дождь с градом». Название жителей села: *иванградовцы*. Криница в селе называется *Ковзыной криницей*. Пять бугров в селе имеют названия: *Перёрванный* (через него протекает ручеёк), *Макогонов* (жил поблизости крестьянин с фамилией Макогонов), *Жёлтый* (состоит из жёлтой глины), *Зимин* (по фамилии жителя Зимин) и *Белый* (от белой глины).

Й

ЙИЛАН ТАРАМА́. Балка возле села Новосёловка Старобешевского района (запись 1969 г.). Вариант: *Гадючья балка*, являющийся переводом урумского топонима изафетного типа, определяющей частью которого является существительное *йилан* ‘змея, гадюка’, определяемой – географический термин *тарамá* ‘балка’.

ЙЫЛАУ́Х ТОБÉ. Холм возле посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Его определяющая часть *йылау́х* ‘плачущий’ (от *йыла* ‘плакать’) определяет географический термин *тобé* ‘холм, степная могила’. Общее значение оронима *Йылау́х тобé* – ‘плачущий курган’. По рассказам местных жителей, раньше здесь была мельница, где жили совы, которые «плакали» по ночам. Однако более вероятным выглядит другое объяснение первой части оронима – от прозвища человека со значением ‘плакса’. В 60-е годы прошлого века в посёлке Старобешево некоторые его жители имели «уличную», т.е. данную семье односельчанами вне зависимости от официальной, фамилию *Йылау́х*, следовательно ороним имел значение ‘курган Йылауха’.

ЙЫЛХЫ́ ТАРАМА́. Балка, п.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса восточнее села Стыла Старобешевского района (запись 1969 г.). Урумский топоним изафетного типа, определяющим компонентом которого является существительное *йылхы́* ‘табун’, определяемым народный географический термин *тарамá* ‘балка’. В этой балке раньше пасли табуны молодых лошадей. Ср. современную урумскую «уличную» фамилию, т.е. данную семье односельчанами вне зависимости от официальной фамилии, *Йылхыджи*, образованную от омонимичного апеллятива, имеющего значение ‘табунщик’.

К

КА́ЛКА. Первым, кто затронул вопрос о происхождении этого гидронима, был Н.Аристов, который считал Калку аллегорической формой названия *Каалка*¹. Однако, трудно объяснить редукцию ударного слога в упомянутом деминутиве, так же как и доказать идентич-

---

¹ Аристов Н. О земле Половецкой. – К., 1877. – С.20.

ность Калки и загадочной Каялы. Следующей по времени является ономазиологически неубедительная этимология Д.И.Эварницкого, которая основывается на случайном звуковом совпадении с турецким словом *калка* – ‘щит, навес’¹. Таким же невниманием к принципам топонимической ономазиологии отличается и толкование К.В. Кудряшова: «*Halka* (Калка) значит круг, воронка (...) *Halkalanmak* применительно к воде означает *расходиться кругами, воронкой*. При быстром течении в скалистых, извилистых берегах на поверхности реки действительно наблюдаются воронки, которые расходятся»². Чрезвычайно прямолинейным мыслится автору этот переход тюркского апеллятива в название реки.

Вопросу о происхождении гидронима *Калка* посвящено специальное исследование О.Прицака (Гарвадский университет) «*Der Flussname Kalka*»³. Летописную форму *Калка* автор считает производной от первичной *Kalku*, которая была переосмыслена русскими как форма именительного или винительного падежа множественного числа. Как несклоняемая форма интерпретируется им и вариант мужского рода *Калакъ* (отсюда, вследствие морфологического усвоения гидронима, в Синодальном списке Новгородской I летописи появляется форма творительного падежа – «надъ рѣкою надъ Калкомъ»). По О. Прицаку, *Kalku* < *Qalqī, *Kalak* < *Qalaq (*Qalqī ~ *Oalaq), где **qal-* ‘камыш’ в гуннобулгарской группе тюркских языков возник из *gaś-*. В *Qalaq (из *Qaśaq) конечный элемент гидронима (–*aq*) рассматривается О. Прицаком как деминутивный суффикс. Таким образом, гидронимические образования *Qalqī* и *Qalaq*, которые предшествуют древнерусским летописным вариантам *Калка* и *Калакъ*, по мнению О. Прицака, имели значение: ‘место, поросшее камышом’.

Остаются невыясненными как различия в гласных в составе суффиксов вариантов мужского рода – *Калакъ* (он считается О. Прицаком «основной формой» названия реки) и *Калькъ* (то есть – *акъ*//–*ькъ*), так и происхождение зафиксированного «Книгой Большому чертежу» бессуффиксного варианта *Кала* (последний как топонимическое приложение вошёл в состав гидронима *Кальмиус*).

¹ Эварницкий Д.И. Вольность запорожских казаков. – СПб., 1890. – С.160.

² Кудряшов К.В. Половецкая степь. – М., 1948. – С.73.

³ Pritsak O. Der Flussname Kalka. // International Journal Slavic Linguistics and Poetics. – 1964. – Vol. VIII. – S.61-62.

Наиболее убедительной, на наш взгляд, является этимология М. Фасмера, которая базируется на сближении корня *Кал-* с омонимичным апеллятивом¹, невзирая на замечания одного из рецензентов его словаря о «единичности» этого образования в гидронимии днепровского бассейна.

Название реки Калки (в «Книге Большому чертежу» – *Калы*) хорошо соотносится с гидрографической характеристикой Кальмиуса (тождественность Калки и Кальмиуса или его правого притока Кальчика сегодня у большинства учёных уже не вызывает сомнений) – реки с мутной и очень минерализованной водой, топким руслом и берегами². Его «течение почти не заметно, отсюда происходит болотный вкус воды (...). Русло реки и берега глиняные», – писал о Кальмиусе в середине XIX в. Штукенберг³.

Для авторов летописных рассказов о первой битве русских с татарами *Калка* уже достаточно известное в Северном Приазовье название реки. Новейшие археологические данные показывают, что территория на восток от Днепровского Левобережья, как и само левобережье, заселялась славянами со стороны западных – правобережных районов, хотя время и границы такого расселения определяются по-разному.

Уже в конце IX-X в. и до XII в. славянское племя северян прочно утверждается на речных путях к Азовскому морю. «Проводниками раннего славянского продвижения на восток и юго-восток должны были быть северяне», – писал Ю.В.Готьё⁴. С его выводами солидарен и П.Н.Третьяков⁵. На берегах Азовского моря и в Подонье жили и летописные «бродники», славянское воинственное население, прототип позднейшего казачества (они, «бродники», к слову, принимали участие в битве с татарами на Калке в 1223 г.).

---

¹ Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. – М., 1967. – Т. II. – С.169.

² Кальмиус – одна из наиболее типичных рек сульфатного класса – протекает в VI зоне мутности, которая колеблется в пределах от 500 до 1000 г/м³. В период летней межени вода Кальмиуса становится ещё более минерализованной, доходя до 1-533 мг/л (Соколов А.А., 1952, с. 186).

³ Stuckenberg I. Hidrographie des Russischen Reiches. – St. Peterbusburg, 1847. – В. III. – 225.

⁴ Готьё Ю.В. Железный век в Восточной Европе. – М.-Л., 1930. – С.225.

⁵ Третьяков В.Н. Восточнославянские племена. – М., 1953. – С.259.

Днепровских славян, осуществлявших экспансию в юго-западном направлении, могла поразить значительная мутность воды приазовских рек, в частности Кальмиуса, который своими истоками почти вплотную подходил к р. Волчьей, левого притока (далее л.п.) Самары, л.п.Днепра. Это могло отразиться и на названии *Калка* (*Кала*). Различие в степени замутнённости Днепра и рек Приазовья было известно и древним грекам. Геродот в IV книге своей «Истории» так пишет о Борисфене: «Вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как реки, которые текут рядом с ним, имеют мутную воду». На это указывает и римский географ 1-й пол. I в. н.э. Полоний Мела во 2-й книге «*De situ orbis*». К этому следует ещё добавить большой перепад в зонах мутности этих рек, вдоль которых могло происходить расселение приднепровских славян на юго-восток – до Синего моря: если левобережные притоки Днепра от Киева до Днепропетровска имеют показатель среднегодовой мутности от 50 до 100 г/м³, то Кальмиус (прежняя Калка) протекает в зоне, где этот показатель составляет 500-1000 г/м³.¹ Высказанное предположение тем более достоверно, что Кальмиус так же, как и левый приток Днепра – Самара с Волчьей, на протяжении длительного времени был известен как важнейшее звено итинерия приднепровских славян в их связях с юго-востоком – побережьем Азовского моря, Тмутараканью, Хазарией и Кавказом².

Только на юге европейской части СССР есть группа рек, в названиях которых отразилась корневая морфема *кал-*, которая ставит название *Калка* в определённый тополексемный ряд. Вероятно, следует исходить из допущения о гетерогенности восточноевропейской гидронимии с корнем *кал-*: наряду с поздними гидронимическими наслоениями восточнославянского периода здесь могут быть выявлены образования раннего славянского и дославянского периодов.

Мы допускаем, что название *Калка* (или *Кала*) возникло на основе славяно-скифских, или славяно-иранских (если придерживаться традиционного взгляда на иранское происхождение скифского языка), языковых контактов как следствие «мнимого перевода» какого-то гидронима с индоевропейским корнем **kel-/*kal-* ‘чёрный’. Наложение славянского гидронима на среднеиранское речное название имело место в районе возможного славяно-сарматского (или

¹ Шамов Г.И. Речные наносы. – Л, 1959. – С.172.

² Брун Ф. Черноморье. – Одесса, 1879. – Т.I. – С.120.

аланского) пограничья, которое находилось, как считают археологи, в междуречье Днепра и Северского Донца, то есть там, где протекал доисторический пра-Кальмиус. Восточные славяне, знакомые с топонимическими структурами типа *Калка*, могли воспринять как «своё» тождественное в морфемно-семантическом отношении образование иранского происхождения.

На славянских землях можно найти и другие случаи «мнимых (воображаемых) переводов» первичных гидронимов. Для примера сошлёмся на гидронимы *Висла* и *Десна*. Первый из них, как считает Я. Розвадовский, накладывается на более ранний кельтский гидроним с индоевропейским корнем *veis-*, а другой – на иран. *daśina* – ‘правая’¹. Естественно, «мнимый перевод» славянами арийского гидронима с индоевропейским корнем **kel-//*kal-* мог и не быть идентичным. Тут могла иметь место обычная конвергенция подобных значений: ‘чёрная’ (река) ~ ‘грязная’ (река). Итак, в данном случае не исключается переосмысление славянами одного из древних «цветных» названий рек индоевропейского происхождения на юго-востоке Европы.

Корневая морфема гидронима *Калка* корреспондирует с такими словоформами, как: санскр. *kālas* – ‘чёрный, темно-синий’; *kalká* – ‘грязь, грех’, *kālusa* – ‘грязь, чёрный’; *kalanka* – ‘пятно, ржавчина’; осет. *kaelaex* – ‘скользящая (от снега, льда) дорога’; новоперс. *čarma* – ‘плесень’; курд. *čerme* – ‘белый’ (последние два примера – со следами ротацизма) и др. Таким образом, *Калка* (или *Кала*) – одна из древнейших «чёрных рек» на юге Восточной Европы, название которой позднее было переосмыслено как ‘грязная, илистая, мутная’, что отвечало её гидрографическим особенностям и вытекало из значения славянского апеллятива.

До недавнего времени считалось, что в древнеиранских языках не было сонанта *l*, присутствующего в корневой части гидронима *Калка*². На этой позиции стоял А.Мейе и Ф.Ф. Фортунатов; этот со-

---

¹ Rozwadowski I. *Studia nad nazwami wód słowiańskich*. – Kraków, 1948. – Str. 17, 19, 291.

² В «*Altiranisches Wörterbuch*» Х. Бартоломе [Bartolomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*. – Strassburg, 1904] иранские рефлексy индоевропейского **kāl-*, **kēl-* отсутствуют, но словарь Покорного даёт древне- и среднеиранские соответствия – *caile* и *gaile* (оба в значении ‘пятно’ с примечанием: «mit unklaren Verhältnis zu kel-») [Pokorny I. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. – bern, 1947. – С.548].

гласный не включал в фонетическую систему скифского языка и В.И.Абаев, который допускал, однако, переход $r > l$ (ламбдаизм) в аланских диалектах в фонетически связанной позиции (перед *i*)¹, но в поздних своих работах по скифскому языку и исторической фонетике осетинского языка это положение В.И.Абаевым было пересмотрено. Венгерский ученый Дж. Гарматта в своей статье об иранских именах собственных в греческой эпиграфике на юге России доказывает наличие фонемы *l* в диалектах древних иранцев; А.А.Зализняк, рассматривая характер языковых контактов между славянскими и скифо-сарматскими племенами, допускает, что фонологически самостоятельное употребление *l* в скифском языке наблюдается сравнительно рано. И, наконец, к ценным и убедительным выводам пришёл сам В.И.Абаев в специальном исследовании о фонеме *l* в осетинском языке.

Говоря об условиях возникновения вторичного *l*, автор отмежёвывает большое количество слов, в которых наличие *l* нельзя подвести ни под одну из определённых им формул развития осетинского ламбдаизма. «Если рассматривать эти слова, – пишет он, – то окажется, что многие из них ... индоевропейского происхождения и притом такие, в которых *l* был в индоевропейском языке. Создаётся впечатление, что в этих случаях осетинский язык вопреки иранскому ротацизму удерживал индоевропейское *l*, то есть даёт такую же картину, какую находим в санскрите». Сохранение и.-е. *l* проявляется, по наблюдениям В.И.Абаева, «в строго определённой группе слов: в ареальных скифоевропейских изоглоссах, то есть в словах, которые в скифо-осетинском языке не унаследованы из древнеиранского, а возникли вследствие контактов с европейскими языками: славянскими, балтийскими, «протоххарским», германским, итальянским».

К перечисленным В.И.Абаевым соответствиям (*laesaeg* – ‘лосось’, *laenk* – ‘впадина’, *ulaen* – ‘волна’, *gaelaes* – ‘голос’ и многим другим) можно включить и осетинское слово *kaelaex* – ‘скользящая (от снега, льда) дорога’, которое сам исследователь соотносит с русским диалектным словом *калуга* – ‘грязь, болото’ (Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.-Л., 1958-1973 гг. – Т.1. – С.577). Появление фонемы *l* в

---

¹ Абаев В.И. Фонема *l* в осетинском. // Иранская филология. – Л., 1964. – С.202.

скифо-осетинском языке он датирует периодом не позднее V в. до н.э. Об этом свидетельствуют скифские имена, которые содержат *l*, у Геродота и в памятниках более позднего – сарматского периода, имена мифологических родоначальников скифов *Колаксай* и *Липоксай* в эпических рассказах, самоназвания скифов *сколоты*, *паралаты* и др.

Таким образом, в условиях скифо-европейских ареальных контактов вполне возможно сохранение плавного *l* в и.-е. корне **kāl-*; эта лексическая изоглосса позднее отражается в названиях *Калка* (*Кала*) и, возможно, *Калюс* (бассейн Днепра; ср. санскр. *kālusa* – ‘грязь, чёрный’).

«Мнимый перевод» иранского гидронима с и.-е. корнем **kāl-* мог и не сопровождаться переоформлением структуры гидронима, т.е. велика вероятность того, что формант *-k(a)* также дославянского происхождения. В данном случае идёт речь ещё об одном славяно-иранском словообразовательном параллелизме – на этот раз цельнолексемной топонимической тождественности.

Суффиксальная примета *-k-* (в составе формантов *-ka*, *-aka*, *-ag*) широко представлена в скифских антропонимах, вкраплённых в греческие эпиграфические тексты Северного Причерноморья. Вс. Миллер назвал *-aka* «любимым иранскими языками» суффиксом (в работе «Эпиграфические следы иранства на юге России» // Журнал Министерства народного просвещения, октябрь 1886 года. – С.242). По наблюдениям С.А. Жебелева, в надписях Северного Причерноморья около 70 собственных имен, «притом явно туземных», в своей конечной части имеют *-ak* или *-ag* [(в статье «Скифский рассказ Геродота» // Северное Причерноморье. – М.-Л., 1953. – С.108). Суффиксы *-ak* или *-ek* распространены и в топонимии современных ираноязычных территорий. Структурным аналогом гидронима *Калка* (и его летописных вариантов *Калакъ*, *Калькъ*) может служить название левого притока Семи-*Анака* (из иран. **ap-aka*). В свете гипотезы об иранских истоках названия *Калка* объясняются и звуковые различия в суффиксальной части вариантов мужского рода гидронима *Калакъ* и *Калькъ* (*Калокъ*). Эти расхождения – следствие отображения на славянской почве аланских суффиксов *-āk(-āg)* и *-ǣk (-ǣg)*, широко присутствующих в антропонимии припонтских надписей, которые, по наблюдениям В.И.Абаева, могли выступать и в значении «усиливающего основу наращения, которое

не придавало ей особого оттенка» (Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949. – Т.1. – С.222).

В области ономастического словотворчества среднеиранский субстрат на территориях со смешанным населением мог играть роль катализатора, который ускорил становление новых ономастических структур. На специфические славяно-иранские инновации в области личных имён указывает в своих образцовых трудах по славянской антропонимии Т. Милевский.

КАЛЬМИУС. Существующие этимологии гидронима *Кальмиус*, с одной стороны, отражают довольно длительный в истории топонимической науки период наивных предположений и ошибок, а с другой – явное невнимание к природе топонимического знака и тех ономастиологических закономерностей, которые проявляются в сфере гидронимии.

Первое толкование гидронима *Кальмиус* принадлежит акад. Д.И.Яворницкому. Он вполне справедливо видел в гидронимии две значимых части (*Кал – миус*), однако неправильно этимологизировал первую из них, сводя её к тюркскому *кил-* ‘волос’, предлагая в конце концов довольно маловероятную этимологию гидронима: ‘тонкий, как волос, рог’. Принять её мешает отсутствие объяснения перехода *и* в *а*. В ранних записях этого географического названия первая её часть стабильно представлена с *а*. Нет нужды доказывать и то, что данная этимология слишком «импрессионистичная» и на фоне «сурового реализма» географических названий, особенно древних, выглядит неправдоподобной.

В 1915 г. возникновением гидронима *Кальмиус* заинтересовался В. Саханёв. Он выводил его от названия одной из татарских дорог на юге России – Кальмиусского шляха.

Следует также упомянуть статью В. Фоменко «К топонимике Приазовья» (альманах «Донбасс», 1964, №6), где *Кальмиус* рассматривается как лексикализованный тюркское предложное словосочетание «кала Миус» (букв. ‘перед Миусом’), потому что Кальмиус проходит «вблизи большой реки Миус, что и отразилось в его названии».

Однако в тюркских языках, где распространены послелогои, элемент *кала* не мог быть препозитивной частью в словосочетании, существование которого допускается. Кроме того, само название,

реконструируемое как *Миус кала* (не *кала Миус*), носит микротопонимный характер, в то время как *Кальмиус* – довольно значительный линейный географический объект в Северном Приазовье.

Форма *Калмиус* встречается в памятниках не ранее 2-й пол. XVI ст. К этому периоду относятся лишь два её употребления: в 1579 г. («отъ Калміюса») и в 80-е годы XVI в. В документе последней четверти XV ст. – «Росписи, сколько в которомъ городѣ станицъ и до которых урочищъ ѣздять», охватывающем период с 1578 в 1581 г., речь идет о «новом городе» *Кальмиус* на «государевых украинах».

Но уже в текстах 1-й пол. XVII в. указанная форма становится всё более востребованной. Ещё чаще встречается топоним *Калмиусская сакма* (дорога, путь), что свидетельствует о более активном освоении названия *Кальмиус* (*Калмиус*) в опосредованном виде – через форму прилагательного.

Достаточно красноречивым представляется отсутствие гидронима *Кальмиус* в таких полных для своего времени собраниях географической номенклатуры «поля», как «Роспись Донецким сторожам» 1571 р., «Роспись польским дорогам времени ц. Федора Иоанновича» и «Книга Большому чертежу», одним из источников которой служил старая разрядная роспись, составленная в 70-е годы XVI в. С другой стороны, тут же находит широкое применение топоним *Калміюська сакма*. Особенно показательно упоминание *Кал* при описании трассы Калмиусской дороги в «Книге Большому чертежу». Это дает основание предположить, что в XVI в. гидроним *Калмиус* в «несвязанном» состоянии был ещё необычным названием для составителей росписей, которые охотно пользовались им для наименования открытой в 70-е годы российскими «сторожами» новой дороги крымцев. Если надо было обозначить саму реку, предпочтение отдавали старому славянскому названию – *Кала* (*Калы*) или тюркскому – *Миус* (см. об этом ниже).

В системе топонимных названий приазовских степей XVI в. ещё достаточно устойчивым был древнерусский гидроним (*Кала* или *Калка*), но параллельно с ним начинает употребляться форма *Кальмиус*, о неславянском происхождении которой писал ещё И.И.Срезневский. В ряде памятников XVI-XVII вв. современный *Кальмиус* (бывшая *Калка*, *Кала*) называется ещё и *Миусом*, что, очевидно, является повторением омонимичного гидронима, кото-

рый относился ко второй реке Северного Приазовья. В гидронимии Северного Приазовья известны и другие примеры подобного повторения названий, ср. *Берда*, *Бердинка* (*Бердянка*), *Еланчик*, *Утлюк*, *Ялы* и др., которые потом расподобились путём присоединения различных дополнительных определений.

Сходство некоторых физических признаков *Миуса* и *Кальмиуса*, их территориальная близость, извилистость русла, а самое главное – наличие «углов» в нижнем течении, образованных впадением их крупнейших притоков – Крынки и Кальчика (ср. тюрк. *миус*, *миюз* – ‘угол’, ‘рог’), и то, что обе реки долгое время входили в сферы жизненных интересов тюркских племён, привело к тому, что название *Миус* становится гидронимным эквивалентом славянской *Калы* и как топонимический «двойник» *Калы* усваивается славянским населением, частично проникая даже в летописные тексты и географические описания данной области. Так, во Львовской летописи есть сведения о том, что в 1556 г, предводитель «черкасс каневских» Михаил Черкашенин (Михаил Еськович) приплыл Миусом с Днепра «под Керец», то есть воспользовался давно известным приднепровским славянам водным путем до Азовского моря по рекам Самару, Волчьей и Кальмиус (с небольшим волоком между верховьями двух последних рек). Такое же употребление гидронима *Миус* встречается и в «Росписи разъездам путивльских и рыльских станиц» 1571 г.

С таким же псевдо-*Миусом* (с точки зрения современного восприятия гидронима), но в более поздний период, мы встречаемся и в «Описании Украины» Боплана. Боплан пишет о старом водном пути из Приднепровья в Азовское море, которым в XVI в. пользовались запорожцы: «Есть ещё другой путь для возвращения в Запорожье – через пролив, который отделяет Таман от Керчи, по Донскому лиману и по реке Миусу. Здесь они плывут к верховьям Миуса сколько можно, а дальше от этой реки до Тавчаводы около мили идут волоком. Тавчавода впадает в Самару; Самара же впадает в Днепр выше Кайдака». Ф.Брун, Д.Багалеи и В.Ляскоронский вполне справедливо в боплановском *Миусе* видят современный *Кальмиус*, верховья которого близко подходят к верховьям р. Волчьей (боплановской *Тавча-* или *Тачаводы*). Этому не противоречит и упоминание о «донском лимане», что, видимо, является откликом старых представлений об Азовском море как об огромном лимане Дона. Хотя,

как видим, этот район «поля» для Боплана не был в полном смысле слова *campi deserti*, Боплан-картограф, к сожалению, ничего не добавляет к своему «описанию» – эта местность на его карте выглядит безликой.

О существовании связи верхних притоков Волчьей и Кальмиуса свидетельствует и место из грамоты Елизаветы I от 15 мая 1746 г.: «... речки Волченския впадают в Кальмиус, речка Кальчик впадала в Кальмиус к морю».

Возможно, что название *Миус* служит для обозначения современного Кальмиуса и в «распросных речах» «вожа» Никиты Зарубина 1650 г., хотя этот случай не столь доказателен, как предыдущие. И, наконец, на «Карте Польши», составленной в 1703 г. Гильомом Делилем, река Кальмиус ещё носит название *Миус*.

Уже в XVI в. в данном районе Северного Приазовья созревают предпосылки для дифференциации омонимичных названий – собственно *Миуса* (гидронима, вероятно, ещё кыпчакско-огузского происхождения) и названия, повторяющего первый гидроним и выступающего в качестве тюркского дублета для обозначения главной реки в бассейне *Кал* (*Калок*). Трудно сказать, когда произошло повторение гидронима *Миус* – в половецкую эпоху, или в более поздний период – тюрками, говорящими на кыпчацко-ногайских или степных крымскотатарских диалектах.

В связи с усилением миграционных потоков в восточном и западном направлениях микросистема *Миус₁* (современный *Миус*) // *Миус₂* (современный *Кальмиус*) становится изменчивой, и одна из ее единиц начинает требовать определения. Эта потребность, видимо, возникает в тюркской или смешанной славяно-тюркской языковой среде степного пограничья, где параллельно употреблялись тюркский гидроним *Миус* и славянское название *Кала* (*Калка*).

В рассматриваемой нами топонимной ситуации в роли такого детерминатора был использован элемент *кал*, который составляет основу славянского гидронима *Кала* (*Кал-ка*). Вполне вероятно, что элемент *кал* – результат редукции полной формы *Кала* в композите *Кал(а)-Миус*, где она выполняла функцию топонимного приложения (в условиях столкновения трех гидронимов – *Миуса₁*, *Миуса₂* и *Калы* такое объединение, вероятно, осмысливалось как «Миус, что называется также и Калой»). Кроме того, не исключена возможность «тюркизации» славянской части композита *Кал(а)- Миус*, по-

тому что очень многим тюркским гидронимам присущи именно консонантные окончания, их «феминизация» нередко происходит уже на славянской почве, ср. *Самара, Самарь* < *Самар, Тузлова* (в памятниках XVI – XVII ст.) < *Тузлов* и др. Подтверждением этого является татарский и другие тюркские языки, где в процессе морфологической субституции русских слов (когда заимствование, как и в случае с Калой, было устным) существительные женского рода довольно часто теряют безударное окончание *-а*; ср. *пар* (из *пара*) > *канау* (из *канава*), *гир* (из *гиря*), *салам* (из *солома*) и т.д.

В результате этого элемент *кал-* перестает восприниматься как приложение к гидрониму *Миюс*, превращаясь в обычный звуковой сигнал, что свидетельствует о нарушении изоморфизма системы *Миюс₁ // Миюс₂*. Конечно, меняется и характер информации, которая содержится в элементе *кал-*: на данном этапе формирования гидронима она носит негативный характер. Корневая морфема *кал-* становится семантически близкой к отрицательной частице *не* в её аффиксальной функции (т.е. *Калмиюс* = «не *Миюс₁*»).

В конце концов ослабляется, а потом и теряется соответствие гидронима *Калмиюс* названию *Миюс*, что приводит к нарушению окситоничности (ударения на последнем слоге) композита *Калмиюс*: акцент со старой означаемой части передвигается на элемент *кал-*, который ранее выступал в роли топонимического приложения: *Калмию'с* > *Кáлмиюс* (потом *Кáльмиус*). Гидроним *Кальмиус* становится немотивированным собственным именем, приближаясь к названиям типа *Дон, Волга, Днепр*.

Сопоставление всех звеньев семантико-структурного развития гидронима *Кальмиус* дает возможность вывести такую схему.

I – период симбиоза гидронимов *Кала, Миюс₁ и Миюс₂* (из них гидронимы *Кала* и *Миюс₂* изофункциональны, а *Миюс₁* и *Миюс₂* изоморфны).

II – период противопоставления изоморфных гидронимов *Миюс₁* и *Миюс₂*. Славянский «двойник» становится аппозитивной частью в сочетании *Кал(а)-Миюс*: (его смысловая структура ‘*Миюс* в системе *Кал*’ или ‘*Миюс*, он же и *Кала*’).

III – период потери гидронима *Кáла* и смещение старой славянской основы (*кал-*) в названия притоков *Кальмиуса*. На данном этапе смысловая структура гидронима *Калмиюс* – «не *Миюс*».

IV – период потери прежней соотносительности с гидронимом *Миюс*, в результате чего элемент *кал-* теряет возможность вносить в

сложное слово какую-либо дополнительную информацию, а это приводит к абсолютизации гидронима *Калмиус* (затем – *Кальмиус*), к окончательному выходу его из микросистемы (*Кал-Миус₂* // *Миус₁*) и к распаду последней. Схематически это можно выразить так:

$$(П_{\text{тп}} + В_{\text{т}}) \rightarrow В_{\text{тп}}В_{\text{т}} \rightarrow В_{\text{т}}$$

(В – собственное имя в форме существительного, п – функция приложения, т – функция топонима; этапы развития семантической структуры гидронима: 1) словосочетание с топонимным приложением, 2) сложный топоним с мотивированной структурой, 3) простой топоним с немотивированной структурой).

Таким образом, на начальном этапе своего развития гидроним *Калмиус* представлял собой сращение двух названий, которые изначально имели атрибутивную связь – с доминантой *Миус* и квалификативом *Кал-*. Этот гидроним испытал влияние словообразовательных импульсов, которые шли от обычных в тюркской топонимии словосочетаний изафетного типа.

Для тюркоязычных носителей гидронима *Калмиус* последний имел такой же вид, как для славян топоним *Таганрог* – вторая часть сращения для тюркского языкового сознания была семантически прозрачной. Перед нами одна из разновидностей распространённого в тюркской топонимии «топонимного» изафета с «атрофированным» аффиксом принадлежности 3-го лица – так называемый «аморфный изафет». Образование гидронима *Калмиус* не противоречило и словообразовательному потенциалу самой славянской топонимии, где также возможным было появление названий по формуле $В_{\text{п}} + В$. Это ускорило усвоение славянами нового гидронима и утрату старого названия *Кала*, основа которого перешла в названия притоков (*Каль-чик*, *Кал-ка*, *Кал-ец*).

В русском и украинском языках явление приложения реализуется в таких сочетаниях (значение новых символов: С – аппеллятив, т – функция топонима): $З_{\text{п}} + С$ или $С + З_{\text{п}}$; $З_{\text{п}} + В$ или $В + З_{\text{п}}$; $С + П_{\text{тп}}$ или $П_{\text{тп}} + С$; очень редкая формула $З_{\text{п}} + В_{\text{т}}$ или $В_{\text{т}} + З_{\text{п}}$. В топонимии, основной фонд которой составляют имена собственные, возможно образование топонимов по формуле $П_{\text{тп}} + В_{\text{т}}$ (словосочетание с топонимным приложением) > $В_{\text{тп}}В_{\text{т}}$ (сложный топоним с мотивированной структурой) > $В_{\text{т}}$ (простой топоним с немотивированной структурой).

Последний переход в «молодых» структурах наблюдается не всегда, а в «старых» он обычный, обусловленный тенденцией к «семантической конденсации» или «универбации», когда «старая» (расчленённая) форма «подтягивается» под новое (монолитное) содержание. В первой части приведенной «формулы конденсации» доминанта V_T имеет более широкую применяемость в пределах той или иной топомикросистемы; P_{Tn} , внося некоторую дополнительную информацию в V_T , различает соответствующие изоформы.

Несколько замечаний относительно произношения и правописания вариантов гидронима *Кальмиус*. Если в течение последних десятилетий в украинской и русской орфографии и орфоэпии географических имен окончательно закрепляется форма *Кальмиус*, то в языке жителей населённых пунктов, расположенных в районе Покальмиусья, как свидетельствуют материалы топонимических экспедиций 1963-1964 и 1971 гг., до сих пор наблюдается значительный разноречивый в употреблении форм этого гидронима.

Наиболее ранние примеры, относящиеся ко 2-й пол. XVI ст. (*terminus a quo*), дают нам форму *Калмиус*, которая преобладает и в текстах XVII ст. В наших материалах её хронологический диапазон – 1584 – 1758 гг. (не считая короткого периода её искусственного возрождения, как и формы *Миус*, в украинской орфографии собственных названий в конце 20 – начале 30-х годов).

Но уже с конца XVI в. регистрируются случаи потери интервокального *j* в последнем слоге гидронима *Калмиус*, которые особенно распространены в документах XVIII – 1-й пол. XIX ст. В нашем материале хронологические границы варианта *Калмиус* очерчиваются 1593 и 1948 гг. Особенно консервативной – в смысле фонетического «обновления» гидронима – оказалась форма прилагательного в названии известного татарского пути, что можно объяснить тенденцией к «историзации» этого топонима. Ср. частый параллелизм: *Кальмиус*, но *Калмиуская дорога* (или *паланка*) в ряде работ нового времени. Определённая «охранительная» тенденция проявляется в произношении топонима-«историзма» *Кальмиуская сакма* и в наше время (в наличии у прилагательного более старого ударения, чем у самого гидронима *Кáльмиус*).

Встречаются и редкие варианты гидронима. В некоторых документах 2-й пол. XVI в. это форма прилагательного *Кальмиюжская* (*Кальмиюжская дорога*), что позволяет предполагать существова-

ние в прошлом варианта *Калмиуш* (ср. современную фамилию *Кальмушевский*, записанную в г. Донецке).

Хронологический диапазон современной формы *Кальмиус* своей низшей границей имеет 1743 г. Она встречается на планах Бахмутского уезда и г. Мариуполя в рукописных «Атласах Екатеринославского наместничества» 1784 и 1787 гг., в работах первых исследователей Донбасса (Е. Ковалевского, И. Иваницкого и др.), приводят её «Новороссийский календарь на 1858 год». Закрепление этой формы проходило в борьбе с конкурирующим вариантом *Калмиус*, о чем свидетельствуют частые случаи их параллельного употребления в текстах одних и тех же авторов.

В ряде документов XVI-XIX вв. отмечается гиперкорректный вариант *Колмиус* (*Кольмиус*, *Колмиус*), в котором написание *о* в первой части гидронима обусловлено безударностью этого звука и стремлением к орфографическому выравниванию со словами с «акающей» огласовкой.

Особого внимания в этом плане заслуживает вариант *Колмиус* («*Kolmius oder Kalmius*») в гидрографическом описании России И.Х.Штукенберга. Видимо, ещё в середине XIX века был распространён вариант с ударением на конечном слоге, для нашего времени уже архаичный и оставшийся только кое-где в живой речи населения Покальмиусья. Окситоничность гидронима, как об этом свидетельствуют написания у Штукенберга и Г.П.Гельмерсена, можно расценивать и как косвенное доказательство того, что конечный элемент *-миус* в композите *Калмиус* в 1-й пол. XIX в. ещё осмысливался как доминанта и как разрыв соответствующей связи с гидронимом *Миус*, а отсюда и завершение процесса сглаживания мотивированности его морфемного состава произошло, очевидно, только во 2-й пол. XIX ст. Передвижка ударения в гидрониме *Кальмиус* пока что является единственным объективным признаком, который позволяет установить в смысловой эволюции гидронима предел его окончательной десемантизации – преобразования в чистый «индивидуальный знак» географического объекта.

В речи жителей населённых пунктов Покальмиусья и в наше время существует значительное количество вариантов, которые по-разному отражают фоносемантические изменения в гидрониме. Всюду распространена форма *Кáл'м'иус*, которая стала нормативной. На втором месте вариант *Кáл'м'ус* с сокращённой (после поте-

ри интервокального *j*) конечной частью гидронима. Его можно считать просторечной параллелью к современной литературной форме *Кáл'м'иус*. Первые следы его употребления проявляются уже в начале XVIII ст. – форма *Callmus* нанесена на «Карту Азовского моря» из «Атласа р. Дона» вице-адмирала Крюйса (1704 г.).

Произносительные варианты нашего времени – более или менее архаичные в разных своих звуковых элементах: *Кал'м'иу̀с*, *Кал'м'иус*, *Кал'муо́с*, *Кал'му̀с* – месте ударения; *Кáлмус*, *Кáлм'ус* – в твёрдом произношении *л*; *Кал'м'у̀с*, *Кáлм'ус*, *Кал'м'ийу̀с* – в наличии *j* в конечном слоге или его следа в мягкости *м*. Несомненно, деформация конечной части гидронима *Кальмиус* (его бывшей доминанты *-миус*) в некоторых вариантах произношения (*Кáл'мус*, *Кáлм'ус*, *Кáл'моус*, *Кáймус*) стала возможной в результате перемещения акцента и сопровождающей его десемантизации, хотя в других случаях этот процесс происходил и при наличии старого ударения (ср. *Кал'м'у̀с*, *Кал'му̀с*). Последнее, видимо, вызвано тем, что форма *Миус* (ср. её устаревшие варианты *М'ийу̀с*, *М'иу̀с*, которая получает всё большее распространение, сейчас теряет уже чисто внешнюю связь не только с этими вариантами, но и со структурами *Кал'м'иу̀с*, *Кал'м'ийу̀с*. Как уже было отмечено, эта связь не осознаётся живой и в современной литературной форме *Кáл'м'иус* благодаря полной деакцентуализации второй части гидронима.

Сейчас трудно обнаружить какую-то чёткую закономерность в распределении вариантов гидронима *Кальмиус*. С одной стороны, это связано с недостаточной изученностью функционирования живых вариантов гидронима, их территориального размещения; с другой стороны, их нечёткая локализация объясняется тем, что, кроме широко распространённой «просторечной» формы *Кáл'мус*, другие варианты представляют собой остаточные факты, которые встречаются спорадически и сохраняются лишь в индивидуальной речи представителей старшего поколения и почти не знакомы молодежи.

Остановимся ещё на интересном факте перехода собственного имени *Кáльмиус* в разряд местных географических терминов. Рыбаки северного побережья Азовского моря иногда называют *ка́льми́усами* (*ка́льмусами*, *кальмию́сами*) заливы, удобные для стоянки рыболовных судов. Такое употребление гидронима было записано нами во время топонимической экспедиции 1963 г. и некоторыми нашими корреспондентами в районе Белосарайской косы – в

селах Мелекино («А на кубанському березі много кáльмусів, колись і тут було») и Юрьевке (здесь зафиксировано употребление выражения «на кáльмусі» в значении ‘в гавани лейтенанта Шмидта’).

Наконец, форма *Кáльмиус* известна и как антропоним (ср. фамилию *Кáльмус*, носитель которой в 40-е годы прошлого века жил в Днепропетровске), которая возникла на основе «просторечного» варианта гидронима).

КАМЕННЫЕ МОГИЛЫ. Географические названия территории, где находится заповедник Каменные Могилы (Запорожская область) обнаруживают как славянское, так и тюркское происхождение. Различные источники XVIII-XX вв. свидетельствуют, что название *Каменные Могилы* утвердилось не сразу и имеет свою историю. На ряде карт 2-ой пол. XVIII – начала XIX в. эта местность обозначена надписью *могила Кам. Бестаиш*, что можно расшифровать двояко: *могила Камни Бестаиш* или *могила Каменна Бестаиш*. Как параллельные составные топонимы *крочище Бестаиш* и *Каменные Могилы* представлены в описании земель Мариупольского уезда бывшей Екатеринославской губернии, изданном в 1904 г. Зафиксирован ещё один редкий вариант названия: *Бестаиш-горбы*.

Тюркское географическое имя *Бестаиш* представляет собой лившееся в одну лексему словосочетание, состоящее из числительного *бес* ‘пять’ и существительного *таиш* ‘камень, скала’. ‘возвышенность, гора’, которое широко представлено в тюркской топонимии. Общее значение топонима было «пять скал» или «пять возвышенностей, состоящих из твёрдых пород». В первой (нумеративной) части топонима отразилась или ногайская фонетическая форма числительного *беш* (*бес*), или же появление звука *с* на месте *ш* произошло в славянской речи благодаря дистанционной диссимилиации – расподоблению одинаковых шипящих звуков в соседних слогах топонима. Определённую роль здесь могло сыграть и влияние украинской и русской приставки *без-* (*бес*). Последнее подтверждает и записанный нами в 6-е годы вариант топонима *Безтаж*.

Очагом зарождения современного топонима *Каменные Могилы* была местность, выделяющимся природным признаком которой было наличие пяти скалистых возвышенностей (*Бестаиш* или *Бештаиш*); последние могли иметь и собственные отличительные наименования. Название этого урочища позднее переходит на ручей,

протекающий через него. Такой перенос названий с одного географического объекта на другой, находящийся поблизости, без какого-либо суффиксального дооформления называется контактной передвижкой топонима, или топонимической метонимией. Ручей *Бестаиш* – правый приток речки Каратыш в самом её верховье, представляющий собой левое разветвление (вершину) Берды, которое в XVIII в. именовалось также *Малой Бердой*, тогда как правая её вершина (выше устья Каратыша) в ряде источников поименована *Большой Бердой*. Вместе с тем ручей *Бестаиш* назывался также *Малым Каратышем* или просто *Каратышем*, как и принимающая его речка (она же *Малая Берда*). Сама семантика слова *Бестаиш* указывает на то, что в прошлом имели место несколько ступеней переноса (метонимического сдвига) этого географического имени: ороним (название группы выделявшихся на местности скалистых холмов или каменных глыб) *Бестаиш* > хороним (название прилегающей территории, урочища) *Бестаиш* > гидроним (название ручья, протекающего через урочище *Бестаиш*). Сейчас уже трудно установить, до какого времени этот топоним выступал во всех трёх своих ипостасях, когда и в какой последовательности распалась эта триада омонимичных названий. В наше время географическое имя *Бестаиш* сохранилось только в качестве гидронима (*Бестаиш*).

В приведенной выше форме *Бестаиш-горбы* множественное число орографического термина *горбы*, выступающего в роли приложения, прямо указывает на то, что сам объект названия в начале нашего столетия местным населением ещё воспринимался как состоящий из нескольких возвышенностей, как совокупность бугров. Однако данный термин не закрепился в названии урочища. Его составной частью стал широко распространённый в топонимии восточной и центральной (приднепровской) Украины народный географический термин *могила* ‘степной курган’. В этом районе Северной Приазовья и сейчас немало названий холмов с этим термином, среди которых наиболее известные: курган Кордонская Могила (в истоках речки Темрюк), Ганина могила (восточнее села Старченково), Чёрная могила (к западу от села Новокрасновки) и др. В «эмбриональном» состоянии современный топоним *Каменные Могилы* уже присутствует на некоторых картах конца XVIII – начала XIX в.; *могила Кам. Бестаиш*, что можно расшифровать как инверсионную запись реального описательного названия *каменная (Ка-*

менная) могила *Бестаиш*, интересного тем, что *Бестаиш* здесь воспринимается цельно, нерасчленённо, как одна каменная возвышенность, или могила. Однако здесь могла быть и контаминация (скрещение) двух параллельно существовавших уже в XVIII в. вариантов названия: старого (тюркского) *Бестаиш* и нового (славянского) – *Каменная могила*. Впрочем, более распространённым был взгляд на урочище как на несколько каменных возвышенностей, и это привело к тому, что окончательно топоним утвердился с формой множественного числа, отразившего данную реалию.

Одной из пяти скал урочища Бестаиш была каменная глыба с названием *Каратыш*. В состав этого тюркского топонима раньше входили два самостоятельных слова: прилагательное *кара* ‘чёрный’ и народный географический термин *тыш* «острая скала, вершина». Его дотерминологическое значение – ‘зуб’. В тюркско-монгольских языках особенно широко происходило образование местных географических терминов на базе слов, обозначающих различные части тела животных и человека. Первое время образность перенесённого значения ещё ощущается в термине, но затем он постепенно утрачивает свою метафоричность. Многие народные географические термины – «потухшие» метафоры. Это произошло и со словом *тыш*. Ср. ещё: *кулак* ‘ухо’ и *кулак* ‘балка, ущелье’; *аяк* ‘нога’ и *аяк* ‘устье реки; подножье горы’; *саур* ‘круп лошади’ и *саур* ‘степная возвышенность с вершиной округлой формы’ и др. Поэтому название *Каратыш* вначале и приазовскими тюрками вряд ли воспринималось как ‘чёрный зуб’. Его топонимическим этимоном было значение ‘тёмная остроконечная скала’.

Данное замечание можно отнести и к другому топониму на сопредельной территории – *Карачук*. В настоящее время это название ручья, левого притока Берды. Исконное значение этого тюркского географического имени свидетельствует о том, что появилось оно не как гидроним, а как название возвышенности (ороним). Названием ручья оно стало позже – благодаря уже рассмотренному выше процессу перехода непереоформленного топонима на близлежащий объект, ещё не имеющий имени. Только как гидроним присутствует *Карачук* во всех известных нам источниках XVIII-XX ст. В то же время широко распространён и другой фонетический вариант гидронима – *Каратюк*, запечатлевший более позднее изменение в славянской речи конечного *-чук* в *-тюк*. Это изменённое название ру-

чья сейчас считается «нормативным». Старое название одиноко стоящей каменной глыбы, скорее всего, тоже было «потухшей» экспрессивной метафорой. В его составе – то же прилагательное *кара* и весьма редкий в тюркской топонимии местный географический термин *чук*, близкий по своей вторичной специальной семантике термину *тыш* ‘камень, скала’. В его основе лежит тюркское нарицательное существительное *чук* ‘penis’.

Вернёмся к гидрониму *Каратыш*, территориально связанному с Каменными Могилами. Он имеет вариант *Коротыш*, появившийся благодаря сближению с прилагательным *короткий*. Это один из случаев так называемой «народной этимологии» в топонимии. Прямое свидетельство о ней мы находим на «Карте русско-турецкой и польской границ» 1760 г., составленной в Академии наук в Петербурге, где интересующий нас гидроним представлен как семантически «ясное» прилагательное – р. *Коротка*.

КАПІТА. Сленговый внутригородской хороним – название микрорайона «Октябрьский» в г. Макеевке, Донецкой области (запись 2008 г.). Здесь находится шахта «Капитальная». Её названием мотивируется топонимом **Капіта**, представляющий собой усеченную основу названия этой шахты. Конечный гласный этой основы стал восприниматься как флексия *-а*, выполняющая роль словообразовательного средства. В изменении основы приняла участие и передвижка в ней ударения.

КАПҮРКА. Балка, п.п. Кальмиуса, ниже впадения в него Мокрой Волновахи, возле села Раздольное (бывш. Каракуба), Старобешевского р-на. Вариант: *Копёр Тарамá*, *Капёр Тарамá*, *Купур*, *Купурка*. От *копур* ‘мост’. Первичной формой гидронима было урумское изафетное словосочетание *Копюр Тарамá* ‘мостовая балка’, что подтверждается и другими вариантами названия этого объекта с термином *тарамá* ‘балка’, а также «переводом» урумского топонима на русский язык: в ряде источников отмечается лексически прозрачный топоним *Мостовáя* (балка). Балка получила своё название по мосту, который был построен через неё ещё в первой половине XIX века. Неофициальное название *Купур* носит также одна из частей посёлка Сартана, севернее Мариуполя. Местные жители негреческой национальности (украинцы, русские) именуют её также *Грековáтой* (от этнонима *греки*, которые преобладали среди

населения этой части посёлка). Крымскотатарский апеллятив *körür* ‘мост’ присутствует и в ряде топонимов Крыма: урочища *Копур-Янунда* (возле села Таш-Ярган), *Таш-Кьопрю* (у реки Бельбек), овраг *Копур-Кая* и др.

КАПУСТА. Памятник в г. Макеевке, Донецкой области (Украина) подъячему Г.Г.Капустину, который первым по указанию Петра I в 1721 г. обнаружил залежи каменного угля в Донбассе. Жаргонное слово (в речи молодёжи), возникшее способом обратного словообразования (редеривации): *Капустин* (от Капуста₁) > *Капуста*₂. См. также *Кремль*.

КАРАСЕВКА. Неофициальное название одной из частей современного Мариуполя. Варианты: *Карасівка*, *Карасу́*. Отголосок старого внутригородского хоронима *Карасевка* присутствует в годониме *Карасевская улица*. Вместе с Каффайской и Готфейской улицей вливается в улицу Артёма между Театральной площадью и автовокзалом. Возникла на месте поселения *Карасу-Базар*, которое в конце XVIII – начале XIX в. находилось на правом берегу Кальмиуса, между Мариуполем и речкой Калец (сейчас – Кальчик), севернее поселения Гезеле. Жителей этого «подгородного» тогда села или «предместья» в конце прошлого века именовали *карасевцами*. Основу его жителей составляли переселенцы из крымского поселения Карасу-Базар (с 1944 г. – Белогорск), т.е. ‘торговый центр (и селение при нём) у реки Карасу’. Название приазовского села представляет собой переделку в плане «народной этимологии» (сближение со словом *карась*) первой части крымского топонима – *Карасу*. По происхождению это тюркский географический апеллятив: *карасу* – ‘родник; озерко; тип немногочисленной реки, питающейся выходами грунтовых вод у подножья гор, в межгорных долинах’. От второй части старого урумского названия части города Мариуполя (*Базар*) образовался катойконим *базарьоту* ‘житель, горожанин’, позднее перешедший в «уличную фамилию» *Базарьоту* (с румейским суффиксом *-оту*) от первой части (*Карасу*) – современное прозвище грека: *Коста Карасу* (записи 2000 г.).

КАЧЕМА́К. Балка, левое ответвление Буйволово́й балки, правого отрога реки Мокрой Белосарайской (Белосарайки), возле рай-

онного центра села Мангуш. Вероятнее всего, в названии балки отразился урумский апеллятив *качамáк* (*качамáх*) ‘околица’. На Военно-топографической карте Екатеринославской губернии середины XIX века эта балка именуется *Джантомир*. Этот тюркский топоним состоит из двух существительных, составляющих изафетное словосочетание: *джан* ‘жизнь’ и *тамýр* ‘корень’ (его вариант: *тамúр*, см. статью *Балтамúр*) и ‘жила’. Последнее слово, вероятно, представляло собой географический апеллятив, или «анатомический термин в географической терминологии», как, например, русский народный географический термин *жила* ‘родник, источник’, *водожíлина*. В этой балке, должно быть, существовал постоянный сток воды, вода была «живой», а не застойной и затхлой. Примечательно, что правое ответвление этой же Буйволово́й балки получило название с противоположным смыслом – *Сасá* (*Сасы́*) *Гулáк*, т.е. ‘вонючий (из-за гнилой застойной воды) овраг’.

КАШЛАГÁЧ. Речка, п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра.

Наиболее близким к первоначальной форме топонима является вариант, вынесенный в заголовок статьи, – *Кашлагая*, восходящий, вероятно, к словосочетанию *кашлы́ агáч* ‘береговой лес’, ‘береговая роща’. *Кашлы* – прилагательное от тюркского народного географического термина *каш* ‘бровка’, ‘холм’, ‘берег’, ‘опушка леса’, ‘сторона’, ‘рубеж’; *агач* – ‘дерево’, ‘лес’, ‘роща’. Косвенным подтверждением отдримонимного происхождения названия речки может быть распространённость в рукописных картографических материалах 2-ой половины XVIII в. славянских вариантов гидронима с основой *осин-*: *Осиноватая*, *Осиновка*. Другой славянский ряд названий речки содержит основу *осик-* (ср. укр. *осика* ‘осина’), которая некоторыми картографами представлена в ошибочных русифицированных записях *Осоковатой*, *Осоковата*.

Однако возможен и другой путь возникновения тюркского названия речки *Кашлагач*. В её истоках находится степная могила с таким же именем *Кашлагач*¹. И в гидрониме, и в орониме одинакова их вторая часть *агач* ‘дерево’, ‘роща’, однако в орониме его первая

---

¹ Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии (≈ середина XIX в.).

часть может быть мотивирована географическим апеллятивом *каш* 'холм' в составе прилагательного *кашлы*. Таким образом, словосочетание *кашлы агач*, в живой речи стянувшееся в одно слово *Кашлагач*, вначале значило 'растущее на холме дерево'. Такое дерево могло служить заметным ориентиром в безлесой приазовской степи. Если придерживаться такой версии, то контактный перенос географического имени имел обратное направление: название кургана с деревом – *Кашл(ы)агач* переместилось на речку, истоки которой находились возле кургана Кашлагач. В настоящее время уже трудно отдать предпочтение какой-то одной из этих гипотез.

КАЯЛА

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бобрянъ рукавъ в Каялъ рѣцѣ.
(«Слово о полку Игореве»)

В одном из своих фундаментальных исследований «Слова о полку Игореве», говоря о невозможности идентификации гидронима с каким-либо определённым географическим объектом Половецкой земли, академик Б.А.Рыбаков пишет: «Все варианты определения места битвы Игоря с Кончаком, которые базируются на созвучии названий рек в бассейне Северского Донца и Дона, *должны быть признаны непригодными*» (выделено автором). И далее: «Весь разноречивый определений места битвы Игоря происходил от соблазна найти на современной географической карте реку Каялу. Но поиски, которые велись более века, так и не обнаружили её на «Большом чертеже» XVI ст., ни на картах XVII-XVIII ст., ни на картах нашего времени»¹. С «лингвистических позиций» попытался подойти к обоснованию этого тождества поэт Олжас Сулейменов². Он отказывает компоненту *ялы* в лексической самостоятельности, считая его осколком полного имени (*Каялы*), которое изначально выступало с препозитивным детерминативом *су* (*су Каялы*), но в дальнейшем пережило фонетическую субституцию (замену глухого гортанного *к* на *х*) и народноэтимологическое сближение со славянским прилагательным *сухая*. Звуковая и словообразова-

¹ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. – М., 1971. – С.222-223.

² Сулейменов Олжас. Где река Каялы? – «Литературная Россия», 1968. – №38.

тельная эволюция, по О.Сулейменову, проходила в такой последовательности:

I этап существования гидронима (тюркский)	<i>су Каялы</i> → <i>Сукаялы</i>
II этап (славянский)	↓
а) фонетическая субституция	<i>Сухаялы</i>
б) народноэтимологическое переосмысление	↓
в) морфологическая перестройка имени	<i>Сухая Ялы</i>
	↓
	<i>Сухие Ялы</i> ¹

Гипотеза О.Сулейменова уязвима во многих местах. В тюркской гидронимии географический термин *су*, как правило, употребляется после собственного имени: препозитивное же *су* теряет признаки термина, приобретая функции определения. Поэтому кажется неправдоподобной его постановка перед другим топонимным прилагательным (*каялы*). Кроме того, у нас нет достаточных оснований считать, что топонимное прилагательное *каялы* в тексте «Слова» было несклоняемым, как вытекает из гипотезы О.Сулейменова. Всякие попытки связать *Каялу* с гидронимом *Ялы* бесплодны как с исторической, так и с лингвистической точки зрения. Первые фиксации гидронима *Ялы* находим на карте Украины, охватывающей территорию военных действий 1736-1739 гг. (составитель неизвестен), где река с этим названием изображена как правое ответвление реки Берды (*Berda R.*; её левое ответвление в верховье – *Kalmic R.*, то есть река Кальмиус) (Кордт В. Матеріали до історії картографії України. – У Києві, МСМ XXXI, карта № 23) и на «Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова» 1743 г. (Генеральная карта от Киева по реке Днепру до Очакова по

¹ Относительно народноэтимологического переосмысления других монголо-тюркских детерминативов – *гол* и *узен*, которое допускает автор, то здесь он чрезмерно преувеличивает результаты этого процесса, утверждая, что от этих терминов происходят многочисленные гидронимы в бассейнах Днепра и Дона типа *Узенькая*, *Голая*, *Голенькая* и под. О гетерогенной природе исходной морфемы *гол* (от лит. *-gala*, *-galas*, что означает ‘край, конец’, и от лексемы мордовского происхождения; добавим сюда и тюркско-монгольский термин) уже писалось в топонимической литературе (Топоров В.Н., Трубаков О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Приднепровья. – М., 1962. – С.172.). Трудно согласиться с О. Сулейменовым, который видит географический термин *гол* в составе словоформы *тарголове* (конъектура О. Сулейменова: *Торголове*) из летописной фразы о битве 1185 г. «Игоря же бяхуть ялы *тарголове*, мужь именемъ Чилбук...».

степи до Азова, 1743 г. – Рукопись. Центральный государственный военно-исторический архив (Москва), единица хранения 20 114). В тюркских языках омонимичный апеллятив, выступая в значениях ‘берег’, ‘побережье’, ‘набережная’, имеет ограниченное распространение.

Крымские татары, ногайцы, а затем и крымские («мариупольские») греки, которые поселились в конце XVIII в. в необжитых степях Северного Приазовья, этим словом сначала называли урочище – широкую, богатую луговой растительностью пойму левого притока Волчьей или высокие глинистые берега левой стороны Мокрых Ялов, а потом уже, благодаря топонимной метонимии, это имя получает и сама река.

В некоторых селах Донецкой области, например в Степном (Новосёлка № 1) и Зажиточном (Чермалык), колхозные земли («поля») и огороды на берегу Кальмиуса до недавнего времени называли *я'лус*, что свидетельствует о том, что деетимологизация гидронима в речи «мариупольских» греков (по языковому признаку они делятся на тюркофонов и эллинофонов) – явление сравнительно недавнего времени. Сейчас, как показывают материалы топонимических экспедиций Донецкого университета в села крымских («мариупольских») греков, гидроним *Ялы* устойчиво связывается в их речевом сознании с апеллятивом *яли* – ‘зеркало’.

«Внутренняя форма» гидронима *Каяла* довольно ординарна в тюркской (и не только тюркской) гидронимии. В XII ст. «скалистых» или «каменистых» рек в Половецкой земли, очевидно, было много. Но только одна из них осталась в памяти русичей, пять раз отразившись в поэтическом тексте «Слова» и один раз – в летописном рассказе о походе Игоря (в текст «Задонщины», как известно, этот гидроним проник из «Слова»). Нигилистическое отношение к реальности *Каялы* было вызвано тем, что она действительно не была обнаружена среди названий притоков Северского Донца, которые дошли до нас. Но *Каяла* названа в «Слове» «рекой половецкой» – свидетельство того, что она была значительной по размерам и поэтому хорошо известной (маленькая речка вряд ли получила бы такое определение, ср. хронологически удалённую параллель: «Волга, русская река»). Была ли на территории Северного Приазовья, заселенной в XII в. различными половецкими объединениями Черной Кумании, такая река? Есть некоторые основания предполагать, что

была, но находилась она не там, где проходило противоборство русичей с половцами, описанное в «Слове» и в Ипатьевской летописи.

Некоторые рукописные карты 2-й пол. XVIII ст., а также отдельные издания XVIII-XIX вв. свидетельствуют, что в гидронимии приморских районов нынешней Запорожской области, до 60-х годов прошлого века заселённых ногайцами, было несколько составных названий с топонимным прилагательным *Каялы*. Часть из них позднее претерпела универбацию – сжатие в одно слово, другие в наше время уже забыты. Два из них – в бассейне р. Молочной (летописной Сутини): балка *Каялы Кулак* (*Каяли Кулак*, *Куяли Кулак*, *Каикулак* и др.) и река *Каялы Джуюшан* (*Каялишан*, *Каялиша* и др. с левым притоком – балкой *Каяликула(к)*). На восток от озера Молочного в Азовское море впадает р. Лозоватка, которая в XVIII в. во многих географических источниках именуется также *Бердянкой* (*Бердинкой*) или *Нижней Бердою*, а в списке населённых мест Таврической губернии, изданном в 60-е годы XIX в., названная ещё *Бердикай Али* (искаженная запись составного гидронима *Берды Каялы*). Наконец, ещё дальше на восток в Азовское море впадает *Берда*, по которой в XVIII в. проходила граница между Россией и страной Восточный Ногай – материковым владением крымского хана. В её названии отразилась та же реалья – каменистость берегов реки.

Из всех существующих историко-географических схем похода Игоревое войско наиболее обоснованным (за исключением отдельных деталей сугубо топонимического характера) нам представляется вариант Б.А.Рыбакова. Осуществив скрупулёзное сопоставление текстов «Слова» и киевской хроники 1185 г. в составе Ипатьевской летописи, Б.А.Рыбаков четко разграничивает «поэтическую Каялу» и «реальный Сюурлий». До него многие исследователи маршрута Игоревое войско относили эти названия к разным географическим объектам. Так, А.В.Лонгинов считал, что *Сюурлий* – это р. Орлова в бассейне Волчьей, л.п. Самары днепровской, а *Каяла* – современные *Ялы*. По мнению Н.В.Сибилева, *Сюурлий* – это р. Голая Долина, л.п. Сухого Торца, а *Каяла* – какая-то другая река этого района. Согласно К.В.Кудряшову, *Сюурлий* – это место впадения Голой Долины в Сухой Торец, а *Каяла* – р. Каменка, п. п. Северского Донца и т. д.

В летописном рассказе о походе Игоря указаны реальные географические ориентиры движения русских дружин и столкновения их с

половцами – Оскол, Донец, Салница, Тор и др. Одним из таких реально существовавших географических объектов, бесспорно, была река *Сюурлий*, о которой трижды говорится в Киевской летописи и пять раз – в «зашифрованном» виде (под именем *Каялы*) – в «Слове о полку Игореве». Этимология гидронима *Сюурлий* уже давно привлекала внимание исследователей. П.Е.Ваденюк, видя в начальном составе названия *Сюурлий* связь с тюркским словом *су* – ‘вода’, толковал гидроним как «половецкий перевод Тора» (связывая последний, в свою очередь, со славянским корнем *-тор-* в словах *торный* и *проторить*, «который выражает понятие движения») (Где нужно искать ту реку, на берегу которой 5-го мая 1185 года был разбит Игорь Святославович Новгород-Северский и которая названа Каялой? // Труды Третьего археологического съезда в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. – Киев, 1868. – С.58). К.В.Кудряшов усматривал в гидрониме отображения тюркского апеллятива *суярли* ‘разветвление рек’, ‘разлив воды’ (Кудряшов К.В. Ещё раз к вопросу о пути Игоря в Половецкую степь // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – М.-Л., 1958. – Т.ХIV. – С.58). Б.А.Рыбаков этимологизирует *Сюурлий* как ‘комариную реку’, ‘реку комаров’, отождествляя её с современной Гнилушей, л.п. Самары в её вершине (указ. соч., с. 244).

При этимологизировании гидронима *Сюурлий* не следует упускать ещё одну возможность – вполне вероятную связь его с тюркским географическим термином *саур* (*сауыр*), который обозначает холмы со сглаженными вершинами округлой формы (его первоначальное значение – «круп коня»), тем более, что сражение на р. *Сюурлий* (или «поэтической Каяле») проходило недалеко от «шеломени» (как предполагает Б.А.Рыбаков, водораздела Днепра и Дона). В связи с этим приобретает особенное значение сообщение В.Татищева (на которое в указанное выше работе в свое время обратил внимание и К.Кудряшов), что от реки *Сюурлий* половцы отступили за некую «гору». Учитывая это, гидроним *Сюурлий* может быть истолкован и как топонимическое прилагательное (с суффиксом *-ли*) от географического термина *саур* (*Сюурлий* < *Саурли*?). В топонимии Северного Приазовья и сейчас сохраняется несколько названий высот (*могил*) с этим термином, который превратился в речи славянского населения в семантически неясное собственное имя. Наиболее известная из них *Саур-могила* находится в верховье

реки Камышевахи, л.п. Севастьяновки, л.п. Крынки, п.п. Миуса; вторая (*Савур-могила*) – в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопротокофьевки.

В тексте «Слова о полку Игореве» *Каяла* как название реки, где происходила битва русских с половцами, встречается пять раз. Неудачные попытки найти «реальную» Каялу породили в последнее время нигилистическое отношение к признанию самой возможности существования такой реки. В новейших работах отмечается возвращение к старым взглядам на Каялу как на реку грусти и печали, как «жаль-речку»¹. Вслед за Е.В.Барсовым определяется «символическое», а не географическое значение этого имени. Эта точка зрения последовательно проводится в монографии Б.А.Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники». Признавая правильной «барсовскую» формулу: «Каяла-река – Жаль-река», Б.А.Рыбаков, в отличие от других сторонников этой гипотезы, связывает Каялу с кыпчацким словом *qajaly* – ‘печаль’ (со ссылкой на Н.А.Баскакова) и видит здесь «игру слов», которая возникла при сближении половецкого *qajaly* с древнерусским *каяти* (указ. соч., с.234). С этим трудно согласиться. Это был бы единственный тюркизм «Слова» с абстрактным значением и, пожалуй, единственный древнерусский топоним, который возник благодаря каламбуру. Пародийное использование этих созвучных слов предусматривает адекватность их восприятия. Иначе не было бы никакого смысла в этой фигуре, она бы осталась не понятой другими.

Крайне сомнительно, чтобы кыпчакское слово с абстрактным значением ‘печаль’ было широко известно населению Киевской Руси (за исключением, конечно, толмачей, но не для них создавалось «Слово»). С топонимической точки зрения наиболее вероятным представляется отнесение Каялы к кыпчакскому прилагательному *qajaly* (мнение К.Менгеса, А.И. Попова и других исследователей). Даже бросив беглый взгляд на карту гидронимов с семемами ‘скала’ и ‘камень’ в топонимии юго-восточной Украины, мы видим, что на этой территории данный естественный признак отразился в названиях многих рек, ручьев и балок. Очевидно, *Каял* в Половецкой

---

¹ Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1889. – Кн. 2. – С.356.

земли было немало, как и *Каменок*, *Скелеваток*, *Таишыков* и т.д. в современной топонимии Украины. Но только одну из них вспоминает автор, употребив её имя обобщённо – как название половецкой реки вообще. Вполне вероятно, что такой реальной *Каялой* (то есть *Каялой*, которая имела географическое значение) могла быть река, которая шестью веками позже «объявилась» с гибридным тюркско-славянским именем *Каялы Берд(а)*. Гидроним *Каяла* (< *Каялы*) сначала соотносился русскими с конкретным географическим объектом в районе кочевьев лукоморских половцев, потом эта связь могла ослабеть и даже оборваться, и *Каяла* превратилась в обобщённое название всякой половецкой реки (как в народной поэзии славян гидроним *Дунай* стал обобщённым названием всякой реки, в том числе и Дона). Это предположение подтверждается и самим текстом «Слова»: «погрузи жирь во днѣ Каялы, рѣкы Половецкыя». Значение «половецкая река вообще» угадывается и в определённом месте из плача Ярославны: «Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бобрянь рукавь въ Каялѣ рѣцѣ». Оба сопоставленных здесь гидронима имеют значение ‘река вообще’ (соответственно русская и половецкая). Мы имеем дело с реализованным с помощью топонимов явлением, которое Д.С.Лихачев квалифицирует как «стилистическую симметрию». «В стилистической симметрии, – пишет он, – важно не то, в чём члены симметрии расходятся между собой, а то, что есть в них общее... Неточность симметрии составляет саму её сущность, позволяя в обоих случаях симметрии принимать только узкую совпадающую часть, отбрасывая «индивидуальные» особенности каждого члена»¹.

Учитывая все вышесказанное, мы не можем согласиться с точкой зрения Б.А.Рыбакова, что, «находясь на берегу Сейма, притока Десны, которая впадает в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, *если река Каяла находилась в бассейне Днепра*» (выделено автором. – Е.О.) (указ. соч., с.222). «Слово о полку Игореве» – художественное произведение. Использование его данных в историко-географических концепциях похода Игоря должно быть очень осторожным. Вряд ли Ярославна имела столь точные географические знания, что представляла *Каялу* притоком Днепра (точнее – как одним из незначительных притоков

---

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – С.173.

его левого притока Самары). Такая гипертрофированная научная точность в поэтическом тексте «Слова» маловероятна. Исследователи «Слова» неоднократно отмечали его «многообразную и многоплановую символику»¹, использование для создания символического образа точной системы реалий и под.

Тропеическими сдвигами характеризуется и употребление в тексте «Слова» имен собственных вообще и географических названий, в частности. Автор «Слова», пишет Г.Ф.Корзухина, «вплетает в текст имена языческих богов, он вспоминает готских дев и Бусово время, у него какие-то реминесценции, связанные с Дунаем, и очень интересная серия упоминаний о Трояне. Поразил его воображение и Тмутараканский болван, независимо от того, сам ли он его видел, или только слышал о нем». Перед нами то, что академик Д.С.Лихачев в докладе на Всесоюзной научной конференции, посвященной 175-летию первого издания «Слова о полку Игореве» (которая состоялась в сентябре 1975 г. в Чернигове), назвал «масштабным восприятием мира», «стилем монументального историзма», пронизывающем всю литературу Давней Руси. Этот стиль «характеризуется прежде всего стремлением рассматривать объект изображения с больших дистанций – дистанций самых разных: пространственных, временных, иерархических. Поэтическое в эстетическом отношении ценно и важно лишь то, что может быть изображено великим и могучим в перспективе огромных расстояний». *Море, Дон Великий и Каяла* – вот те наиболее отдаленные географические объекты земли Половецкой, которыми в «Слове» обозначены крайние рубежи похода Игоревой рати:

«Чръныя тучи съ моря идуть... Быти грому великому, иди дождю стрѣлами съ Дону Великому! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго!»

Как в плаче Ярославны Каяла условно-поэтически сближается с *Дунаем*, так и в приведённом отрывке она называется рядом с *Доном Великим*, но это, понятно, ещё не доказательство того, что *Каяла* была как-то географически связана с этой рекой. Ошибка

---

¹ Яковсон Р.О. Изучение «Слово о полку Игореве» в Соединённых Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – М.-Л., 1958. – Т. XIV. – С.111.

некоторых исследователей заключается в том, что они, игнорируя специфику стилистического строя «Слова», буквально толковали выражение «на рѣцѣ на Каялѣ, у Дона Великаго». Это условно выбранные ориентиры земли Половецкой, названия которых стали своеобразными поэтическими метафорами. Знаменательно, что в другом месте плача Ярославны в роли поэтического эквивалента Каялы выступает «море»: «Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано». Ср. также «въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону».

В основе «поэтической Каялы», вероятно, лежит реальная река с таким же именем, одна из рек земли Половецкой¹. Этому предположению совсем не противоречит тот факт, что гидроним *Каяла* зафиксирован только одним памятником – «Словом о полку Игореве»². Единичные упоминания в памятниках и других рек земли Половецкой (например, *Сутин, Тор, Дегей, Сальница*) не означает, естественно, что они были мало известны на Руси XII ст. Если бы битва с половцами произошла не на реке Сюурлий, а на какой-либо другой реке земли Половецкой, то и она так же могла быть поименована автором «Слова» *Каялою*. Поэтому мы считаем малоперспективными попытки связать этимологическое значение гидронима (‘каменистая’, ‘скалистая’) с природными признаками мнимых географических объектов (а именно от этого этимологического значения отталкивались некоторые историки в поисках загадочной *Каялы*). Реальная *Каяла*, очевидно, была столь же далека от места битвы Игоря, как и Дунай от «заборолы» Путивля, на котором причитала Ярославна. Перед нами именно одна из тех мнимых «неточностей» в самом поэтическом произведении древнерусской литерату-

---

¹ Кстати, это дополнение – «рѣкы половецкыя» – ещё один аргумент в пользу реального существования Каялы. Ср. ещё другое свидетельство (в Ипатьевской летописи, под 1193 г.) об Ивле – «реке половецкой», в названии которой А.И.Попов находит тот же суффикс *-лы* (Попов А.И. К изучению топонимики Украины. // Питання гідроніміки. – К., 1971. – С.34).

² Последние случаи его употребления в памятниках – в киевской хронике 1185 г., «Задонщине» и в «Истории про великого князя Московского» А.М.Курбского (в форме *Куала*) – явно вторичного происхождения (см. об этом подробно в книге Б.А.Рыбакова «Слово о полку Игореве» и его современники») (М., 1971).

ры, которая органично вытекает из всего его стилистического пространства¹.

Таким образом, подобно «поэтическому *Дунаю*» славянской народной поэзии, который потерял свое собственно топонимическое, или «географическое», значение, «поэтическая *Каяла*» в «Слове о полку Игореве» также изначально имела свой топонимический объект. На наш взгляд, им могла быть нынешняя приазовская река Берда, кыпчацкое название которой была освоено русичами XI–XII вв. во время их успешных походов в половецкое Лукоморье. Популярность этого имени в русской среде, которая отождествляла *Каялу* с одним из хорошо известных на Руси XII в. районов половецких кочевий в Северном Приазовье, послужила причиной того, что *Каяла* в художественном тексте «Слова» превратилась в обобщённое название половецкой реки вообще, в поэтический эквивалент летописного гидронима *Сюурлий*, и собственно в этом её символическое значение.

КЕФЁ. Одна из частей старого Мариуполя конца XVIII – начала XIX вв. Находилась в нагорной части города у правого берега Кальмиуса. Здесь поселились выходцы из Феодосии, или **Кефё**. Таким образом, это перенесенный мариупольскими греками крымский топоним. В конце XIX века эта часть города именовалась также *Кефейной улицей*, или *кварталом Кефе*². Жителей этого квартала именовали *кефели*, т.е. кефелийские, те, кто из Кефе.

КЕФЁЙСКАЯ УЛИЦА. Одна из улиц старого Мариуполя³. Варианты: *квартал Кефе* (там же), *Кефейский квартал* (там же,

---

¹ Предостерегая от прямолинейного восприятия отдельных мест в «Слове о полку Игореве», академик Д.С.Лихачев в своем интервью корреспонденту «Литературной газеты» довольно точно заметил: «... граница действительного и выдуманного в древней литературе проходила ближе к действительности, нежели она проходит сейчас, и с этой точки зрения комментарии историков к «Слову...» очень ценные, но всё же, всё же... «Слово» – это поэтическое произведение, а не документ, и на пути предъявления к нему исторического счёта мы должны быть очень осторожны. Не всякое поэтическое лыко можно вставить в историческую строку...» («Литературная газета», 23 июля. – С.6).

² Мариуполь и его окрестности. – М., 1892.

³ Мариуполь и его окрестности. – М., 1892. – С.73.

127), *Кефайская улица* (там же, 86). В советское время – *Пролетарская улица*. Одна из «продольных», т.е. идущих вдоль морского побережья, улиц в Мариуполе прошлого века. Среди греков, переселившихся в 1780 г. на берег Азовского моря и основавших Мариуполь, были и выходцы из Феодосии, носившей после XII в. название *Кафа*, данное генуэзцами. В речи крымских греков оно изменилось в *Кефе*. Так именовалось в конце XVIII – начале XIX вв. и селение севернее Мариуполя, основанное греками из Феодосии, впоследствии слившееся с городом.

КИЧЬК ДАГ. Балка, п.п. Кальмиуса возле Староигнатьевки Тельмановского района (запись 1972 г.). Урумский составной топоним, в котором существительное *даг* ‘лес, роща’ определяется прилагательным *кичик* ‘маленький’.

КИЧЬК ОЗЁН. Мокрая балка и ручей в ней, п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса возле села Староигнатьевки Тельмановского района (запись 1972 г.). Урумский гидроним: *кичик* ‘маленький’ и географический термин *озён* (*узён*) ‘речка, ручей’.

КИЧИКСУ́. Мокрая Балка, п.п. Кальмиуса на территории Тельмановского района (запись 1976 г.). Урумский гидроним, состоящий из прилагательного *кичик* ‘маленький’ и географического термина *су* ‘вода, речка’. Это название относят к верхней части балки. Ниже она обычно именуется *Столовой*, так как в ней встречаются широкие гладкие камни, похожие на столы. *Славянской* называли её жители села Прохоровки Волновахского района – по названию уже не существующего села Славянки этого же района.

КЛЕБАН-БЫК. Это речка – л.п. Кривого Торца, п.п. Казённого Торца, п.п. Северского Донца. Её истоки – возле села Новоалександровки, Красноармейского р-на Донецкой области. Протекает по Константиновскому р-ну, впадает в Кривой Торец севернее г. Дзержинска. В низовье речки – посёлок *Клебан-Бык*, основанный в связи с началом строительства в 1946 г. *Клебан-Быкского водохранилища*.

Гидроним зафиксирован источниками со 2-й пол. XVIII в. Имеет много вариантов: *Клебань Бык*; *Клебан Бык*; *Клебин Бык*; *Клебен Бык*; *Клыбин Бык*; *Клевань Бык*; *Клибил Бык*; *Климин Бык*; *Клабын*

Бык; Клёбан Бык; Клёпен Бык; Клепан Бык; Кинбен Бычок; Клибин Бычок; Бычок. На военно-топографической карте 40-х годов XX в. (масштаб: 1:50 000) правым притоком Кривого Торца подана речка Калиновка. Она сливается с речкой Бычок (в месте их слияния Калиновка полноводнее Бычка), после чего река получает уже название *Клебан Бык*.

Гидроним состоит из двух в настоящее время неясных частей, слившихся в одно слово, с общей флексией, что на письме обозначается дефисом. Основу обеих частей, по-видимому, составляют народные географические термины *бык, бычок*, имеющие значения: ‘скалистый берег’, ‘каменный утёс’, ‘камень в воде’, ‘узкий обрывистый мыс между двумя отвершками оврага, балки’, ‘плоская равнина между вершинами двух оврагов’ и др. На военно-топографической карте-трёхвёрстке бывшей Таврической губернии (1862 г.) обозначена степная возвышенность (могила) *Бык* в верховье речки Зелёной, впадающей в Азовское море у села Урзуф. Сейчас уже невозможно установить, какая из перечисленных географических реалий отразилась в интересующем нас названии речки. Ещё более неясна первая часть топонима, имевшая, как видно из приведенного выше перечня вариантов гидронима, разнообразные графические, звуковые и морфологические вариации: основа *клеб-* (*кльб-, клиб-, клаб-*) + суф. *-ань, -ан, -ин*: основа *клев-* + суф. *-ань*; основа *клен-* (*клён-*) + суф. *-ан, -ен* и др., что, очевидно, свидетельствует о ранней утрате в местных говорах соответствующего апеллятива. Он повторился и в названии балки *Клебина*, впадающей в Кривой Торце слева, ниже устья Клебан-Быка, и, возможно, балки *Клебановой*, п.п. Лозоватой, л.п. Татарки, л.п. Самары, л.п. Днепра.

Вариант гидронима *Клебань (Клеван)*, очевидно, отапелятивно-го происхождения. Уже утраченный и нигде не зарегистрированный географический термин *клебань мог иметь такое же значение, что и *ковбань* ‘глубокая яма, наполненная водой, котловина’ (из которых иногда вытекают ручьи и речки). Последний термин в украинских диалектах обладает развитой вариантностью его звукового и морфемного состава. Б.Д. Гринченко приводит три варианта (*ковбаня, ковбанька, ковбанюга*), около двадцати разновидностей термина в населённых пунктах Сумщины и Черниговщины записала Е.А.Черепанова.

Слово *клебань* вначале употреблялось при гидрониме *Бык* в роли детерминатива, первое время ещё не входя в состав названия, а лишь указывая на характер географической реалии, имеющей название *Бык*. Не вызывает сомнения происхождение гидронима (благодаря переносу собственного имени по смежности объектов) от ранее появившегося оронима. Позднее произошло слияние этих двух слов в одном названии: *Клебан(ь)-Бык*, *Клебан(ь)-Быка*, *Клебан(ь)-Быку* и т.д.

В народной речи в наше время часто встречается вариант *Клёпан Бык*. Первую его часть информанты осмысливают как краткое причастие от глагола *клепать*, а *бык* – как название опоры моста.

КЛЁПА. Кафе «Клеопатра» в Донецке. *Приходи завтра вечером в «Клёпу», всё обсудим подробно* (запись 2008 г.). Образование сленгового ойконима связано с усечением имени древнеегипетской царицы Клеопатры VII-ой, отличавшейся образованностью и владевшей искусством обольщения мужчин, в европейских языках получившего референтную коннотацию ‘обольстительная, сексопильная женщина’. Присутствует в современном женском именнике. На фонетическое изменение в сленгоне повлияли и производные формы этого антропонима: *Клёпа*, *Клёпка*, *Клёпушка*, *Клёпонька*.

КЛЮЧЕВОЕ. Посёлок в Володарском р-не, Касьяновского сельсовета. Основан в 1906 г. с мемориальным названием *Византия*. Историческое название селения – *Византия* связано с ойконимизацией соответствующего хоронима – названия государства-империи и опосредовано отразило этнический состав населения в начале XX века. Изменения в его составе, а также инициированная сверху тенденция у странению исторических названий приазовских греков привели к переименованию в послевоенные годы посёлка *Византия* в *Ключевое*. Последний ойконим содержит в своей основе русский географический термин *ключ* ‘родник, источник’.

КОГЕМЛІ́ ТАРАМА́. Балка вблизи села Новобешева Старобешевского района (запись 1962 г.). Урумское её название состоит из прилагательного *когемли* ‘терновый, заросший терновником’ (ср. крымскотатар. *көгет* ‘тёрн’, ногайск. *kogen* с тем же значением) и географического термина *тарамá* ‘балка’. Значение топонима *Когемли тарамá* – ‘терновая балка’.

КОМА́Р. Село (центр сельсовета) в Великоновоселковском районе. Основано в 1779 г. греками-урумами, выходцами из крымского села *Комара́* (по ведомости А.В.Суворова, из него вышло 75 переселенцев). Катоиконим: *кома́рцы*. Жители районного центра (Великоновосёлки) комарцев называют *о́ланами* (от урум. *о́лан* ‘юноша’, ‘парень’). Уже утраченный вариант ойконима *Комара́* отразился в современных фамилиях *Комара́* и *Комарали́*. Последняя из них интересна ещё и тем, что в её основе присутствует старый катоиконим *Камарали́* ‘камарский’, т.е. житель села Камара́ (как в современной урумской фамилии *Бешевли́* «отпечатался» катоиконим *бешевли́* ‘бешевский, житель села Бешев(о)’).

Сейчас уже трудно определить, какое слово лежит в основе крымского ойконима, перенесенного переселенцами в Северное Приазовье. В качестве рабочих предлагается две гипотезы. Первая: от греч. *χάмара* ‘комната’ или *καμάρα* ‘свод’, ‘арка’ (это слово было заимствовано многими славянскими языками и отразилось в русском *камора* ‘кладовая’ и *каморка*). Первичная форма ойконима *Камара́* (возможно, уже с тюркским конечным ударением), которую регистрирует только один известный нам источник – сочинение протоирея С.Серафимова (1901 г.), в славяноязычном окружении Северного Приазовья вошёл в паронимическую связь со словом *ко-мар* (укр. *кома́рь*), что и запечатлелось в современных вариантах ойконима: *Комар*, *Комарь*, *Старый Комар* и *Старый Комарь*. Более глубокое вхождение этого географического имени в украинско-русское топонимное пространство привело к появлению формы с окончанием множественного числа, выполняющим ойконимообразующую роль: *Комары́*, *Ста́рые Комары́*. Определение *Старый* в ойкониме появляется после 1906 г., когда Севернее Великой Новосёлки (бывш. Больш. Янисоля) переселенцами из села *Комар* (*Комари*, *Комары*) был основан хутор (выселки) с названием *Новый Комар* (сейчас это село, подчинённое Великоновоселковскому поссовету). В «Справочной книге Екатеринославской епархии за 1913 год» (Екатеринослав, 1914) он именуется «приселком», деревней *Н.-Комари* (с.223).

КОНСТАНТИ́Н. Старое название современного села Островского (бывш. *Малоконстантинополь*, *Малоконстантинополь I*), Марьинского р-на Дачнинского сельсовета. Ойконим дважды

встречается на «Плане участка земли при хуторе Николькином», составленном в 1890 г. Хутор на месте нынешнего села Островского располагался возле левого берега Сухих Ялов, л.п. Мокрых Ялов. Интересно, что село Константополь на этом плане названо также *Константин*. Выселки из него с названием *Константин* (совр. село Островского) обозначены и в более раннем источнике – на «Плане земель хутора Трудового-Генерального», составленном в 1872 г. Это были первые выселки из крупного села Константинополь. В ряде других источников они ещё именуется *Малоконстантинополь* и *Константинополь 1*. Эти варианты названия впоследствии не прижились. Более поздними выселками был населённый пункт с омонимичным названием *Константин*, нанесённый на план земель при хуторе Николкином, который в некоторых других документах не совсем удачно именуется как *Н.* (очевидно, *Новый*) *Константинополь 2*. В настоящее время здесь расположено село Гигант того же Дачнинского сельсовета, Марьинского района.

Название *Константин* представляет собой усечённую форму полного ойконима *Константинополь*, свойственную разговорной речи (как в наши дни: *Днепрó* вместо Днепропетровск, *Владик* вм. Владивосток, *Азов* и *Арал* вм. Азовское и Аральское море и др.).

КОНСТАНТИНО́ПОЛЬ. Село в Великоновоселковском р-не, в месте слияния реки Волчьей и её левого притоки Сухие Ялы. Основано в 1779 г. греками-урумами, переселившимися сюда из крымских селений Фуна (Демерджи), Джемрек, Алушта, Улунь-Узень, Кучук-Узень и Куру-Узень. Варианты названия села: *Фуна*, *Демерджи*, *Константинополь*, или *Демирджи*. Современный ойконим приводится большинством источников. Перенесёнными из Крыма являются названия *Фуна* и *Демерджи*, в настоящее время ещё присутствующие в памяти местного населения. Современный ойконим *Константинополь* появился уже на новом месте поселения – в память о бывшей столице Римской империи, основанной в 330 году н.э. императором Константином (сейчас – Стамбул). Ср. также ойконим *Афины* (сейчас – посёлок Заря Володарского р-на, основанный в 1930 г.). В начале XX в. существовали выселки из Константинополя, носившие названия с начальным компонентом *Ново-*, указывающим на более позднее образование селений: *Ново-Константинополь 1*, *Ново-Константинополь 2* и *Ново-*

Константинополь 3, которые в настоящее время как самостоятельные населённый пункты уже не существуют. Катоиконимы: *константино́полец*, *константино́польский*; *константино́льская*; *константино́льцы*, *константино́льские*.

КОНСТА́ХА. Сленговый вариант названия города Константиновки, районного центра Донецкой области, образованный усечением основы официального астионима с добавлением к ней экспрессивного суффикса *-аха* (запись 2009 г.). См. также **Крамáха**.

КОСТА́ ЧОХРА́Х. Криница в посёлке Старобешево (запись 1969 г.). Названа по имени местного жителя *Косты* (Константина) Фёдорова, выкопавшего и благоустроившего её. *Чохрах* – географический термин со значением ‘родник, криница’.

«КОЧЕГА́РКА». Название старейшей на Донетчине шахты в городе Горловка, основанной в 1867-ом году. История её названия такова: в 1933-ем году на митинге её трудового коллектива редакция местной газеты «Кочегарка» взяла шефство над шахтой, которая, в свою очередь, её название делает своим именем.

КРАМА́ХА. Сленговый астионим, которому соответствует официальное название города на севере Донецкой области – **Краматорск**, исторически сложившееся в результате стяжения в одно слово составного топонима **Крома Торская**, т.е. ‘граница по реке Тор, Торская граница’. К усеченной основе официального ойконима был присоединён экспрессивный суффикс *-аха* (ср. *деваха*, *Натаха* и под.). Пример его употребления в репликах диалога, очевидно, нарочито насыщенного астиосленгонимами (запись 2009 г.): – *Ты где сейчас живёшь – в Констахе или в Крамахе?* – *Нет, давно уже в Рио-де-Житомире.* См. ещё **Конста́ха**, **Кра́сик**.

КРА́СИК. Город Красноармейск, районный центр Донецкой области (запись 2008 г.). Топоним образован сокращением (усечением) основы официального ойконима с последующей суффиксацией: **Крас(ноармейск) + ик**. См. также: **Белка₂**, **Конста́ха**, **Крамáха**.

КРАСНАЯ ПОЛЯНА. Село в Великоновоселковском р-не. Через село протекает река Москрые Ялы, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Это название село носит с 1948 г.

Одно из ранних его названий – *Гончариха*. Оно отмечается ещё на рукописной «Специальной карте западной части России» Г.А.Шуберта, составленной во 2-ой пол. XVIII в. Здесь же приводится и его параллельное название *Дортоба*. Как два разных селения называются *Гончариха* (᾿Ανζερῖχα) и *Дортоба* (Дортάμτα) в статье «учёного грека», писавшего о Мариуполе в журнале «Παυδώρα» в 1865 г., на которую ссылается В.И.Григорович (см. его «Записку антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра», Одесса, 1872, с.9). Протоиерей С.Серафимов в книге «Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря» (Екатеринослав, 1901, с.16) указывает уже на тройное название этого села: *Анчериха* (из *Гончариха*, что свидетельствует о произошедшей деэтимологизации топонима), *Дорд-Оба* и *Новая Хара-Хоба*. Здесь же, в верховье левого притока Мокрых Ялов, находится возвышенность с одинаковым названием – *Гончариха*, которая вначале именовалась иначе – *Дёрт Оба* (в переводе с тюрк. ‘четыре холма). Благодаря равнонаправленным переносам топонимов на сопредельные географические объекты (топонимической метонимии) находившееся рядом селение *Гончариха* получает, судя по источникам XIX в., параллельное оторонимное название, представленное несколькими вариантами: *Дортоба*, *Дордуба*, *Дорд-Оба*. Это географическое имя (в первичном состоянии – ороним) сбереглось в отражённом в ойкониме состоянии как из уже забытых названий села. Таким образом, в коррелятивной паре «ороним Гончариха – ойконим Гончариха» первичен ойконим, по видимому, отантропонимного происхождения: от *Гончар* или группового прозвища *Гончары*. В паре «ороним Дорт Оба – ойконим Дорт-Оба» первичен ороним. Название *Гончариха* отразило производственную деятельность местных жителей (гончарный промысел).

После того, как сюда в 1787 г. переселилась часть греков из крупного села *Каракубы* (сейчас с. Раздольное в Старобешевском р-не, которое вначале именовалось *Большой*, или *Старой*, *Каракубой*), селение получило название, представленное в разных источниках в нескольких вариантах: *Каракуба*, *Каракуб*, *Новая Каракуба*, *Ново-Каракуба*, *Новый Каракуб*, *Новая Хара-Хоба*. Последний ва-

риант имеет фонетический след урумской речи: переход *к* в *х*, характерный и для южнобережных говоров крымскотатарского языка. Сохранилось предание, что «гончары» позднее перебрались на новое место и основали новое село Андреевку (Запорожская обл.). Как официальное название *Новая Каракуба* продержалось до конца 40-х годов прошлого века, когда началась кампания по переименованию греческих селений в Северном Приазовье. Старый ойконим *Гончариха* в первые десятилетия XX в. постепенно выходит из употребления (он ещё присутствует на карте Мариупольского уезда 1916 г.).

Как возникли описательные варианты ойконима (с уточняющими определениями)? Названия выселков часто строятся по модели «прилагательные *новый (-ая, -ое)*, *малый (-ая, -ое)* + название населённого пункта, откуда произошло выселение». Так появились равноправные конкурирующие пары: *Новая Каракуба – Старая Каракуба* и *Малая Каракуба – Большая Каракуба*, которые затем распались. К 40-м годам XX в. от них сохранились уже не соотносительные и взаимно не обусловленные описательные ойконимы, осколки этих пар: *Большая Каракуба (Большекаракуба)* и *Новая Каракуба*.

Вторая часть крымского ойконима, перенесенного в Северное Приазовье, всеми жителями Красной Поляны и других греческих сёл устойчиво связывается с географическим апеллятивом *оба́* ‘холм, курган’, и всё название этимологизируется как ‘чёрная могила’. При этом необъяснённым остаётся звук *к* между прилагательными *кара* ‘чёрная’ и *оба*. На самом деле определяемой частью крымского оронима является тюркский географический термин *кона* ‘пещера’. Общее значение ойконима отразило не географическую реалию в приазовской степи, а одну из особенностей местности вблизи крымского селения.

В 1948 г. село утратило своё историческое имя и получило искусственное идеологическое название *Красная Поляна*, в котором прилагательное *красная* изначально имело значение ‘революционная, советская’ (ср. другие населённые пункты Донецкой области с этим определением: г. *Красный Лиман*; с. *Красное*, до 1927 г. – Солнцево и др.), а географический термин *поляна* указывал на расположение села на ровной открытой местности. Этот термин вошёл и в состав названия другого села этого же района – *Ясная Поляна* (восточнее Великой Новосёлки), которое могло стимулировать вы-

бор его для нового ойконима *Красная Поляна*. На севере Великоновоселковского р-на термин *поляна* зафиксирован и в другом описательном топониме *Крымская Поляна*. Такое название имели село, хутор и находившаяся рядом пустошь на двух земельных планах 1890 г., хранящихся в Донецком областном архиве (фонд 16, ед. хр. 5 и 7). Появление определения *красная* с символическим значением было предопределено тем, что оно и раньше было широко известно в местной топонимии. Из девяти бывших в селе в 1929 г. товариществ по совместной обработке земли (тозов) три имели в своих названиях это определение: *Красный Маяк*, *Красная Заря* и *Красный Партизан*. Последнее название осталось и за одним из организованных в 1930 г. колхозов. В сознании местных жителей символическое значение прилагательного в настоящее время уже погасло. Многие из них значение прилагательного в ойкониме объясняют иначе: в период Великой Отечественной войны у села было кровопролитное сражение, что получило отражение и в стихах уроженца села В.Зепира: «Шёл за Поляну бой, Ожесточённый бой. Немало жизней он унёс с собой. В сердцах рубцом десятилетия пролегли. Поляну люди Красной называли».

Название жителей (катоиконим): *полянец*. В речи старожиллов употребляются и такие наименования: *каракубцы*, *будёновцы* (в 30-е годы в селе был колхоз им. Будённого; *Будёновкой* именуется и одна из частей села); *ворошиловцы* (был колхоз им. Ворошилова); *тельманцы* (по названию колхоза имени Тельмана).

«КРАСНЫЕ» ТОПОНИМЫ. Рассмотрение топонимов этого типа начинается с названия *Красный Лиман*. Этот районный центр на севере Донецкой обл. до 1938 г. назывался просто *Лиман*. Имя своё он получил от озера *Лиман*, на берегу которого возник в XVII в. Основали слободу *Лиман* выходцы из городка *Маяк* (он именовался *Маяцкий город*, *Маяки*) на правом берегу Северского Донца, где в старину был перевоз через реку.

По аналогии с топонимом *Красный Лиман* создан целый ряд географических названий Донбасса, содержащих прилагательное *красный*: *Красная Поляна*, *Красногоровка*, *Красноторка*, *Красный Профинтерн*, *Красный Октябрь*, *Красная Гора*, *Красное*, *Красный Пахарь*, *Краснодар*, *Краснополье*, *Красная Заря*, *Красная Роза*. В некоторых из них прилагательное *красный* когда-то обозначало

цвет: *Красная Гора, Красногоровка, река Красная* – левый приток Северского Донца на Луганщине, берега которой местами сложены из глины красноватого цвета; у других это слово выступало со значением «красивый», «лучший», например, *Красный Кут, Краснополье* (из более ранней формы *Красное Поле*); в третьих оно появилось после Великой Октябрьской социалистической революции для выражения понятия «советский, революционный».

В годы Советской власти, особенно в первые десятилетия после Октября, таких названий на карте нашей Родины появилось много. Процесс «идеологизации» названий населённых мест не обошёл и топонимию Донбасса.

Так, с. Елено-Катериновка в 1919 г. было переименовано в *Красное* (с 1965 г. – *Новоторецкое* Добропольского района). В 1929 г. в с. *Маяки* (Славянский район) был создан колхоз «Красные Маяки». В названии с. *Красная Роза* определение выполняет такую же идеологическую функцию, т.е. относится не к названию цветка, а к имени революционерки Розы Люксембург. Прилагательное в топониме *Красный Лиман* выступало именно с таким символическим значением «революционный», как и в подобном ему названии города *Красный Луч* на Луганщине (до 1929 г. – *Криндачевка*).

Есть примеры, когда слово *красный* в этом значении в старом названии вытесняет какую-то его часть, ставшую нежелательной, вызывающую к себе отрицательное отношение. Это произошло с названием посёлка *Екатеринодон* (в честь Екатерины II), переименованном в 1922 г. в *Краснодон*. Имя посёлка затем повторилось и в названии шахты №1 «Краснодон» на бывшем Сорокинском руднике (в 30-е годы в г. Сорокино, расположенном рядом с посёлком Краснодон, был и трест «Краснодонуголь»). Наименование шахты легло в основу нового названия города Сорокино, тоже ставшего в 1938 г. *Краснодоном*.

КРАСНЫЙ ГОРОДОК. Название восточной части Кировского р-на Донецка. Своё имя получил по нескольким домам, покрытым красной черепицей.

КРАСНЫЙ ЛИМАН – город, районный центр Донецкой области, до 1938 г. – посёлок **Лиман**. Жителей города называют *краснолиманцами*, но чаще – *лиманцами*. Неофициально город делится

на шесть частей (*кутков*) с названиями *Треугольник*, *Центральный*, *Южный*, *Заводской*, *Северный* и *Масляковка*. В Кировском р-не города находятся истоки реки *Нетриус*, одного из притоков Северского Донца (см. словарную статью **Нетриус**). Из местных топонимов можно ещё назвать озёра *Масляковское*, *Дегтярное*, *Круглое*, *Белое*, *Поперечное* и *Чернецкое*, а также небольшой полуостров с уникальным названием *Аппендицит*.

КРЕМЛЬ. Словообразовательный вариант названия улицы *Кремлёвской* в г. Макеевке, Донецкой области. *Сначала за Татьяной на Кремль заедем, а потом только за вами. Детство моё на Кремле прошло* (запись 2004, 2007 гг.). Жаргонный годоним образовался способом редеривации (обратного словообразования), но его можно рассматривать и как усечённое слово. Этот способ образования новых слов широко используется в современном молодёжном сленге (ср. *стип* ‘стипендия’, *реп* ‘репетитор’, *Савел* ‘Савеловский вокзал’ и мн. др.). См. также *Капуста*.

КРУ́ПА. Распространённое в жаргоне студентов Донецка название Областной научной библиотека им. Н.К.Крупской. Стяженный эргоним, образовавшийся вследствие лексикализации его меморативного компонента, испытавшего, в свою очередь, усечение основы и получившего в качестве словообразующего форманта флексию *-а*. *Я вчера весь день просидела в Кру́пе; Выходишь у Кру́пы и идёшь направо* (запись 2006 г.). См. также *Арджо*.

КРУПЧА́ТКА ХУЛА́Х. Балка, л.п. Мокрой Волновахи ниже впадения в неё Сухой Волновахи. На «Плане земель селений Бешева, Стылы и Большой Каракубы Бешевской и Игнатьевской волостей Мариупольского уезда Екатеринославской губернии», составленном в 1875 году и хранящемся в Донецком городском архиве (фонд 156, единица хранения 23). Русско-урумский гибридный топоним изафетного типа, в котором *крупчатка* – ‘небольшое предприятие, вырабатывающее крупу’ в роли определения по отношению к урумскому географическому термину *хула́х* ‘овраг’. Возле оврага была мельница для выделки *крупчатки* – высшего сорта белой пшеничной крупки – измельчённого зерна, очищенного от шелухи.

КРЫ́НКА. По разному начинаются реки. Одни образуются высоко в горах от таяния снегов, другие – в болотах и торфяниках, а есть и такие, началом которых служит малопривлекательный родничок в степи. Постепенно набирают они силу, принимая на своём пути множество больших и малых притоков, но память об оставленном далеко позади истоке бережно хранят в своих именах.

Такой рекой на востоке нашей области является *Крынка*, правый приток Миуса. В её названии отразилось забытое уже нарицательное существительное *крынка*, являющееся словообразовательным вариантом широко известного слова *криница* (в украинском языке – *криниця*). Эти формы отличаются друг от друга только суффиксами *-ка* и *-ица*, присоединёнными к общему корню. Среди украинских названий рек и мокрых балок есть и такие, в которых тот же корень распространён и другими суффиксами: *Крынуша*, *Крынувата*, *Кринкувата* и т.д. Немало притоков носят названия *Криница* и *Криничка*.

Название нашей Крынки возникли в её верховье, а затем постепенно распространилось на всю речку. Дело в том, что происхождение многих речных имён нередко носит «очаговый» характер. Имя возникало на каком-то совершенно определённом и ограниченном участке речного бассейна и отражало какую-то его географическую особенность, а потом уже охватывало весь бассейн. Иногда таких «очагов» было несколько, и река на разных своих участках имела неодинаковые названия, одно из которых впоследствии вытесняло остальные и становилось единственным. Ограничусь единственным примером из приазовской топонимии. В верховье реки Берды, впадающей в Азовское море, есть балка Грузкая, или Большая Грузенькая, различные части которой у местных жителей назывались по-разному: та, которая ближе к верховью – Безымянкой, а которая пониже – Буркункой (вероятно, за шум воды в ней). Интересно, что название *Криница* (записанное латинскими буквами), носили, судя по карте Южной России Менгдена и Брюса, составленной в 1699 году, и правый отрог Саур-Могильской балки (на карте – реки Могилы). Слово *криница*, так же, как и его словообразовательный вариант *крынка*, в XVI-XVIII вв. относилось не только к роднику, источнику, но обозначало также и вытекающий из него ручей. Одна из таких Криниц протяжённостью в 27 километров и с площадью бассейна 267 километров была в 30-е годы нашего века и среди притоков Чёрной Калитвы, правого притока Дона.

Сейчас Крынка считается правым притоком Миуса. Но на ряде карт XVIII в. она показана как главная река, впадающая в Азовское море, с основным левым притоком – Миусом. Первые такое изображение Крынки мы находим на рукописной «Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова» 1743 года, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве.

В разных рукописных и печатных источниках XVII-XIX вв. река именуется по-разному: *Крынка, Крынки, Крымка, Кримка, Кремки, Кринка Великая, Кринская*. Всё это варианты названия Крынка, которое чаще других употреблялось раньше и господствует в устной речи населения Донбасса в наши дни. Есть основания полагать, что в XVII в. река Крынка называлась ещё *Чёрным Миусом*. В «Записках Желябужского», изданных в 1840 г. в Петербурге, содержится сообщение, датированное 1696 годом, о том, что «хан крымский, будучи на Чёрных Миусах... с тех урочищ с Чёрных Миусов возвратился к себе в Перекоп». В тюркских языках слово *кара́* имеет несколько значений, среди которых распространёнными являются ‘чёрный’ и ‘земля’. Поэтому частое в тюркской топонимии словосочетание *кара су* осмысливалось не только как ‘чёрная вода’, но и ‘вода из земли’, т.е. ручей или речка, вытекающие из родника. По словам академика А.Н.Кононова, постоянный признак рек этого типа – прозрачность воды. Происхождение славянского названия реки Крынки даёт нам ключ к разгадке загадочного топонима *Чёрные Миусы*. Первая его часть представляет собой неточный, буквальный перевод тюркского определения *кара́*. Предполагаемый тюркский гидроним *Карá Миус* имел значение не ‘чёрный Миус’, а ‘Миус, получающий питание из земли, из родника, криницы, крынки’. Крымские татары так, видимо, различали в старину названия современного Миуса и его правого притока – Крынки. *Чёрные Миусы* – это Крынка со своими многочисленными притоками.

Жители населённых пунктов, расположенных вблизи Крынки, теперь уже никак не связывают её имя со словом *криница*, так как давно вышел из употребления старый вариант этого слова – *крынка*. Известен теперь лишь его омоним *кринка, крынка*, обозначающий глиняный горшок, сосуд для молока. С ним то ошибочно и сблизжают название речки, рассказывая о том, что глина с речных берегов использовалась будто бы когда-то в гончарном деле для изготовле-

ния крынок. А отсюда, мол, и речку стали именовать *Кринкой* или *Крынкой*. Это наивное объяснение, как видим, ничего общего не имеет с истинным происхождением гидронима.

КСЭНИТА ТАРАМА́. Балка, л.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса на «Плане земель домохозяев Больше-Каракубского сельского общества Бешевской волости Мариупольского уезда Екатеринославской губернии», составленном в 1910 году (Донецкий городской архив, фонд 156, единица хранения 19). Сейчас – село Петровское Волновахского района. Один из информантов (житель Стылы) сообщил, что *Ксинитава* – «это фамилия». Румейско-урумский гибрид: рум. *ксéнос* ‘чужой’, урум. *тарамá* ‘балка’, конечное *-та* – остаток румейского определённого артикля. В поминальных списках «мариупольских» (приазовских) греков, в ревизских сказках XIX века зафиксировано мужское имя *Ксенита*, поэтому значение топонима могло быть ‘балка Ксениты’.

КУ́БА – неофициальное село в Александровском районе. Его происхождение: здешний бригадир был очень похож на Фиделя Кастро.

КУВА́Л ЧОХРА́Х. Криница в посёлке Старобешево (запись 1969 г.). Урумский топонимический изафет: прозвище местного жителя *Кувал* выступает в роли определения по отношению к географическому термину *чохрах* ‘родник, криница’. Родник находился у дома *Кувала*, в основе прозвища которого лежит апеллатив *кавал* ‘дудка, сопилка’. Его обладатель, вероятно, изготавливал этот народный музыкальный инструмент или играл на нём. Кавал делали из бузины, поэтому крымские татары называли её *кавал агач* (*агач* – ‘дерево’).

КУКО́С ТАРАМА́. Балка, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса недалеко от села Николаевки Волновахского района (запись 1973 г.). Гибридный румейско-урумский топоним изафетного типа: антропоним *Кукóс* (от румейского *кукóс*, сравните новогреч. *κῆυκκoς* ‘кукушка; одинокий человек; простак’), урумский географический термин *тарамá* ‘балка’, определяемый существительным *Кукóс*, т.е. ‘балка Кукóса, Кукóсова балка’. В антропонимиконе современных приазовских зафиксирована фамилия *Кукоз*.

КУНЖИ́. Балка, л.п. Кальца, п.п. Кальчика, недалеко от впадения его в Кальмиус. Вариант: *Кунжу́*. Эта балка находится вблизи посёлка Володарского, районного центра. Её название представляет собой топонимизированную урумскую фамилию *Куинджі́*, *Куинжі́*, в живой разговорной речи фонетически изменившуюся в *Кунжі́*, *Кунжу́*, которая вначале выполняла роль определения перед утраченным географическим термином *тарамá* ‘балка’ (*Куинджи тарамá ‘балка Куинджи’). Сама же фамилия *Куинджі́* этимологизируется на основе румейского апеллятива *куинджіс* ‘золотых и серебряных дел мастер, ювелир Ср. также урум. *куом* ‘золотые украшения’. По мнению Б.О.Унбегауна, видевшего в её основе тур. *куумджу́* / *куйунджу́*, «изменённое окончание и передвинутое ударение придают этой фамилии итальянское звучание»¹. Старое окончание турецкого апеллятива сохранилось в варианте *кунжу́* (1904 г.). Менее вероятно: *Кунжу* – отпрозвищный топоним, в основе которого апеллятив, присутствующий в крымскотатарском языке: *куньджю* ‘завистливый’, ‘ревнивый’.

Л

ЛЁНКА. Площадь имени В.И.Ленина в Донецке. Сленговый агороним, образованный на базе меморативного компонента полного официального названия, площади путём усечения с последующей суффиксацией: (имени) **Лен(ина) + ка**. Такой же сленгоним зафиксирован и в России: **Ленка** – 1) площадь им. Ленина в Пскове; 2) областная библиотека имени В.И.Ленина в этом же городе (с вариантом **Ленинка**, регулярно образованным опонима). Ср. **Кру́па** – сленговое название Областной научной библиотеки имени Н.К.Крупской в Донецке.

ЛЁНЯ КАМЕННЫЙ. Памятник В.И.Ленину в Донецке. Сленгоним – результат каламбура: **Ленин – Лёня** (от **Леонид**). Высокий шпиль (стела) возле памятника в 80-90-е годы прошлого века имел сленговое название **Мечта импотента**. Любопытная параллель: такое же шутливо-ироничное название имеет Мемориальная стела и в г. Пскове.

---

¹ Б.О.Унбегаун. Русские фамилии. – М., 1989. – С.294.

ЛІВЕНКА. Неофициальное название части Ленинского района Донецка, из более раннего *Ливенский посёлок* (в речи «заводских жителей» – *Новый Свет*). Этот посёлок появился на северной окраине старой Юзовки. От фамилии князя Ливена, чьи земли были арендованы Д.Юзом для строительства и эксплуатации угольных шахт

ЛІВЕР. Сленговый вариант ойкодомонима – названия гостинично-развлекательного комплекса в Донецке. Образован усечением его полного имени – «Ливерпуль». Экспрессию усиливает возникшее совпадение с апеллятивом *лівер* ‘употребляемые в пищу внутренности убойных животных’.

ЛІДИЕВКА. Название северной части Кировского р-на Донецка. Топоним образован по имени шахты №2-7 «Лидиевка», бывшего Лидиевского рудника, от имени дочери владельца рудника. Вариант названия – *шахта 2-7* связан с разработкой 2-го и 7-го стволов шахты.

ЛУХТУРЬ ПИГАС. Балка и криница в ней восточнее села Красная Поляна Великоновоселковского района (запись 1970 г.). Румейский гидроним, состоящий из прозвища *Лухтур* (от апеллятива *лухтор* ‘петух’) и определяемого им географического термина *пигас* ‘родник, криница’.

М

МАЙ ТУГАЙ. Самый плодородный участок земли возле Великой Новосёловки (запись 1973 г.). Урумский микропоним изафетного типа, первая часть которого – существительное, *май* ‘жир, масло’ (здесь – ‘тучный’, ‘плодородный’), вторая – *тугай* ‘пойменный луг’.

МАЙКА. Название уже поглощённого городом Донецком посёлка вокруг шахты «1 Мая» (в жаргоне шахтёров – «Майка»). Онимный жаргонизм *Майка* в современной речи функционирует в трёх ипостасях – эргонима (шахта «Майка»), ойконима (пришахтный посёлок «Майка»), внутригородской хороним (часть территории Донецка). *Майкой* именуют также крытый рынок и пространст-

во вокруг него в Будёновском районе города, где до 1992 г. был торговый комплекс «Майский».

МАКАРО́НКА. Неофициальное название северной части Калининского района Донецка, где расположена макаронная фабрика – *макаронка*.

МАКЕ́ЕВКА. В названиях населённых мест очень часто находят отражение личные имена, фамилии и прозвища людей, каким-то образом причастных к возникновению того или иного села, хутора, слободы. Нередко антропонимная первооснова такого названия хорошо осознаётся и сейчас (Андреевка, Еленовка, Марьинка), но можно привести немало примеров и полного забвения былой связи с антропонимами (например, Моспино, Ханжёнково, Пилигрымы, Шнурки). Тем более, если это личное имя, перешедшее в разряд малоупотребительных устарелых антропонимов.

Таким географическим названием является *Макеевка*. Сохранилось предание, что в этой местности в конце XVII века была заимка запорожского казака по имени Мокей. Позже, в 80-е годы XVIII века, здесь возникает слобода, основателем которой был крупный землевладелец, кавалерийский генерал Дмитрий Иловайский, с фамилией которого связано и название города Иловайска. Имя Иловайского послужит и основой для названия посёлка Дмитриевка, появившегося позже недалеко от слободы. Сейчас редко кто из родителей нарекает своих детей именем *Мокей*, а в старину, когда имена давались по святцам, оно было привычным, употребляясь в двух формах: разговорной *Мокéй* (с ударением на последнем слоге) и книжной, канонической – *Мóкий*, с ударением на первом слоге (от греческого *мо́кос* – ‘насмешник’). В памятниках старорусской письменности нередко упоминаются крестьяне, стрельцы, стряпчие с именем *Мокей* или с принятым тогда отчеством без суффикса *-вич* – *Мокеев*. В «Летописном сказании Петра Золотарёва» (XVII в.) говорится, например, о «попе *Мокее*» из Астрахани, тогда как в другом памятнике данного периода – «Мазуринском летописце» упомянут его тёзка – святой мученик *Мокий*, имя которого, естественно, употреблено в канонической форме.

Слобода *Макеевская*, или *Макеевка* (появление звука «а» вместо первоначального «о» вызвано «аканьем» в разговорной русской

речи), в конце XIX века даёт название волости и Макеевскому горному району, центром которого в 20-е годы прошлого века становится город *Дмитриевск*, в состав которого вошли старая слобода и возникший в 1892 году рабочий посёлок с таким же, как у города, именем. Расхождение в названиях района и его административного центра создавало известные неудобства. Поэтому, ориентируясь на название района, город в 1931 году переименовали в *Макеевку*. Память о былом делении Макеевки на две части ещё долгое время сохранялась в названии старого *Дмитриевского базара*.

Таким образом, топоним *Макеевка* с точки зрения своего состава походит на целый ряд других наименований населённых пунктов, основой которой служат уже забытые личные имена. Например, названию села в бывшем Павлоградском уезде Екатеринославской губернии *Сосипатровка* (от личного имени *Сосипатр*). К искажённой форме неупотребительного сейчас имени Леандр – *Лекандр* восходит, очевидно, и название балки *Лекандриной* на южной границе Хомутовской степи в Новоазовском районе нашей области.

Но бывает и так, что устаревает не само имя, а какие-то производные от него формы, какие-то его варианты. И если они вошли в топоним, то такое географическое имя кажется нам сейчас неясным. Так, мужское имя *Зиновий* в старину имело производную форму *Зинец* (сравните другие его разговорные варианты – *Зинь*, *Зинько*, *Зинко*), которая и отразилась в названии *Зинцовой* (*Зенцовой*) балки, впадающей в Азовское море в пределах города Мариуполя, западнее устья Кальмиуса. Другая *Зенцова* балка была среди притоков Миусского лимана, как об этом свидетельствует военно-топографическая карта бывшей Земли Войска Донского, изданная в 1853 г.

Таким образом, вслушиваясь в звучание географических имён нашего края, мы можем узнать в них отзвук давно забытых имён наших предков, оставивших свои автографы в книге земли Донецкой.

МАНТА́ ДАГ. Балка, л.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса вблизи села Староигнатьевка, Тельмановского р-на. Возле неё – роща *Мантá Даг*). В современной топонимии приазовских греков название употребляется в двух состояниях – как именование лесного участка, рощи (дримоним) и в качестве вторичного – перенесенного имени

балки (ороним). Топоним представляет собой определительное словосочетание изафетного типа, состоящее из двух неизменных существительных. Первое (определяющее) – апеллятив *манта́* ‘белая фиалка’, второе (определяемое) – урумский географический термин *даг* ‘лес’, ‘роща’, т.е. *Манта Даг* – это ‘лес, где растут (или собирают) белые фиалки’.

МАРИУПОЛЬ, -я, м. Город на юге Донецкой области, при впадении р. Кальмиус в Азовское море. Зафиксированные варианты названия: *Мариáмполь*, *Мариáнполь*, *Мариóпул*, *Марно́поль* (*Марно́пиль*), *Марнопо́лье* (*Марнопíлля*), *Мару́поль*; *Шеёр*; *Жда́нов*. В украинских изданиях конца 20-х – начала 30-х годов прошлого века, а также в изданиях украинской диаспоры – *Мариупіль*.

Поселение с таким названием появляется на месте старого запорожского займища Домаха (Адамаха), центра Кальмиусской паланки запорожцев. Оно было, очевидно, историческим центром укрепленного поселения запорожцев в устье реки Кальмиус, имевшего такое же, как и река, название (контактный перенос географического имени без его структурного изменения). Крепость *Кальмиус* в качестве административного центра Кальмиусской паланки низового Войска Запорожского отмечается во многих источниках XVI-XVIII вв. После ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи городок вошёл в состав Азовской губернии, а прилегающая к нему местность азовским губернатором В.А.Чертковым была поименована Кальмиусским уездом. Сюда весной и летом 1780 г. из Самарской паланки были переведены крымские христиане, преимущественно греки, которым вначале было предписано поселиться на р. Волчьей вблизи нынешнего Павлограда (Днепропетровская обл.) и где они некоторое время уже прожили. Население Мариуполя конца XVIII в. составляли выходцы из многих селений Крыма (по ведомости А.В.Суворова, руководившего переселением «мариупольских греков», – из 68 населённых мест): Бахчисарая, Феодосии (Кафы), Карасубазара, Евпатории (или Гезлеве, Гёзлёв, в русской передаче XVII-XVIII вв. – Козлов), Балаклавы, Старого Крыма (Эски-Крым) и Бельбека.

Важную роль в основании селения сыграли переселенцы из Бахчисарая, разные части которого имели названия: *Мариамполь*, *Калé* (или *Чуфут-Кале*; среди жителей было много караимов), т.е.

«крепость», и *Маурум* (*Мариам*, *Маурум*). В селении Майрум был скальный монастырь Успения Божьей Матери, где хранилась икона Девы Марии, впоследствии перевезенная греками в Мариуполь. Вначале на новом месте, ограниченном морским побережьем, Кальмиусом и нижней частью его правого притока Кальчика (Кальца) появилось несколько самостоятельных, но связанных между собой населённых пунктов. Названия некоторых из них повторили имена кварталов столицы Крымского ханства: *Бахчисарай* и *Мариуполь*. Со временем все эти селения слились в одно с общим названием *Мариуполь*.

Основу населения собственно Мариуполя, главной части будущего города, составили жители бахчисарайского *Мариамполя* и *Кале*. Примечательно, что ещё в конце XIX в. жителей этого района приазовского Мариуполя в близлежащих греческих сёлах называли *халелилер* (*халели*, *калеиль*, *калеси*), т.е. «жители Кале», тогда как переселенцев из Феодосии, поселившихся немного севернее, именовали *кефели* «феодосийцы» (от *Кефе* ← *Кафа*, средневекового генуэзского названия Феодосии). В прозвании *халели*, *халелилер* запечатлелся свойственный урумскому, а также южнобережным говорам крымскотатарского языка переход *к* в *х*.

Приазовский *Бахчисарай* располагался по правому берегу Кальца (Кальчика). Между ним и Мариуполем в конце XVIII в. существовало ещё несколько греческих поселений: севернее Мариуполя, расположившегося на морском побережье западнее *Домахи*, вдоль правого берега Кальмиуса до устья Кальчика – *Гезеле*, *Карасу-Базар*, а южнее Бахчисаря – *Марьинск*.

Различие между исконным – крымским, или бахчисарайским, названием *Мариамполь* и новым приазовским – *Мариуполь* только фонетического характера. Первая часть сложного топонима *Мариамполь* связана с библейским женским именем *Мариам*, почитаемым у румеев и урумов, исповедующих православие. Это имя Богоматери, девы Марии (арамейск. *Marjam* → греч. *Mariam* → *María*). Вторая его часть – топоформант *-поль*, свойственный названиям селений городского типа (от греч. *polis* «город»). Ещё в XIX в. была выдвинута гипотеза об исконном значении крымского названия *Мариамполь* – «город Марии», данном поселению «по имени чудотворной иконы Божьей Матери». Перед нами характерный для этого времени ойконим, образованный от агиниона (имени святого).

Возражение вызывает только объяснение звукосочетания – *ам-* и татарского *ана* «мать». Это звукосочетание входит в состав самого агионима. Высказывалось также предположение, что в честь чудотворной иконы Одигитрии Божьей Матери были названы не только район Бахчисарая в Крыму (‘обитель божьей матери – Марии’), но и город на берегу Азовского моря. Эту икону, как святыню, греки привезли с собой из Бахчисарая. То есть топоним этот якобы не был перенесенным, а повторно возник в Приазовье. Учитывая общую тенденцию наименования приазовскими греками новых селений в память об оставленных в Крыму (ср. *Ялта, Урзуф, Бахчисарай, Стила* и др.), это предположение представляется нам не убедительным.

Будучи перенесенным в Приазовье, данное название подпало под влияние других топонимов на *-поль*, искусственно создаваемых в екатерининскую эпоху, в период «греческой моды» в русской топонимии и утверждавшихся правительственными декретами в целях именования появляющихся в 70-90-е годы городов: *Симферополь, Севастополь, Ставрополь, Мелитополь, Овидиополь, Григориополь*. В результате такого сближения с ними в разговорной речи смешанного населения Северного Приазовья, вероятно, возникла форма с типичным для таких названий ударным *о* – **Марио́мполь*. Кроме того, для самих греков авторитетным образцом могло послужить и ударение в топониме *Константино́поль*. Очень рано в живой речи появляется форма *Мариу́поль*, отражающая переход *о*→*у* под влиянием следующей группы губных согласных с дальнейшим упрощением *мп*→*п*. Форму *Мариуполь* мы находим уже в ордере князя Потёмкина генерал-поручику Черткову от 29 сентября 1779 г., где определяется территория поселения приазовских греков, составляющая с этого года *Мариупольский уезд*, а также в указе Азовской канцелярии греческому и армянскому обществам от 24 марта 1780 г. (№1817). Огубленность *а* под влиянием соседнего губного согласного довольно часто отмечается в разных тюркских языках (а значительную часть приазовских греков составляли тюркоязычные урумы). Воздействие по аналогии со стороны сложных ойконимов типа *Константинополь* привело к появлению искажённой формы *Мариопул* (в результате перестановки звуков *у* и *о*) на рукописной «Генеральной карте земель близ Таганрога, Новочеркаска, Мариуполя и Бахмута».

О происхождении топонима *Мариуполь* высказался А.А. Белецкий (в газете «Логос», №19(34) 1992 г.). Это, по его словам, «старинное с точки зрения греческой морфологии название имеет нетипичный характер, так как образовано от женского имени: «Город Марии», т.е. Богородицы – Девы Марии должен был бы называться Мариуполис». Однако, по мнению учёного, ойконим испытал влияние названия городов типа Константинополь, Адрианполь. «Название Марианполь крымские греки принесли с собой на берег Азовского моря, где был основан город с названием Мариуполь». О том, как появилась современная форма Мариуполь, он говорит уклончиво: «Не будем уточнять, как именно и когда Марианполь стал Мариуполем: для этого нет точных данных». Автор не учёл того, что в образовании ойконима мог участвовать вариант женского имени *Мариам*. Объяснение формы со срединным *-н-* – *Марианполь* влиянием названий Адрианполь и Константинополь малоубедительно. Этот вариант ойконима зафиксирован в тексте «жалованной грамоты христианам греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение» от 21 мая 1779 г., подписанной Екатериной II (подлинная грамота хранится в Мариупольском краеведческом музее, дело №3471). Известен вариант *Мариенполь*, но в нём согласный *-н-* иного происхождения.

Для украинского и русского населения Северного Приазовья ойконим *Мариуполь* из-за неясности лексического значения, словообразовательного состава и внутреннего зияния (соседства двух гласных) в XIX в. для многих был немотивированным и неудобопроизносимым именем. Попытки как-то переосмыслить его путём сближения с «понятными» словами, приспособить к звуковому строю славянской речи привели к появлению вариантов *Мару́поль* (с устранением зияния), *Марно́поль* / *Марна́поль*, *Марно́полье* (укр. *Марно́піль*, *Марнопільля*). В последних двух отразилось сближение с основой общеупотребительных украинских слов *марний*, *марно* и т.д., а также включение в ряд чисто славянских топонимических композитов типа *Красно́полье*, *Краснопільля*, где *-пільля* // *-пóлье* – от существительного *поле*. Ср. аналогичного происхождения компоненты *-полье* и *-поль* (из *поле*) в сложных названиях селений бывших Екатеринославской и Херсонской губерний: *Сосипатро́полье* – от *Сосипатрово поле*, *Хрисанфо́поль* – из *Хрисанфополе*; *Юзефо́поль*, *Митро́полье* (*Дмитро́полье*), *Ольго́поль* и др. Фор-

ма *Марно́поль* была записана в прошлом веке в речи народного певца-бандуриста Остапа Вересая (Казацкая дума о трёх азовских братьях. Одесса, 1884, 12), её употребляет в своём письме редактору журнала «Основа» его читатель В.Кулик (СПб. 1861, №9, 177; заметка «Дещо з Полтавы»). На неё, наряду с *Марнополье*, указывают, как на употребительную в речи чумаков и вообще украинцев, составители книги «Мариуполь и его окрестности». К.Паустовский в одном из очерков цикла «Приазовье» (1924 г.) приводит народно-разговорную форму *Мару́поль*, которая, кстати, сохраняется и сейчас: «Мариуполь – это для непосвящённых, для «иногородних». Туземцы же, весёлые и голосистые, упрямо называют этот город – степной базар «Маруполем». В прошлом веке тюркоязычные греки именовали его *Шеёр* – «город». Это неофициальное название пержиточно сохранялось в речи старшего поколения урумов вплоть до нашего времени (оно, например, было записано нами в пос. Старобешево в начале 60-х годов). В этом городе регулярно проводились ярмарки, и он воспринимался греками как главный торговый и административный центр заселённого ими пространства. Устаревший вариант названия Мариуполя – *Шеер*, благодаря трансонимизации, отразился и в прозвище современного грека – *Саика Шеер* (запись 2001 г.). В 1948 г. город получил название *Жданов* в память о А.Жданове, в нём родившемся, но как название железнодорожной станции историческое имя *Мариуполь* было сохранено. В 1990 г. городу было возвращено его исконное название.

Переселенческими волнами топоним *Мариуполь* был перенесен под Харьков, где в начале XX в. существовала деревня *Мариуполь*. Топоним *Мариуполь* отразился также в русской антропонимии. Прозвище *Реуполь* (из *Мариуполь*) записано и в селе Монаково Навашинского района Нижегородской области. Это связано с существовавшим (и, вероятно, ещё существующим) в русской антропонимной номинации обычаем именовать людей по месту их постоянного или временного проживания в том или ином населённом пункте или какой-то другой местности. Сравните, например, коллективные или индивидуальные прозвища, приведённые А.О.Подвысоцким в его словаре архангельского наречия: *Петенбу́р*, или *Питербу́р* (мн. ч *Петенбура́*, *Питенбура́*) – о крестьянах, живущих или живших в Петербурге на заработках; *Труфаногóра*, мн. ч. – ‘жители деревни Труфаногорской в бывшем Пинежском уезде’

(о них поговорка: «Труфаногора – пьяницы»); *Усть-Цилёмы* – ‘жители села Усть-Цильмы’ в Запечорском крае; *Хаврогóры* – ‘жители деревни Хаврогорской’ в Холмогорском уезде, при Северной Двине.

Подробного анализа требует версия, согласно которой *Мариуполь* назван в честь Марии Фёдоровны, жены Павла, бывшего в то время наследником российского престола. Её выдвигали Б.Унбегаун и М.Фасмер, поддержал В.А.Никонов. Однако она не учитывает всех обстоятельств возникновения самого селения и его названия. Расселение выходцев из Крыма вначале планировалось на землях бывшей Самарской паланки запорожцев. Здесь, недалеко от нынешнего Павлограда (Днепропетр. обл.), они прожили два года после того, как покинули Крым, и на новое место на земли бывшей Кальмиусской паланки (преобразованные на короткое время в Кальмиусский уезд) перешли только весной и летом 1780 г. До их прихода на морское побережья азовским губернатором Чертковым в 1778 г. в честь наследника престола был основан уездный город *Павловск*, в полукилометре западнее Домахи (Адамахи), или Кальмиусской слободы с 75 её жителями. Сейчас это территория Мариуполя между заводом «Азовсталь» и железнодорожным вокзалом. В устье реки Солёной, или Кальца (оба эти названия современного Кальчика находим в указе из Азовской губернской канцелярии от 24 марта 1780 г.: «при устье реки Солёной, называемой и Калецом, впадающей в речку Кальмиус»), им же был основан в честь жены Павла – Марии Фёдоровны «город *Мариенполь*». Таким образом, на землях Кальмиусской паланки верноподданнически были запечатлены имена будущих монархов в качестве «топонимического подарка» Екатерине II, что соответствовало и духу тогдашней топонимической моды. В этом же году на землях бывшей Самарской паланки на берегу притока Самары – реки Волчьей одно из новых военных поселений получает в честь наследника престола название *Павлоград* (сейчас районный центр Днепропетр. обл.). На севере бывшего Екатеринославского наместничества в 1782 г. основывается город *Константиноград* (сейчас Красноград Харьковской обл.), названный так в честь внука Екатерины II и сына Павла. Вышеупомянутым указом от 24 марта 1780 г. *Павловск* на Кальмиусе и *Мариенполь* в устье Солёной (Кальца) были «переведены один на место другого». Адаптированное в новой лингво-этнической среде

греческое название *Мариуполь* (←*Марианполь*) как бы наложилось на ранее присутствовавший на этой территории и близкий по форме и звучанию искусственный топоним с немецкой антропонимной основой и другим соединительным элементом сложного слова (-н-) – *Мариенполь*. Ойконим-предшественник впоследствии был вытеснен или ассимилировался естественным, популярным у местного населения географическим названием, своими истоками уходящим в крымскую топонимию. Но это гибридное немецко-греческое название, по-видимому, оставило некоторые следы в местной топонимии. Его отголоском могло быть название *Марьинск* (село *Марьино*, *Марьинское село*), относившееся в XIX в. к поселению, которое непосредственно примыкало с юга к Бахчисараю на Кальчике (Кальце). Варианты названия: *Марианполь* и *Марианополь* (см. в тексте указа Екатерины II о правах греков-поселенцев от 21 мая 1799 г.) могли появиться благодаря взаимодействию народно-разговорного, крымского по происхождению отагионимного топонима *Мариамполь* (названия части Бахчисарая) и недолговечного искусственного ойконима с немецкой антропонимной основой *Мариенполь*. По свидетельству авторов книги «Мариуполь и его окрестности» (Мариуполь, 1892 г.), *Мариенпольский уезд* уже значится в документах 1776 г., т.е. на следующий год после ликвидации Запорожской сечи и за несколько лет до прибытия на земли бывшей Кальмиусской паланки крымских христиан. Здесь же имеется сообщение, основанное, по-видимому, на местной легенде, что форма *Мариуполь* была высочайше утверждена «под непосредственным влиянием князя Потёмкина, который действовал в данном случае по просьбе и участию митрополита Игнатия». Эта сохранившаяся до нашего времени официальная форма названия города появилась на плане земель, подписанном 20 октября 1779 г. (с дефисным написанием: *Мариуполь*). Попала она в текст указа из Азовской канцелярии от 24 марта 1780 г., написанного во исполнение указа Екатерины II.

ПРИМЕЧАНИЕ. В своей книге «Мариупольская старина» (М., 1991 г.) краевед Лев Яруцкий предложил читателям оригинальную версию происхождения топонима *Мариуполь*. В нём он обнаружил след якобы существовавшего в глубокой древности слова *мария* со значением ‘превосходство’. Льва Яруцкого не смутило отсутствие этого слова в самых полных на сегодня словарях, как «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского, так и в мно-

готовном академическом «Словаре русского языка XI-XVII вв.». В жалованной грамоте Екатерины II от 21 мая 1779 года речь шла о предоставлении переселенцам из Крыма значительных привилегий, или преимуществ: «жалуя мы торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена для вящей (большей. – *Е.О.*) силы мы собственноручно подписали». «Случайно ли, что митрополит Игнатий именно после указа 21 мая 1779 года, – рассуждает автор книги, – просит Потёмкина и настаивает, чтобы Марианополь (город Божьей матери) переименовали в Мариуполь (город, имеющий преимущество, превосходство)?» Конечно, такую версию не может позволить серьёзный топонимист.

МАЯК САМОТУЖЕН. Курган возле Кленовой (Клиновой) балки, п.п. Ольховой, л.п. Крынки, п.п. Миуса; Шахтёрский р-н. рядом с ним – *Маяк Клиновий*. Определение *самотужен* указывает на то, что курган, входя в систем орографических объектов, служивших степными ориентирами и сигнальными приспособлениями, выполнял эти функции самостоятельно («самотужки»), т.е. сам по себе, без вмешательства человека.

МЕ́ГА СОХА́Х. Румейский годоним (название улицы). Главная улица в селе Чердаклы Володарского района (запись 1964 г.) и главная улица в селе Стыла Старобешевского района (запись 1969 г.). Состоит из прилагательного *мегас* ‘большой, главный’ и определяемого им географического термина *соха́х* ‘улица’.

МЕ́ДНЫЙ ТА́ЗИК. Шутливая переделка в молодёжном жаргоне одного из названий троллейбусно-автобусной остановки в Донецке на площади Коммунаров, возле парка им. Щербакова – *Медный всадник* (от названия магазина и ресторана «Медный всадник», которые когда-то находились рядом с остановкой). Другие названия этой остановки: *Кольцо* (по торговому центру «Золотое кольцо», расположенному рядом) и *Южный* (недалеко от неё Южный автовокзал), *площадь Коммунаров*.

МИУ́С. Река Миус только некоторыми правобережными притоками принадлежит территории Донецкой области. Её название в настоящее время имеет три произносительных варианта: *Ми́ус*,

Миус и *Миос*. Последний из них фиксируется раньше других и бытует главным образом в речи старшего поколения, тогда как формы *Миус* и *Миус* предпочитает молодёжь. Фонетический вариант гидронима *Миос* послужил основой для наивной легенды о происхождении названия реки. Сбежавший из Сечи казак, увидев впервые реку, удивлённо воскликнул: «Оця річка як *мій вус!*».

Судя по имеющемуся в нашем распоряжении материалу, этот гидроним известен в памятниках русской письменности начиная с конца XV в. Ср. в одной из «памятей» великого князя московского «московитину» Мигюре Доманову, едущему к таманскому князю Захарию (Схарию или Скарью), датированной 1489 г.: «А велѣли есмѧ своимъ людемъ ждѧть тебѧ на усть *Миюша* и на Тайгане». Эта форма с конечным шипящим часто встречается в документах конца XV – начала XVI в. в татарских грамотах, посланных из Крыма великому князю московскому, в сообщениях с дороги российских послов и т.д.

В последующие века в документах утверждается и становится, по сути, единственной формой *Миос* (*Миюз*), например: 1) ... И как пришель на *Миюсь* и тут за нимъ прислали ись Крыму... (1556 г.); 2) ...Съ урочища съ *Миюсу* оротились назадъ (1648 г.); 3) ...А шли де они... на *Миюсь*, а на *Миюсе* де стояли двѧ недели (1650 г.); 4) Да мы ж, холопи твои, ходили, государь, войскомъ, на *Миюзь* речку степью коньми и пешие... Последний пример – из «войсковой отписи о благополучном отступлении ратных людей от реки Миюса» (1662 г.).

В одном из документов 1637 г. отмечен редкий вариант – *Минос*: «А качують, государь, своими улусы (речь идёт о ногайцах. – *Е.О.*) по Кальмиюсу да по *Миноюсу*». К редким вариантам гидронима принадлежит форма *Мияс* (*Миас*), которую, в частности, содержит ответ Петра I А.Ю.Кревету от 31 декабря 1697 г. (царь напоминает ему о письме, в котором тот сообщал «о строении гавона (т.е. гавани. – *Е.О.*) и крепостей на *Миясе*) и другие документы. Здесь имел место перенос этой формы в гидронимию Северного Приазовья, обусловленный паронимической близостью приазовского речного имени с известным уральским топонимом *Миас*. Кстати, во всех томах собрания «писем и бумаг» Петра I, кроме единственного упоминания варианта *Мияс*, широко представлена именно форма *Миос* при полном отсутствии современной формы *Миус*, распространяю-

щейся в географической литературе лишь в течение XVIII-XIX вв. (наиболее ранняя фиксация её в нашем материале – 1737 и 1753 гг.). Итак, в течение шести веков форма гидронима была весьма неустойчивой.

В основе названия реки *Миус* (*Миус*) лежит образ угла или рога. Выбор такой метафоры определился характером русла самой реки, которая далеко выгнулась на восток средней частью своего течения. Кроме того, водоток *Миуса* среди равнинной местности слишком извилист, меандры реки нередко принимают весьма прихотливые очертания. Не исключено также, что «углом» вначале могло быть названо урочище между *Миусом* и его крупным правым притоком Крынкой. Название *Миус* в древности носил и современный Кальмиус, имевший аналогичный «угол», образуемый впадающей в него недалеко от устья рекой Кальчиком. Реки с названиями типа *Рог* и *Угол* известны и на славянских, и на неславянских территориях. Яркий пример: правый приток Днепра – р. Орель – в Ипатьевской летописи именуется *Угол* (возможно, вследствие контактного переноса названия местности). Ср. в «Книге Большому Чертежу»: «А в реку Нугрь ниже Болхова 7 версть пала река Могъ, а в Могъ речка *Рогъ*».

Различия в звуковой оболочке названия *Миус*, зафиксированные памятниками, объясняются значительной вариативностью в тюркских наречиях существительных со значениями «рог», «угол», которое перешло в топоним. «Опыт словаря тюркских наречий» В.Радлова содержит более 20 фонетических вариантов этого слова. Точную этническую интерпретацию гидронима в настоящее время осуществить трудно, но ближе всех к форме *Миус* (из *Миус*, *Миюз*) стоят кыпчацкие производные варианты, что заставляет нас создателями данного названия считать или половцев, или крымских татар и ногайцев. Скорее всего форма *Миус* (*Миус*) куманского или средневеково-кыпчацкого происхождения, так как в крымскотатарском языке название рога распространено с огузской фонетической чертой – начальным *б* (*бойнуз*). Некоторые диалекты татарского языка Крыма принадлежали к огузской группе, откуда диалектизм *бойнуз* мог распространиться и на другие говоры.

Однако, языку крымских татар был известен также вариант с начальным *м* и конечным шипящим. В.И.Григорович, посетивший греко-татарские поселения, составил словарь «татов», куда включил

и форму *миуш* «угол» (ср. приведённый выше самый древний вариант гидронима – *Миюш*), которая, в свою очередь, содержит выразительные звуковые следы влияния степных диалектов ногайских татар (ногъайлар), тесно связанных с Крымом, – начальное *м* и неустойчивость конечного сибиллянта (*с/ш*).

Итак, отразившиеся в памятниках колебания в произношении конечных согласных (*Миюс* – *Миюш*, *Миюз* – *Миюзж*) можно объяснить влиянием степных диалектов ногайского языка. Объяснения требует и вокальная часть гидронима *Миюс*. Его слоговая структура: (С + Г) + (С + Г + С), где на месте Г выступают рефлексы общетюркского γ . В первом безударном слоге утратившая мягкость губная передняя фонема *ю* была воспринята славянами как переднеязычный звук *і*, тогда как ударное *ю* в конечном слоге было заменено славянским лабиальным звуком *у*; ср. аналогичную звуковую субституцию в слове *изюм* < тюркск. *üzüm* – ‘виноград’, ‘плоды различных растений’. Допустимо и другое объяснение фонетической оболочки этого гидронима (кстати, влекущее за собой интересный вывод о внутренней форме названия на промежуточной стадии его существования – когда была жива его связь с апеллятивом): *Миюс* < *Миус* < ногайск. *муьйиз* – ‘рог’. Ногайская форма могла подвергнуться метатезам в некоторых диалектах крымскотатарского языка (отсюда появление в них отмеченного В.И.Григоровичем варианта *миуш*) или же сохраниться в них наряду с огузской формой, но с иным семантическим наполнением. Ср. крымск.-тат. *муіса* ‘деревянный хомут для быков’. Метатеза могла произойти и в ногайском языке, когда утратилась смысловая связь гидронима с апеллятивом. Если подтвердится предположение о ногайских истоках данного гидронима, то можно говорить о близости смысловых структур таких названий, как *Миюс* и *Самара*, с одной стороны (из тюрк. *самар*, *семер* ‘мешок’, ‘седло’, ‘ярма’), и славянс. *Хомутец* – с другой (все они этимологизируются на основе скотоводческих терминов, метафорически отражающих изогнутость речных русел).

Вариант *Минюс* из документа 1637 г. представляет собой, по видимому, или результат контаминации огузской (срединное *н*) и кыпчакской форм (начальное *м*), или точное отражение восточнотурецкой диалектной формы *мунуз*. Ведь длительное время на землях, по которым протекает Миус, господствовали турки. Не исключена возможность и более раннего происхождения этой формы. Близкий

восточнотурецкому вариант слова *рог* был известен и в языках других кочевников южных степей, например летописных «чёрных клобуков»: в тексте Ипатьевской летописи (между 1150-1190 гг.) упоминается каракалпакский князёк *Каракось Мнюзовчь*, «отчество» которого содержит нарицательное имя *мнюз* «рог», очевидно, выступившее когда-то как прозвище отца. Однако здесь речь идёт только о фонетической форме нарицательного имени, а не о гидрониме, создателями которого не могли быть «чёрные клобуки», жившие довольно далеко от современного *Миуса* – северо-западнее степняков-половцев, почти у Киева.

Всё сказанное свидетельствует о том, что сейчас трудно определить прямое родство гидронима *Миус*. В его становлении участвовали многие тюркские народы, в разное время населявшие степи Северного Приазовья.

К сожалению, этимологией гидронима *Миус* до недавнего времени почти никто не занимался. Только в 1966 г. в седьмом номере журнала «Дон» была напечатана заметка В.Фоменко о названиях *Миус* и *Таганрог*. Автор заметки не учёл в должной мере лингвистического аспекта затронутого им вопроса. Вариантность формы гидронима *Миус*, более или менее удовлетворительно объяснимая с лингвистической точки зрения, не получает должного обоснования, если стать на точку зрения В.Фоменко (*Миус* из *Ми-ус*, т.е. «река с топкими берегами»). Во-первых, слово *ус*, имеющее в некоторых тюркских языках монгольские истоки, не выступает в них в тех звуковых вариантах, которые отмечены в конечном слове названия *Ми-ус* за долгую историю его существования. Во-вторых, слово *ми* (в значении «топкое место»), которое усматривает В.Фоменко в первой части гидронима *Миус*, в тюркских языках чрезвычайно слабо распространено (словарь В.В.Радлова указывает лишь на киргизское и барабинское «наречия», носители которых жили очень далеко от приазовского *Миуса*).

В заключение заметим, что гидроним *Миус* получил отражение и в казачьей антропонимии. Ср. в грамоте царя Алексея Михайловича (3 окт. 1673 г.): «...А воруеть прежнихъ воровъ Стенькина собраниа Разина казакъ Мююзской». С интересными этапами антропонимизации гидронима мы встречаемся в грамоте Запорожского войска кошевому атаману Ивану Серко (1674 .): 1) ...И въ Глухове жилъ недель съ пять и бежалъ на Чугуевъ, а на Донце спознался съ

Миюскимъ, а *Миюско* де с Дону, пократчи лошади, бежалъ давно и был он самозванец на Дону, а звался Матюшкою; 2) ...А съ Дону, де, случаясь, он *Миюскою* и съ иными товарищи семь человек, пошли на Запорожье... а имя де царевичево наложил он на себя по наговору и наущенію *Миюскову* на реке Самаре... 3) И вамъ бы... *Миюску* и иных товарищей ево конечно сыскивать всячески. Ср ещё: Андрей *Миющик* (в документе 1702 г.); возможно, современная фамилия *Мелюс*.

МІША. Статуя Архангела Михаила перед Спасо-Преображенским собором в Донецке. Нечастый случай образования агиосленгонима, представленного гипокористической формой имени святого. Подобное фамильярное сленгонимное прозвание **дядя Миша** носит и скульптура Архангела Михаила в Киеве, стоявшая прежде напротив Главпочтамта, а позднее перенесенная на Лядские Ворота.

МО́КРАЯ САРМА́ТСКАЯ – речка в бассейне Миуса. Гидроним образовался на базе народного географического термина тюркского происхождения *сарма́* (*со́рма*) ‘перекат’, ‘брод’, отразившегося также в территориально близкой гидронимии Дона, например, недалеко от места впадения в Хопёр его левого притока Бузулука: «на Крымской стороне сенные луга с *Сармы* до Бузулука», «через протоку на *Сорму*, а с *Сормы* до Бузулука», «через протоку на *Сорму*, а с *Сормы* на вершину (верховье. – *Е.О.*) на крайнюю»¹. Примечательно, что балка Мокрая Сарматская находится возле балки Коровий Брод, или Коровейбродной. Её название указывает на ту же реалию – мелководный перекат, брод, которые часто появлялись на изгибах русел в связи с песчаными наносами.

МО́КРЫЕ ЯЛЫ́. Такое название носит речка, берущая начало вблизи города Волновахи и впадающая в Волчью на севере Великоновоселковского р-на. Теперь уже никто из местных жителей не может правильно объяснить происхождение её названия. Некоторые из них гидроним Ялы связывают по звучанию греческим словом со

---

¹ Труды Донского войскового статистического комитета. – Новочеркасск, 1867 г. – Вы. I. – С.74 (в документе 1730 г.).

значением ‘зеркало’ (вода её, дескать, блестит, как зеркало). Но это не так. *Ялы* – это давно забытое населением Донетчины тюркское слово *йалы́* ‘берег’. Своим возникновением гидроним Ялы обязан крымским или ногайским татарам. Почему река была названа берегом? Сначала так называли не речку, а её берег, и только после этого слово стало её названием. Верховье Оки, куда посылались в XVI веке сторожевые отряды для наблюдения за татарами, тоже называлось *Берегом*. Название *Берег* имеет одна из речек в бассейне Стира, притока Припяти на Ровенщине, а также приток Карачекрака, впадающего в Днепр в Васильковском районе Запорожской области. По данным «Словаря гидронимов Украины», ещё три ручья на Украине имеют такое название, только в форме множественного числа – *Берега*.

Левый приток реки Волчьей, о котором идёт речь, имеет и другой вариант названия – *Мокрые Ялы*. Гидроним *Ялы* встречается и в других местах на Донетчине. Это балка Ялы в бассейне Казённого Торца. Один из притоков Сухой Волновахи в прошлом назывался *Сара Яла* (из тюрк. *Сары Ялы* – ‘жёлтый берег’). Конечное *-ы* в тюркском слове славяне восприняли как показатель множественного числа и теперь говорят: «купаться на Ялах», «огороды на Ялах».

МУШКÉТОВО. Микрорайон в Будёновском районе Донецка. Возник как посёлок при железнодорожной станции Мушкетово, названной так в честь геолога и горного инженера И.В. Мушкетова.

Н

НАЗВАНИЯ, КОТОРЫЕ ЗАВЛЕКАЮТ. Среди географических имён Донбасса есть и такие, которые появились как названия, выполнявшие своеобразную апеллирующую функцию, знаменуя удачу и благополучие. Они словно предсказывали, гарантировали светлое будущее жителям тех сёл и хуторов, которые возникали в обживаемой донецкой степи, завлекали в них новых поселенцев. Надо полагать, по этой причине возникло название *Новый Свет*, четырежды повторившееся в топонимии Донбасса. Так до революции именовалась южная часть старой Юзовки (современного Донецка), заселённая ремесленниками. *Новым Светом* назывался также посёлок в Красноармейском районе (до 1937 г. – Гродовский Рудник), на месте которого в 1957 г. возник г. Димитров, названный по имени

одной из крупнейших в Донбассе шахт №5-6 им. Димитрова. Это имя носил и небольшой сельский хутор в Старобешевском районе Донецкой обл. Когда вблизи него был построен посёлок для работников сооружённой в 1954 г. тепловой электростанции им. В.И.Ленина, имя этого исчезнувшего хутора было дано посёлку, впоследствии превратившемуся в город. И теперь, глядя на могучие корпуса электростанции, уже по-иному воспринимается название города. Оно кажется новым, возникшим в наши дни. Его смысловое значение уже иное. Не надежда на лучшую долю, а свершившиеся перемены в Донецком крае отразились в этом пережившем вторую молодость топониме.

Аналогичным образом возникло когда-то название *Доброполье* (его носит сейчас районный центр Донецкой обл.), восходящее к словосочетанию *доброе поле*. Сохранились сведения, что земля в окрестностях поселения с таким «привлекательным» именем в период его основания особым плодородием не отличалась. Подобных наименований населённых мест в Донбассе было немало. Часть из них существует и поныне. В Донецкой обл. это *Весёлое*, *Райгородка*, *Райалександровка*, в Луганской – *Счастье* (город основан во второй половине XVIII в. беглыми крепостными), *Весёлая Гора*, *Весёлая Тарасовка*. В бывшем Бахмутском уезде была деревня *Добрая Надежда*. В Старобельском уезде Харьковской губернии (сейчас это Старобельский район Луганской обл.) в 60-е годы прошлого века было сельцо *Мыс Доброй Надежды* (оно же Лозовка), а в начале века – две слободы с таким же название: *Мыс Добрая Надежда 1* (Никаноровка) и *Мыс Добрая Надежда 2* (Кудрячевка).

В 30-е годы прошлого века вблизи города Енакиево находился небольшой хуторок с ещё более оптимистическим названием – *Неунывай*. В ряде губерний дореволюционной России существовали названия хуторов, очень близкие по своему значению к этому имени: *Кинь Горе* (Екатеринославская, Черниговская), *Кинь Грусть* (Херсонская, Харьковская, Воронежская губернии). Тоской о лучшей жизни, надеждой на её приход пронизаны все эти названия населённых мест. В советскую эпоху исчезла социальная основа для их появления и существования, большинство их заменено другими топонимами, забыто или переосмыслено, как это случилось с названием *Новый Свет*.

НÉГДЕ ЖИТЬ. Балка на окраине посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Происхождение её названия местные жители объяснили так: «Во время войны Старобешево часто бомбили, люди уходили из села, так им негде было жить, и они прятались в этой балке. Здесь была хорошая питьевая вода».

НЕКРЕМЕННО́Е – село в Александровском р-не. За селом течёт небольшая речка *Бычок*. По ней местных жителей именуют ещё *бычанами*. Кутки села: *Тихоцино* (по фамилии помещика Тихотко-го), *Глухов*, *Лучезарное*, *Николаевка*, *Казачок* (от названия уже не существующего колхоза «Червоне козацтво»), *Подварок*.

НÉЛЬСОН. памятник Т.Шевченко в Донецке. Прозван так ещё в советское время за сходство скульптуры с известным английским флотоводцем, вице-адмиралом Г.Нельсоном.

НЕТРИ́УС. Так называется левый приток Северского Донца. Истоки этой небольшой речки – в Харьковской области. Протекая через Краснолиманский район Донецкой области, она впадает сначала в Становое озеро а затем, выходя из него, снова вливается в один из заливов на левом берегу Северского Донца. В разных источниках XVII-XX вв. её название представлено во множестве вариантов: *Нетриус*, *Нитириус*, *Нитриус*, *Нётри́уз*, *Нетрогус*, *Нетригуз*, *Нетринус*, *Верхний Нетриус*, *Неутриус*, *Ближний Нетриус*, *Святой колодезь*, *Нётри́вус*, *Нитрус*, *Дер́иус*, *Нетрис*, *Нетрус*, *Истриус*, *Иструн*.

На ряде карт конца XVIII в. и в «Российском атласе» 1800 г. в верховье реки обозначен населённый пункт с таким же названием – *Нетриус*. Это было одно из поселений, основанных казаком, переселившимся из Запорожья. О большом количестве таких переселенцев на этой территории свидетельствует запись сообщения Кондрата Матрепаса, жителя Екатеринославского уезда, сделанная в 1856 г. фольклористом и этнографом Я.П.Новицким (информанту тогда было уже 73 года): «Багато ще, кажуть, жило запорожців на Нетригуз-річці...». Речка получила своё наименование по населённому пункту в её истоках. Это гидроним, образованный благодаря метонимическому сдвигу «название селения > омонимичное название реки» (т.е. без какого-либо аффиксального дооформления). Такие

контактные переносы названий селения на реку и наоборот хорошо известны в топонимии.

Отразившийся в ойкониме антропоним *Нетригуз* (именно эту форму мы считаем изначальной) был прозвищем, характеризовавшим неопрятного человека. В структурном отношении оно такое же, как и современные украинские отпрозвищные фамилии с отрицательно-императивным компонентом *Недайборщ*, *Неїжмак* и др., образовавшиеся лексико-синтаксическим способом. Первая часть интересующего нас прозвища – *не три* (от *терти* ‘вытирать’), вторая – *гуз*, присутствующая в ряде украинских и русских слов. Среди них *гузно* ‘зад человека’. Эта основа имеется и в таком диалектном экспрессивном слове, как *вертигуз* ‘человек неопределённого поведения’, ‘двурушник’. Ср. также: *гузночух* ‘тот, кто чешет зад’, *плоскогуз* ‘человек с плоским задом’. Последний аппелятив реконструирован на основе реальной омонимичной фамилии (г.Днепропетровск). Фамилия *Колигузов* позволяет восстановить как прозвище *Колигуз*, так и утраченный аппелятив *колигуз*, первая часть которого мотивировалась украинским глаголом *коливати* ‘качать, колыхать’ (ср. *коливний* ‘колеблющийся’; т.е. *колигузом* именовали человека с колеблющимися при ходьбе ягодицами).

Часть вариантов топонима *Нетригуз* возникла в результате изменения его звукового состава. Выпадение артикуляционно ослабленного в интервокальной позиции фрикативного *з* привело к появлению формы *Нетриус* (*Нитриус*). Последняя, в свою очередь, изменилась в *Нетривус* (устранение зияния посредством вставочного звука *в*) и *Нетрус* (стяжение *иу* в *у*). Другие варианты – результат неточной, искажённой передачи топонима. В описательном названии *Святой колодезь*, отмеченном «Книгой Большому чертежу» (1627 г.), народный географический термин *колодезь* ‘небольшая речка, ручей’ имеет при себе мелиоративное определение, указывающее на какую-то особую роль, которую играл данный ручей в религиозной жизни местного населения конца XVI – начала XVII в. (поблизости были Святые горы и монастырь).

НЕЧИТАЙЛОВО – село в Ясиноватском р-не. В основе названия села лежит фамилия Нечитайло. Тех жителей, кто живёт в селе, называют *нечитайловцами*, а кто в совхозе – *чкаловцами*. Своеобразны неофициальные описательные названия улиц: *Де Матрос*

Живе, Де Терешко Живе и *Де Лавка* (т.е. магазин). Через село протекает речка *Водяна*, приток Волчьей, впадающей в Самару, л.п. Днепра. Имеются два болота в пойме Водяной: *бредок Шапошников* и *бредок Костиков* (*бредок* – ‘топкое, заболоченное место’).

НИКИТОВКА. В 1776 г. в Зайцево приехал губернатор Азовской губернии В.А.Чертков. Он выбрал место для государственной слободы Зайцево и предложив жившим там запорожцам оказать в этом содействие. Запорожцы пригласили к себе родных и знакомых из Полтавской и Черниговских губерний. Осенью 1778 г. сюда переехала часть государственных крестьян села Солдатского Белгородской губернии. Особенное усердие в заселении слободы проявил крестьянин из Белгородщины Никита Яковлевич Деятелилов. Для своих односельчан он распланировал несколько хат, построил несколько хат-мазанок, устроил шпиталь, школу, дома для церковного приюта и сборной избы. За заслуги, оказанные Деятелиловым, жители единодушно назвали южную часть села Зайцево – Никитовкой. С тех пор селение стало носить название Зайцево-Никитовка.

В 1868-1869 гг. была сооружена железная дорога от Харькова до Таганрога. Возникла новая станция, которую 23 декабря 1869 г. назвали Никитовкой по имени близлежащего села, а за селом оставили прежнее название Зайцево.

НОВГОРОДСКОЕ – посёлок в Ясиноватском р-не. Расположен по обе стороны реки Кривой Торец. До 1952 года назывался Нью-Йорком. Появление этого названия местные жители объясняют тем, что в 90-е годы XIX в. американец Ниберг строил завод. Его жена не хотела ехать с ним в такую глушь, и он якобы пообещал ей построить «второй Нью-Йорк». Замена старого названия новым произошла путём калькирования его первой части *ню* (new ‘новый’) и добавления основы *город*. Город неофициально делится на три части: *Нью-Йорк*, *Леонидовка* и *Железное* (когда-то была самостоятельным посёлком), название последней – от Железной балки, п.п. Скотоватой, л.п. Кривого Торца. Местная топонимия небогата: три названия небольших лесков – *Берестовый*, *Грачёвый* и *Дубовый*, трёх степных курганов – *Острой могилы*, *Беевой могилы* и *Кучерявой* (заросшей дубняком) *могилы*, а также кладбища *Железного* возле балки *Железной* и *Железной* улицы. Не много ли для скудной топонимии посёлка «железных» названий?

НОВОЛУГАНСКИЙ – посёлок в Артёмовском –р-не. До 30-х годов прошлого века назывался хутор *Рябой* с 50-ю дворами (по прозвищу первопоселенца). Жителей села соседи называют *рябыми*. Части села: *Собачёвка*, *Где немые живут*, *Мыкыты*, *Сидоры*, *Игнаты* и *Антонь*.

НОВОБЕШЕВО, -а, с.Село Старобешевского района. Образовалось в 1896 г. путём выселения из села *Бешев*. Начальный компонент *Ново-* указывает на историческую связь с названием населённого пункта, откуда пришли переселенцы. При этом часто элемент сложного топонима *Ново-* вызывает появление структурных изменений в мотивирующем названии, которое осложняется антонимичной основой *старо-*. Например: *Бешев(о)₁* → *Ново-Бешев(о)* → *Старо-Бешев(о)₂*; *Майорское₁* (Великоновоселков. р-н, Днц) → *Ново-Майорское* (там же) → *Старо-Майорское₂* и т.п., где ойконимы с индексами 1 и 2 – диахронические варианты названий одного и того же населённого пункта.

В «Списке земельных владений Мариупольского уезда Екатеринославской губернии» (Екатеринослав, 1904) название *Ново-Бешев* ещё входит в коррелятивную пару с морфологически адаптированным ойконимом *Бешев* (с окончанием среднего рода; ср. его исконную форму *Бешев*). Во время полевой экспедиции 1969 г. был записан также урумский вариант ойконима *Яны Кёй*, т.е. ‘новое селение’.

НОВОЭКОНОМИЧЕСКОЕ. Город в Красноармейском районе. Основан во второй половине XVIII века беглыми *экономическими*, т.е. находившимися в крепостной зависимости у лиц духовного звания крестьянами, выходцами из села Поповки Суджанского уезда курской губернии. В первое время название селения было неустойчивым. В документах зафиксировано два его варианта: деревня **Новая** и **Новая Экономическая**. На основе последнего (вследствие его стяжения в одно слово) и сложилось современное название, так свежо воспринимаемое на фоне топонимического ландшафта промышленного Донбасса.

НОВЫЙ СВЕТ. Среди географических имён Донбасса есть и такие, которые появились как названия-«талисманы», выполнявшие

своеобразную охранительную функцию, предзнаменуя удачу и благополучие. Они словно предсказывали, гарантировали светлое будущее жителям тех сёл и хуторов, которые возникали в обживаемой донецкой степи, завлекали в них новых поселенцев. Надо полагать, по этой причине возникло название *Новый Свет*, трижды повторившееся в топонимии Донбасса. Так до революции именовалась южная часть старой Юзовки, заселённая ремесленниками. Другое её название – Ливенский посёлок (тут была контора князя Ливена, жившего в Петербурге). Новым Светом назывался также посёлок в Красноармейском районе (до 1937 г. – Гродовский рудник), на месте которого в 1957 г. возник город Димитров, названный так по имени одной из крупнейших в Донбассе шахт №5-6 имени Г.Димитрова (в нашем крае рабочие посёлка и города нередко получали свои названия от шахт, вблизи которых они были). Третий населённый пункт с названием Новый Свет находится неподалёку от села Верхняя Крынка, расположенного в 18 километрах от Макеевки. В наши дни так неофициально именуется один из «концов» посёлка Еленовка Волновахского района. Его составляют шесть улиц посёлка (находится он слева от автострады Донецк-Мариуполь). Любопытно, что в прошлом веке, по свидетельству известного писателя В.А.Гиляровского, одним предприимчивым виноделом такое имя было присвоено его образцовым виноградникам в Крыму и на Кавказе. Название «Новый Свет» носил также трактир в Ливенском посёлке дореволюционной Юзовки.

Это имя принадлежало и небольшому сельскому хутору в Старобешевском районе Донецкой области. Когда вблизи него был построен посёлок для работников сооружённой в 1954 г. тепловой электростанции имени В.И.Ленина, имя этого исчезнувшего хутора было перенесено на посёлок, впоследствии превратившийся в город. И теперь, глядя на могучие корпуса электростанции, уже по-иному воспринимаешь название города. Оно кажется новым, возникшим в наши дни. Его смысловой «заряд» уже иной. Не надежда на лучшую долю, а свершившиеся перемены в донецком крае отразились в этом пережившем вторую молодость топониме.

Аналогичным образом возникло когда-то и название Доброполье (его имеет сейчас город, районный центр Донецкой области), восходящее к словосочетанию *доброе поле*. Сохранились сведения, что земли в окрестностях поселения с таким «привлекательным»

именем в период его основания особым плодородием не отличались. Подобных наименований населённых мест в Донбассе было немало. Часть из них сберегается и сейчас. В Донецкой области это Весёлое, Райгородка, Райалександровка, в Луганской – Счастье (город основан во второй половине XVIII в. беглыми крепостными крестьянами), Веселая Гора, Весёлая Тарасовка и др.

В 30-е годы прошлого века вблизи города Енакиево находился небольшой хуторок с «говорящим» названием *Неунывай*. В ряде губерний дореволюционной России встречались названия хуторов, очень близкие по своему значению к этому имени: *Кинь Горе* (Екатеринославская, Черниговская), *Кинь Грусть* (Херсонская, Харьковская, Воронежская и т.д.). Мечтой о лучшей жизни пронизаны были такие имена населённых мест.

О

ОБЪЕДИНЁННЫЙ. Посёлок, составляющий восточную часть Пролетарского р-на Донецка. Своё название получил после того, как в один жилмассив были объединены несколько мелких пришахтных посёлков.

ОБИТОЧНАЯ И БЕЛОСАРАЙСКАЯ КОСЫ. На северном берегу Азовского моря имеется много кос, среди которых две носят особенно неясные названия – *Обиточная* и *Белосарайская*. Как и другие косы северного побережья, они вытянуты на юго-запад, что связано с направлением основного течения Азовского моря в этом районе – вдоль его северных берегов на запад со стороны Таганрогского залива. Вода обтекает оконечности кос, образуя водовороты и нередко создавая на них особые закругления, крючкообразные мысы, издавна в народе именуемые *дзедзыками*. При размыве узкой полосы суши они иногда превращаются в острова. Мысок *Дзедзык* оканчивается коса Обиточная: два острова – *Большой* и *Малый Дзедзыки* – находятся вблизи Бердянской косы.

Отмеченная особенность течений Азовского моря и предопределила возникновение названий обеих кос. *Обиточная* – значит «обтекаемая». В этом прилагательном содержится корень – *ток* (где звук *к* чередуется с *ч*: сравните слова без этого чередования *ток, приток, затока* и т.д., родственные с глаголом *течь*) и редкая раз-

новидность приставки *о-* (*об-*), *-оби-* (сравните ещё *обиход*, старинное слово *обходить*).

Теперь уже забытый местный географический термин *обиток*, имевший когда-то значение ‘огибающий что-то поток воды’, и производное от него прилагательное отразились в целом ряде названий рек Украины. Есть *Обиток* в бассейне Мокрых Ялов (Донецкая область), а также среди правых притоков Деркула, левого притока Северского Донца. *Обыточку* (или *Обиточек*) находим мы и в бассейне Псла, левого притока Днепра. Балка *Обиточная* южнее Донецка впадает с левой стороны в Кальмиус (выше устья реки Грузской). Что касается реки Обиточной, впадающей в Азовское море у основания Обиточной косы, то она получила своё название от последней сравнительно недавно, а на рукописных русских картах XVIII в. эта река ещё носила другие – тюркские имена (*Джуралгаиш*, *Дженалгаиш*, *Женальгос* и т.д.).

По-видимому, аналогичное значение в глубокую старину имело и название Белосарайской косы, которое местное население сейчас уже связывает со словосочетанием *белый сарай* (который якобы когда-то был на косе). Перед нами один из частых в топонимии случаев народного переосмысления и переделки непонятого названия путём сближения с какими-то словами родной речи. В основе топонима *Белосарайская коса* лежит ещё встречающееся в документах XVII в. тюркское название *Белысарай* (или *Белысарай*). В одном из них (1638 г.), например, сообщается о ногайцах, которые «кочуют по сю (т.е. эту. – *Е.О.*) сторону Перекопи на Колмиюсе, да на Бердах, да на Балысараех». Есть мнение, высказанное академиком О.Н.Трубачёвым, что истоки интересующего нас имени ещё более глубокое.

В северо-восточном Приазовье в доисторическую эпоху обитали племена синдов, или индов, которых многие учёные считают далёкими предками индейцев, или праиндейцев. Они были связаны узами этнического и языкового родства с ираноязычными племенами скифов. Впоследствии основная масса синдов ушла на юго-восток, заселив Индостанский полуостров, но какая-то их часть осталась в Северном Причерноморье. Вот они-то и были творцами первого названия Белосарайской косы, которое звучало как *Парисара*, дошедшее до нас в итальянской записи XV в. как *Паластра* и в более поздней записи Эвлия-эфенди (XVII в.) – *Белисера*. Значение его было ‘обтекание, обход’

(сравните *обиток*, *Обиточная*). Дошедшее до нас древнеиндийское слово *парисара* означало ‘окружность, хождение вокруг’.

Таким образом, приазовские тюрки переделали неясный для них топоним на свой лад, очевидно, сблизив его со своими словами *бал* – ‘мёд’, *балы* – ‘медовый’ и *сарай* – ‘дворец’ (сравните *Бахчисарай* в Крыму). Славяне, в свою очередь перенявшие от них это имя, вторично «перелицевали» его в духе «народной этимологии». Отсюда и тот «белый сарай», который столь явственно выделяется в составе нынешнего названия морской косы.

ОБИТО́ЧНЫЙ. Неофициальное название одного из концов Пролетарского р-на Донецка. Назван так по балке Обиточной, л.п. Кальмиуса.

«**ОБУШО́К**» – неофициальное название усадьбы колхоза им. Парижской Коммуны (Шахтёрский р-н; в 10 км. к югу от Шахтёрска), находящейся на территории бывшего рабочего посёлка уже не действующей шахты «Обушок».

ОБЩЕ́СТВЕННЫЙ-ту-ПИГÁС. Родник в селе Чердаклы Володарского района (запись 1983 г.). Русско-румейский гибридный топоним, первая часть которого – русское прилагательное, вторая – румейский географический термин *пигás* ‘родник’, а между ними – румейский определённый артикль *ту*.

ОДЖАХСЫ́З ЧЕТ. Одна из окраин посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Здесь обосновались первые переселенцы из Крыма и отсюда началась застройка их нового, ещё не обжитого ими селения. В их домах вначале дымоходов не было. Поэтому, в отличие от новой, построенной позже части села, застроенной домами с дымоходами и трубами, этот край села называли «бездымоходным». В урумском наречии *оджа́х* – ‘комнатная печь с открытой топкой’, *-сыз* – морфема со значением отрицания ‘без’, *чет* – ‘край, окраина, конец, угол’.

ОСРА́Х ХУЮ́. Колодец в селе Гранитное Тельмановского района (запись 1964 г.). Объяснение информанта: «Вода в колодце имеет плохой запах». Урумский топоним изафетного тимпа: географи-

ческий термин *хую* ‘колодец’ определяется существительным *осра́х*, производным от глагольной основы *осар-* (*осур-*) ‘выпускать ветры, пердеть’ (Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893. – Т. I. – Часть 2. – С. 1139-1140). *Осрак* (*осурак*, *осарак*) – ‘человек, часто испускающий газы, пердун’. Таким образом, колодец *Осурах (или *Осарах*) *хую* (в разговорной речи его название изменилось в аллегорическую форму *Осра́х Хую́*) был назван по прозвищу местного жителя. «Уличная» (т.е. данная односельчанами вне зависимости от его официальной фамилии) *Осра́х* до сих пор сохраняется в антропонимиконе жителей Старобешева (её имеет группа лиц с официальной фамилией Серафимовы).

II

ПАСХА́Л КОПУ́Р. Мост через речку Камышеваху, п.п. Кальмиуса возле посёлка Старобешево (запись 1972 г.). По свидетельству местных жителей, мост был построен в конце XVIII в. жителем села Митрофаном *Пасхалом*. Почти ежегодно он укреплялся камнями и соломой, которые смывало весенними паводками. Топоним изафетного типа, в котором антропоним *Пасха́л* является определением урумского апеллятива *копер* ‘мост’ (ср. крымскотатар. *копюр* ‘мост’). *Пасхал* – разговорный вариант мужского имени *Пасхалий*, мотивированного названием церковного праздника *Пасхи*.

ПА́МЯТНИК КРУ́ПСКОМУ. Артиосленгоним, относящийся к памятнику Т.Шевченко в Донецке (записи 2005, 2007, 2009 гг.). Расположен рядом с Областной научной библиотекой имени Н.К.Крупской (со сленговым названием **Крупá**). См. также **Нельсон**. Мотивацией этого названия было: «Раз библиотека имени Крупской, то рядом должен находиться её муж, фамилию которого носит Крупская». Такая игра слов порождает в молодёжном жаргоне комический эффект.

ПАРИ́Ж. Неофициальное название территории, с которой началось строительство микрорайона «Солнечный» в Горловке (улицы им. Волкова и Богуна). В нём отразилась надежда на то, что он станет таким же культурным и благоустроенным, как Париж.

ПЕКІН. Шахтёрский посёлок в старой Горловке, состоявший из нескольких десяткой землянок (его второе неофициальное название – **Собачёвка**), снесенный в 1934 г. Его жители были переселены в построенный Южжилстроем четырёхэтажный дом Б-2 (см. **Домбэ**). Топосленгоним **Пекин** возник как реакция на уже существовавшее название другого посёлка, выросшего у террикона шахты «Кочегарка», – **Шанхай**, тоже ликвидированного в этом же году. *Шанхаями* в Донбассе, а также во многих населённых пунктах России именовались стихийно возникавшие, хаотично застроенные и неблагоустроенные части селений вследствие процессов вторичной топонимизации омонимичного коннотативного географического имени. Признать такую причину появления уникального унбанонима **Пекин** заставляет отсутствие у него каких-либо референтных коннотаций. Возникнув в речевом обиходе жителей шахтёрского посёлка как топосленгоним, он с течением времени выходит за пределы речепотребления первичного социума, утрачивает свою «необычность» и экспрессивную окраску, превратившись в сленгоним-историзм с «потухшей» мотивацией.

ПЕЛИТЛІ. Балка, л.п. Столовой балки, п.п. Кальмиуса; возле села Гранитное (бывш. Старая Карань), Тельмановского р-на. Такое же название носит другая балка, впадающая в Пелитли справа, недалеко от места слияния её со Столовой балкой. Окончание *-ли* в топониме указывает на тюркское прилагательное, которое вначале определяло впоследствии опущенный географический термин, вероятнее всего, урум. *тарамá* ‘балка’. Ср. также урум. *пеліт* ‘желудь’. Описательный топоним *Пелитлі тарамá значил ‘желудевая балка’. Принять такую этимологию позволяет и то, что рядом со Столовой балкой (или Кичиксу) с той же правой стороны впадает в Кальмиус речка Дубовка, название которой мотивируется словами *дуб, дубовый*. В балке *Пелитли* в старину, вероятно, росла дубовая роща. На склонах этой балки, покрытых зарослями степного дуба, местное население собирало желуди, используя их как кормовую добавку.

ПЕНТАГО́Н. Неофициальное название района Пятый квартал в Горловке, скорее всего мотивированное словом греческого происхождения *пентагон* ‘пятиугольник’, а не таким же названием пятиугольного здания военного министерства США в Вашингтоне.

ПЕРВОМАЙСКИЙ. Посёлок в Пролетарском р-не Донецка. Вариант: *Первомайка*. От названия шахты 11-21 имени 1 Мая, или Первомайки, которая до революции называлась 11-21 Шрейдерская (по имени её управляющего с фамилией Шрейдер).

ПІД КУШЕ́. Место купания на реке Кушлагач, п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары (запись 1973 г.). Гибридный микротопоним, состоящий из украинского предлога *під* и урумского существительного *куше́* ‘угол’. В этом месте Кашлагач делает крутой поворот.

ПЛЁШКА. Название автостанции «Плехановская» в городе Макеевка, Донецкой области (Украина). Образовано от усеченной основы прилагательного полного официального эргонима (*Плех-*) при помощи суффикса *-к(а)*, что вызвало её морфонологическое преобразование в *Плешка* (ср. образованные по такой же морфонологической модели производные *рубашка* от *рубаха*, *Наташка* от *Натаха* и под.). Поэтому появление онима *Плешка* нельзя связывать с существующим в молодёжном жаргоне словом *плешка* ‘открытая площадка, место, где собирается молодёжь для совместного времяпровождения’. Интересная параллель: на базе такой же усеченной основы *Плех-*, но только меморативного компонента эргонима *Академия народного хозяйства имени Плеханова* (Москва), подобным образом образовался жаргонный эргоним *Плешка* в речи московских студентов.

ПЛЯТІ ТАШ. Балка. л.п. Сухой Волновахи (запись 1962 г.). По свидетельству жителей посёлка Старобешево Л.Н.Фёдорова (1869 г. рождения) и Г.Ф.Михайлова (1898 г. рождения), в этой балке был карьер, где местные жители добывали плоский камень, который шёл на мощение улиц села и на кровлю хозяйственных построек. *Плятиташ* – следствие сокращения полной формы *Пляті таш тарамá*, представляющей собой румейско-урумский гибрид, в состав которого входит румейское прилагательное *пляті* ‘широкий’, урумское существительное *таш* ‘камень’, а также урумский географический термин *тарамá* ‘балка’.

ПОБЕДА. Микрорайон в северо-восточной части Кировского р-на Донецка (улица Волжская, Славы, Горнорудная, Краснополь-

ская и др.). Микрорайон получил это имя после победы над фашистской Германией, когда это слово особенно активизировалось во внутри городской топонимии, названиях колхозов и совхозов, кинотеатров, например, село Победа в Старобешевском р-не, село Победа в Амвросиевском р-не, село Победа в Марьинском р-не и др. Посёлок коксохимиков Победа в Донецке был назван так потому, что сдача его новой улицы в 1945 году совпала с праздником Днём Победы над фашистской Германией.

ПОЧЕМУ ТОРЕЦ КАЗЁННЫЙ? Своё необычное определение правый приток Северского Донца получил сравнительно недавно. В таком виде гидроним фиксируется в документах XVIII в., спустя некоторое время после того, как в районе нынешнего города Славянска, в урочище Тор, в 1701 г. были основаны принадлежавшие казне Торские соляные промыслы. Поэтому данный участок бассейна Торца стал называться *Казённым Торцом*. Позднее это составное имя распространилось на всю речку. Уже на рукописной «Карте Екатеринославского наместничества части, лежащей по левую сторону реки Днепра» (XVIII в.) в верховье реки обозначен овраг Казённый, что наглядно свидетельствует о том, что такое распространение локально возникшего гидронима на весь нынешний *Казённый Торец* завершается уже в XVIII в.

Картографы XVIII в. ещё колебались в определении главной реки бассейна и её притоков. Так, на другой рукописной карте – «Генеральной карте от Киева по реке Днепру до Очакова и по степи до Азова», составленной в 1743 г., Казённый Торец изображён как левый приток Кривого Торца, который впадает в Северский Донец. Такое изображение реки мы находим и на «Пограничной карте Российской и Турецкой империи и Польши» И.Ф.Шмита 1769 г., в «Атласе Екатеринославского наместничества» 1784 г.

В это же время река имела и другой вариант названия – Казённый Тор, в котором определяемое слово представлено в своём старинном виде (без уменьшительного суффикса). Согласно летописным свидетельствам, через Тор в 1185 г. во время бегства из половецкого плена переплыл князь Игорь. В «Книге Большому чертежу» – текстовом описании не сохранившейся карты России конца XVI – начала XVII ст. наша река называется Большим Тором, тогда как её левый приток, впадающий в неё недалеко от устья (современный

Сухой Торец), поименован просто Торцом, т.е. буквально «маленьким Тором». Сравните соответственно: Дон и его главный приток Донец. Правое ответвление Казённого Торца в документах XVIII в. именуется Кривым Торцом. Это имя оно сохраняет и в наши дни.

По мнению Э.М.Мурзаева, известного географа и топонимиста, название Тор восходит к тюркскому нарицательному существительному *тор* – ‘источник’. Так мог быть назван исток реки, а потом гидроним распространился на всё её течение.

Таким образом, река Тор (или Большой Тор) имела несколько притоков с уменьшительным именем Торец. Но Тором именовалось и урочище, где находились казённые солеварни, и возникшее на их месте поселение (переименованное в 1794 г. в Славянск). Во избежание путаницы в назывании этих разнохарактерных географических объектов старый топоним Тор закрепился за городом и урочищем, а реку всё чаще стали именовать Торцом. Этому, видимо, способствовало и то обстоятельство, что форма Торец утратила значение уменьшительста.

С переименование города Тора в Славянск старая форма топонима постепенно выходит из употребления. Её след сохранился в названии села бывшей Харьковской губернии – Краматоровка (оно же Белянское) и нынешнего города Краматорска.

ПОЧТА́ ТАРАМА́. Сухая балка вблизи села Красная Поляна Великоновоселковского района (записи 1970 и 1979 гг.). Урумский топоним изафетного типа: урум. географический термин *тарамá* ‘балка’ определяется существительным *почта* (т.е. ‘почтовая балка’). Раньше по дороге, которая проходила через эту балку (юго-западнее села) возили на лошадях почту.

ПЭПЭ́. Парк в г. Макеевке, Донецкой области (запись 2008 г.). Буквенная аббревиатура из словосочетания **Пионерский парк**.

ПЬЯНАЯ БАЛКА – овраг в восточной части города Юнокоммунаровск (Юнком). Названа так оттого, что на её склонах рос «пьяный лес» – с деревьями, наклонёнными в разные стороны (из-за оползней). Известен и вариант мужского рода *Пьяный*, делающий возможным предположение о существовании в прошлом первоначального полного (двусловного) варианта названия балки (появив-

шегося благодаря контактному переносу топонима: дримоним → ороним) *Пьяный Лес. Это подтверждается и сохранившимся названием рядом находящегося урочища *Плоский Лес*, которое вместе с ним составляло когда-то коррелятивную топонимную пару. Иногда балку называют *Пионерской*, так как в неё часто совершали походы пионеры близлежащих школ.

ПЯТАЧОК. Неофициальное название места в Горловке, где улица Комсомольская соединяется с площадью имени Ленина. Слово *пяточок* широко используется во внутригородской топонимии для обозначения мест, где скапливаются люди. На месте горловского Пятачка в советское время был транспортный узел городского значения.

Р

РАЙ ЗЕМНОЙ НА ДОНЕ́ТЧИНЕ. О красивом месте, где можно безмятежно и счастливо жить, об очень хороших условиях жизни мы говорим, что это рай земной. И не смешивайте это значение слова *рай* с другим его значением ‘место, где души праведников ведут блаженное существование’. Оказывается *рай земной* можно найти и в нашем задымленном, экологически нечистом регионе, что обозначено и в его географических именах. Это четыре топонима: *Рай-Александровка* – названия села в Славянском районе, *Райгородок* – посёлка городского типа в том же районе, посёлка городского типа *Райское* недалеко от Дружковки и *Райское* в Константиновском районе. Свои названия они получили вовсе не потому, что их жители вели безмятежную райскую жизнь. Дело в том, что жители этих селений активно занимались садоводством и их дома и улицы буквально утопали в садах, а раньше слово *рай* имел давно утраченное значение ‘сад’ (См.: И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1903. – Т. III. – С. 62).

РАХМЕ́ТОВКА. Место в Донецке (на территории бывшего парка им. Ленинского комсомола), где в связи с подготовкой к проведению финала 14-го футбольного чемпионата Европы в 2012 году (Евро-2012) велось строительство стадиона, в котором участвовал также известный на Украине олигарх и президент футбольного клуба «Шахтёр» Ренат Ахметов. Производящей базой жаргонного

внутригородского хоронима является начальный звук его имени и полная форма его фамилии (в записи Р.Ахметов): *Рахметов+к(а)*. Побочный комический эффект возникает благодаря связи с омонимичной фамилией персонажа романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?».

РЕСПУ́БЛИКА – село в Володарском р-не. До 1929 г. называлось **Бодни** (от местного географического термина *бодня* ‘провал в земле’, образовавшегося от апеллятива *бóдня* ‘кадка, бочка’). Селение было основано во 2-й пол. XIX в. немцами-колонистами.

РУДУ́Ч. Сложносокращённый вариант первичного описательного названия *Рудничное училище*, образованного в 1920 году на базе небольшой шахты Алексеева в районе Горловки. Это сокращённое название училища в разговорной речи затем становится и неофициальным названием шахты, которое, после того как возле шахты появился посёлок, становится и его именем.

РУ́ТЧЕНКОВКА. Название одной из частей Кировского р-на Донецка, возле железнодорожной станции Рутченково. В этом месте в конце XIX – начале XX века находился Рутченковский рудник, принадлежащий братьям Рутченко.

САВЛУ́Х ЧОХРА́Х. Родник в посёлке Старобешево (записи 1969 и 1972 гг.). Урумский топонимический изафет, в котором определяющим слово является существительное *савлу́х* ‘здоровье’, определяемым – географический термин *чохра́х* ‘родник, криница’. Это криница с водой, приносящей здоровье. По рассказам старожилос посёлка, эта криница в старину считалась святой. Когда долго не было дождей, к ней шли крестным ходом и бросали в неё серебряные монеты.

САН-ХАРЦЫ́ЗСК. Топосленгонимный вариант названия города Харцызска в Донецкой области. Появился благодаря звуковой «перекличке» с названием города **Сан-Франциско** – крупного торгово-финансового, культурного и научного центра в Америке (штат Калифорния): **Харцызск** – Сан-Франциско. Эффект шутливо-

иронического употребления создаётся благодаря объединению «разноприродных» фрагментов названий территориально далёких ойконимов и несоизмеримостью их статуса и известности. Другой вариант топосленгонима: **Харцызск-Сити** (англ. city – ‘большой город’; как собственное имя – ‘торговая и деловая часть Лондона’). Ср. топосленгонимы **Волна́-Сіти** (г. Волноваха), **Рио-де-Житомир** (запись 2009 г.) и под.

САРАБА́Ш. Балка, л.п. Камышеватки, впадающей в Азовское море в Першотравневом районе между речками Зелёной и Мокрой Белосарайкой (запись 1972 г.). Варианты: *Сараба́ш Тарамá*, *Сарыба́ш Тарамá*. Первичное состояние гидронима: описательное название изафетного типа *Сарыба́ш Тарамá*, первая часть которого – антропоним *Сарыба́ш* (букв. ‘рыжеголовый’; урум. *сары́* ‘жёлтый, рыжий’, *баиш* ‘голова’), а вторая – урумский географический термин *тарамá* ‘балка’. После пропуска термина появился однословный вариант *Сараба́ш*. Появление *a* на месте *ы* в срединном слоге было вызвано межслоговой ассимиляцией (уподоблением) в разговорной речи.

САРА́Ф-ту-ДЖАП. Возвышенность у села Кременёвка (бывш. Чердаклы́) Володарского района (запись 1972 г.). Значения топонима: ‘Сарафова гора’. Румейско-урумский определённый артикль. Холм находится на месте прежнего хутора, владельцем которого был *Сараф*. Ср. турец. *sarrafa* ‘меняла’.

САРБА́Н. Колодец в посёлке Сартана со стороны железнодорожной станции Кальчик (запись 1972 г.). Остаток первичного описательного гидронима *Сарба́н (Сарпа́н) Ху́ю*, в первой части которого отразился урумский апеллатив *сарпа́н* ‘копна’ или мотивированное им прозвище *Сарпа́н (Сарба́н)*, носителем которого был местный житель тучного телосложения. В первом случае гидроним имел значение ‘колодец у копны’, во втором (что вероятнее) – ‘Сарпанов колодец’, ‘колодец Сарпана’.

САРДЖА́Н. Крутой спуск к водоёму, круча в селе Улаклы Великоновоселковского района (запись 1982 г.). Урумский топоним, в основе которого лежит словосочетание *сары джан*, состоящее из

прилагательного *сары* ‘жёлтый, рыжий’ и существительного *джан* ‘сторона, бок’. Косогор состоит из жёлтой глины.

САРТАНА́. Посёлок городского типа северо-восточнее Мариуполя; его основная часть («исторический центр») расположена на правом берегу Кальмиуса. С 1946 г. – *Приморское* (реже – *Приморск*). В 90-е годы селению было возвращено его историческое имя. Перенесенный топоним. Населённый пункт был основан в 1779 г. греками, выходцами из одноимённого крымского села (по ведомости А.В.Суворова, 743 чел.), Карасубазарского уезда. Ойконим не имеет каких-либо других диахронных и современных вариантов. Многие греки название *Сартана* толкуют как *сары́ танá* ‘рыжий двухлетний телёнок’. Мотив номинации содержится в местной топонимической легенде: греки поселились на этом месте после того, как увидели пришедшего на водопой рыжего телёнка, он как бы подсказал им выбор места поселения. Однако название посёлка возникло не в Приазовье, а в Крыму. Вероятно, вначале оно имело метафорическое значение, относясь к какому-то географическому объекту – возвышенности, скале, похожему на телёнка. Крамскотат. апеллятив *tana* ‘телёнок-двухлетка’ встречается в топонимии Крыма: в названии речки *Тана-Су* (*Тунас*) и в названиях сёл *Сарытана* (!), *Танабос*, *Тангельди*, *Коктана*. Применительно к топонимам Крыма можно, вероятно, говорить о незавершившемся процессе терминологизации этого слова. Ср. также народные географические термины, появившиеся благодаря употреблению в переносном смысле апеллятивных обозначений животных, и развившиеся из них географические имена: *бык*, *бычок* ‘скалистый берег’, ‘каменный утёс’, ‘мыс’, ‘камень в воде’, с одной стороны, и селение *Бык*, с другой; *конь* ‘большой каменный валун’ и селение *Конь* (в Тульской области России) и т.д. Ороним *Сары Тана* впоследствии мог быть перенесён на расположенное рядом селение. В разговорной речи произошла редукция срединного *ы* в прилагательном (**Сары́ Танá* → *Сартанá*). Катоиконимы: *сартáнцы*, *приморцы*. На базе современной румейской «уличной фамилии» *Сартаньоту* (с суф. *-оту*) восстанавливается катоиконим *сартаньоту*.

САРЫ́ ТОПРА́Х. Место купания на реке Кальмиус в селе Гранитное Тельмановского района (запись 1970 г.). Урумский топоним,

состоящий из прилагательного *sary* ‘жёлтый, рыжий’ и существительного *topráx* ‘глина’.

САЎР-МОГИЛА. Это одна из значительных вершин Донецкого кряжа. Находится в верховье Камышевахи, левого притока Севастьяновки (бассейн Крынки, правого притока Миуса), недалеко от города Снежного. Относительная высота Саур-могилы над прилегающим с запада пространством доходит до 100 метров. В августе 1943 г. у Саур-Могилы происходили ожесточённые бои по прорыву Миус-фронта, отсюда началось освобождение Донбасса от фашистских захватчиков. В память об этом на её вершине воздвигнут величественный мемориальный комплекс.

Саур-могила – глубоко почитаемый украинцами ориентир на восточных рубежах их исторических земель. Следствием этого явилась и явная гиперболизация её размеров в народном сознании. Так, знаменитый кобзарь Остап Вересай в 1873 г. на вопрос: «Що то за могила і де вона?» ответил: «Кажуть, що ідуть у Ростов чи Марнополь, за два дні чи за три, кажуть, її видно, поки дойдеш» Т.Г.Шевченко в своём дневнике (13 августа 1857 г.) характеризует её такими словами: «наша славная-преславная Савор-Могила».

Самую раннюю фиксацию этого топонима мы находим в тексте украинской исторической песни «Втеча трьох братів з міста Азова, з турецької неволі», в разных редакциях которой представлено несколько вариантов её названия (цитируется по книге «Украинские народные думы». – М., 1972 г.; в скобках после цитат указаны даты записи текстов): *Савор-могила* («До Савор-могили прибував, От голоду, ран знемогав. Під Савор-могилою спочивав», 1804 г.; так же и в записи 1876 г.); *Саура могила* («До Саури могили перебуває, Там на Сауру могилу снисхожає»; «Только козацкая голова на Сауре могилы пробуває», 1805 г.); *Осавур-могила* («До Осавур-могили прибуває, На Осавур-могилу зіходжає», 1854 г.; так же и в записи 1886 г.); *Савур-могила* («Найменшого брата голова полягла на Савур-могили», 1850-1860 гг.; так же и в записях 1857-1860, 1873, 1875, 1904, 1908, 1916, 1930, 1946 гг.); *Савір-могила* («Да вже ж ті два брати до Савір-могили доїжджали»; «Савір-могилу величає»; «Савір-могило, будь мені рідна мати», 1863).

Название не славянского, а тюркского происхождения. Особенностью многих старых географических названий иноязычного про-

исхождения, которые в течение долгого времени «приспосабливались» к славянской речи – её звуковому и грамматическому строю, является их многовариантность. Такому топониму на первых порах «неуютно» в новом речевом окружении, на него влияют и как-то преобразуют народные говоры и те ассоциации, которые появляются в результате сближения с другими – общеизвестными словами и собственными именами, что часто приводит к появлению так называемой «народной этимологии» и топонимических легенд.

В разных записях до нас дошло шесть вариантов этого географического имени, но в прошлом их могло быть больше. Сначала объясним причины их появления, после чего определим этимологию того из них, который ближе других стоит к исходному виду тюркского топонима в период его вхождения в славянскую речь, а потом остановимся на новых, т.е. поздних осмыслениях этого географического названия в народном сознании. Не обойдём вниманием и уже существующие в научной и краеведческой литературе попытки объяснить это название возвышенности.

Вариант *Саура могила* свидетельствует о переосмыслении первой части оронима как прилагательного-определения, хотя и с неясным значением. Варианты *Савур*, *Осавур*, *Савор* и *Савір* имеют вставочный звук *в*, с помощью которого в народной речи устранялось не свойственное ей «зияние», т.е. соседство двух гласных *-ау-* внутри топонима. Этот звук развился не во всех вариантах (ср. *Саур-могила*, *Саура могила*). Вариант *Осавур* содержит, к тому же, приставное *о-*, нередко встречающееся в украинских и русских диалектах (на юге России это приставное *а-*: *алимон*, *алиман*, *алипа* и т.д.). Ср. украинские диалектные слова с этим добавочным звуком: *оскирдок* ‘маленькая скирда’, *осолода* ‘услуга’, *опісля* ‘после’, *опіяка* ‘пьяница’, *опак* ‘назад’, *омряк* ‘мрак’, *одробина* ‘кроха’ и др. Добавим к этому, что название поселения запорожцев в устье Кальмиуса (бывшей Кальмиусской иаланки) – *Домаха* в XVIII в. выступало также в двух фонетических вариантах: *Адамаха* и *Одомаха*. Из всех указанных вариантов оронима наименее подверженной фонетическим изменениям оказалась современная «нормативная» форма *Саур*. В её основе лежит тюркский народный географический термин, обозначающий особую разновидность географических объектов – возвышенности со сглаженной вершиной округлой формы. Его исконное (дотермипологическое) значение: ‘круп лошади’. Во

многих тюркских языках подобные термины возникали вследствие метафорического употребления названий частей тела животных и человека («анатомической лексики»). Со временем переносное значение в них угасало, и в языке возникали лексические пары: общеязыковое нарицательное существительное и географический термин. Так, например, казахское слово *эркеш* ‘горб верблюда’, пройдя через метафоризацию, превратилось в географический термин со значением «вершина горы». Круг примеров можно расширить: *аяк* ‘нога’ и ‘устье (или низовье) реки’; *бурун* ‘нос’ и ‘мыс’; *каш* ‘бровь’ и ‘вал’, ‘холм’; *кулак (хулах)* ‘ухо’ и ‘залив озера’, ‘овраг’; *джал (ял, жал)* ‘грива’ и ‘ребень горы’, ‘возвышенность (вытянутая, низкая, каменистая)’ и др. Юго-восточнее озера Зайсан в Восточно-Казахстанской области Казахстана расположен хребет *Саур*. Гора *Саур* имеется и в Кабардино-Балкарии. Это отдалённые «тёзки» приазовской Саур-могилы.

В прошлом в топонимии Северного Приазовья, безусловно, существовало несколько степных возвышенностей с таким названием. Но народная память сохранила не все эти топонимы. Известны две приазовские *Са(в)ур-могилы*: первая в Токмакском районе Запорожской области, восточнее села Новопротокофьевки (была нанесена на военно-топографическую карту-трёхвёрстку бывшей Таврической губернии 1862 г.); вторая – в Запорожском районе Запорожской области, на правом берегу речки Конки, или Конской (в прошлом – Конские Воды), между сёлами Юльевкой и Григорьевкой. В народных преданиях, записанных в 60-е годы профессором Запорожского университета В.А. Чабаненко, название этой последней возвышенности представлено в нескольких вариантах: *Савур-могила*, *Савурина гора*, *Савурюга*, *Севірюга* и *Городиська могила*. Например: «Між Юлівкою і Григорівкою, над річкою Кінською, є могила – висока-висока. А кругом неї – рівчак. Дехто називає її Савур-могилою, а більше Севірюгою»; «Між Юлівкою і Григорівкою на правому березі річки Кінської є висока гора, а біля неї старий обвалений колодязь. Кілька десятиліть тому ця гора була ще вищою, а тепер осунулась, бо з-під неї жителі навколишніх сіл пісок беруть. По-всякому її називають: хто Савуриною горою, хто Савур-могилою, а хто просто – Савурюгою. Старики, що вже повмирали, так ті ще називали її Городиською могилою, а місцевість навколо неї – Городищем».

При заселении Северного Приазовья восточные славяне фонетически, морфологически и семантически освоили тюркский топоним *Саур*, дополнив его собственным географическим термином *могила* ‘степная возвышенность’, распространённым в Приднепровье и на востоке Украины. Так возник составной топоним, каждое слово которого имеет близкие этимологические значения: *Саур* ‘возвышенность с округлой вершиной’ + *могила* ‘всякая степная возвышенность’. Однако при объединении этих слов в одном названии их смысловая близость уже не существовала. В славянской речи народный географический термин объединился не с лексически прозрачным тюркским термином, а с собственным именем – топонимом, уже утратившим этимологическую мотивированность, в основе которого лежал этот термин. Сравните аналогичным путём появившееся древнерусское летописное название Чёрного моря – *Понть-море*, или *Понтьское море* (греч. *понтос* ‘море’).

В народных легендах первая часть топонима *Са(в)ур-могила* связывается с антропонимом – именем казака *Саввы*, или *Савура*, будто бы жившего когда-то возле такой возвышенности и погибшего здесь в неравном бою с турками, татарами или панским войском, защищая крестьян. Такие легенды в 70-е годы XIX века были записаны Я.П.Новицким в сёлах бывшего Мариупольского уезда Екатеринославской губернии. Вот некоторые фрагменты его записей: «На Савур-могилі колись жив ватаг Сава і тримав шайку розбишак таких, як і сам»; «Колись була така приказка в старих чумаків: Савур-могила, Теплинський ліс, де бере чумаків біс. Жив колись на Савур-могилі Сава – ватаг з товариством. Було поставити ратище (коп'є. – *Е.О.*) біля шляху, а біля ратища простеле повсть. Чумаки й кладуть: хто хліба, хто солі, хто зерна сипне»; «Пішов Сава на Савур-могилу». Информанты Я.П.Новицкого форму Савур осмысливали как производную от личного мужского имени. Так, в тексте приведенного выше предания о Савур-могиле на берегу реки Конки имеется сообщение о том, что вблизи этого холма «в незапам'ятні часи... стояла буцімто велика фортеця», а «Савурою, себто Савою, звали в фортеці старого-престарого немічного, але дуже мудрого діда». Поэтому первую часть описательного варианта оронима – Савурина могила следует рассматривать как относительно-притяжательное прилагательное, образованное от имени Савура. Антропонимной версии происхождения топонима придерживался

К.К.Целуйко: к основе *Сав-* (из *Сава*) был присоединён суффикс *-ур(а)* с уменьшительно-ласкательным значением, как и в именах *Са-шура*, *Митюра* и под.¹ Высказано также мнение, что в названии *Са(в)ур* отразился этноним *севера* или название кочевых скотоводческих племен, родственных скифам, – *савроматы* и даже «общее имя всех босфорских царей» *Савромат* (Прудников, 8).

Сейчас уже невозможно установить, появились ли названия всех рассмотренных выше Саур-могил в Северном Приазовье независимо друг от друга (это позволило бы предположить, что в древности таких имён в этом регионе могло быть больше), или же некоторые из них (очевидно, запорожские Саур-могилы) позднего происхождения, так как появились благодаря переносу широко известного топонима на новые географические объекты.

СВЁЧКА. памятник воинам Советской армии, погибшим во время Великой отечественной войны, в г. Макеевке, Донецкой области. Имеет форму стелы, суживающейся кверху; у подножья раньше горел вечный огонь. *Я его уже второй раз встречаю у Свечки, где-то там живёт...* (запись 2007 г.). См. также **Голова**.

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ. Самый крупный правый приток Дона. По мнению академика Б.А.Рыбакова, участок среднего и нижнего течения Северского Донца, а также современный Дон от его дельты («гирл») до устья Донца в XVII в. именовался *Доном* или *Доном Великим*. Представления о том, что является главной рекой, а что её притоком, в XII в. отличались от современных. Академик О.Н.Трубачёв допускает, что в связи с «распространением салтовской культуры на этот регион аланское, осетинское *don* «вода» применялось в течение какого-то времени недифференцировано, и к Дону, и к Донцу», и *Великим*, этот приток нынешнего Дона был назван потому, что «великое, как правило, знаменует направление миграции, экспансии» обживавших Поле северян – «от Малого Донца до Великого Дону»², «К Дону Великому», т.е. среднему течению нынешнего Донца, преследовал хана Кончака князь Игорь Свято-

¹ Цілуйко К.К. «Топонімія Покровського району Дніпропетровської області. – Мовознавство. Т. XIV. – К., 1957. – С.86.

² Трубачёв О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). – М., 1993. – С.22.

славич («Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому»), и где-то здесь, «на речѣ на Каялѣ у Дону Великаго» произошла в 1185 г. битва русских с половцами. Просто *Дон*ом именуется современный Северский Донец и в некоторых летописных текстах (например, в Московском летописном своде конца XV в., под 1105, 1114 и 1116 гг.). У Дона, или *Дона Великого* (здесь *великий* – «большой»), имелись притоки, названия которых образовались от этой же основы при помощи суффикса *-ец* с уменьшительным значением. Ср. аналогичные формы в донской гидронимии: *Хопрец* – рукав Хопра, *Изюмец* приток Изюма, *Торец* – приток Тора и т.д. Об одном из таких Донцов, притоков Дона Великого в его верхнем течении, сообщается в «Слове о полку Игореве»: далеко ушедший в половецкую степь Игорь «мыслию поля мѣрять отъ Великого Дону до Малаго Донца», т.е. до какого-то притока Северского Донца в его верховье. По мнению Б.А. Рыбакова, это был правый приток Северского Донца речка Уды (Уда), где в эпоху «Слова» находилось одно из поселений северян с названием *Донец*, повторившим гидроним (сейчас это часть территории Харькова). Деминутивное значение формы *Донец* было подчеркнуто прилагательным *малый*. В своём верховье Северский Донец разветвляется на несколько небольших речек и ручьёв, одинаково названных *Донцами*, но с разными уточняющими определениями: *Сажной*, или *Саженой Донец*, в «Книге Большому чертежу» 1627 г. и в других документах начала XVII в.; в XIX – XX вв. *Саженский Донец*, т.е. «узкий, шириной в сажень»; *Липовый Донец* в «Книге Большому чертежу»: «речка Донец Липовой» (в некоторых документах XIX в. – *Липовский Донец*). Был ещё *Валуиченин Донец*, который тянулся в сторону города Валуйки. Все эти Донцы в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1566 г. именуются «верховскими Донцами». В прошлом географические объекты нередко служили ориентирами, хорошо известными названиями которых мотивировались возникающие топонимы – имена рек и их створов. Например, по свидетельству «Статейного списка похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейна» (1697 г.), правобережье Северского Донца в XVII в. именовалось *валуйской стороной*, а левобережье – *азовской стороной* реки. Одним из «верховских Донцов» был *Донец Северский*. Самая ранняя фиксация этого гидронима относится к началу XVI в. (1515 г.): «повыше Северского Дон-

ца». В материалах XVII в. зарегистрированы случаи употребления гидронима *Северский Донец* как названия одного из незначительных источников, питающих реку в её верховье, например: «межь Северскаго и Сажного Донца». В одном из документов 1637 г. приводится целая триада «верховских» *Донцов*: «а большая Муравская сакма лежит верх Липоваго и Сажного Донца и верх Донца Северскаго»¹. Последний *Донец* своим течением протянулся в сторону *Северской земли*, или *Северы*. Очевидно, по этой же причине получила название *Северец* также одна из речек в бассейне Сожи, левого притока Днепра, И наоборот, приток Сейма *Семица Донецкая* (бассейн Десны, притока Днепра) получил свое определение оттого, что начинался недалеко от верховьев Донца.

В восточнославянской гидронимии отсутствуют названия крупных рек с уменьшительным суффиксом *-ец*. Поэтому *Донец* следует рассматривать как уменьшительную форму современного гидронима *Дон*, а *Дона* древнерусской эпохи, в среднем и нижнем течении получившего определение *Великий*. Гидронимы на *-ец* в бассейне современного Дона всегда относятся к небольшим водным артериям, что нельзя сказать о широком и полноводном Северском Донце в месте его слияния с Доном. Заселение бассейна реки в XVI-XVII вв. в юго-восточном направлении (к Азовскому морю) привело к тому, что прежнее локально ограниченное название одного из «верховских Донцов» – *Донца Северскаго* постепенно перемещалось вниз по его течению и вытесняло прежние его наименования *Дон* и *Дон Великий*. Этому сопутствовало и активное заселение в данное время земель по нынешнему Дону, который стал восприниматься как главная река бассейна. Благодаря этому форма *Донец* позднее вступила в новую мотивационную связь с гидронимом *Дон*, относящимся к современному объекту этого собственного имени.

С XV в. отмечается употребление гидронима без определяющей части, значение которой в гидрониме, ставшем названием всей реки (от верховьев до устья), постепенно демотивируется. В «Книге Большому чертежу» приводятся обе формы – полная, т.е. описательная, и сокращённая (*Северский Донец* и *Донец*). Только один раз в источниках нам встретился вариант названия *Донецкий колодезь*

---

¹ Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. – Воронеж, 1890. – С.10.

(в документе 1691 г.) с нетипичным употреблением народного географического термина *колодязь* «ручей, речка» по отношению к большой реке. Но этот гидроним относится к харьковской зоне течения Северского Донца, где он менее полноводный и где в XVII-XVIII вв. изобиловали составные названия его притоков с данным термином (ср. речки и ручьи *Белый Колодезь*, *Синий Колодезь*, *Разрытый Колодезь*, *Лозовой Колодезь* и др.). В документах XVI-XVIII вв. (например, в Лебедевской летописи под 1559 г. и др.) нередко отмечается также вариант *Сиверский Донец*, например: «перешли Сиверский Донец» (1671 г.) и т.д.

Начиная со 2-й половины XVII в. в памятниках письменности засвидетельствована искажённая форма гидронима *Северный Донец*, сохранившаяся до нашего времени (встречается в разговорной речи). Она появилась благодаря «народной этимологии», ставшей возможной после забвения былой связи гидронима с историко-географическим понятием и названием *Северская земля*, *Севера* (обширная территория в бассейнах Сейма и Десны), уже в XVIII в. переставшими употребляться в источниках. Вследствие этого произошла замена семантически неясного прилагательного *северский* на привычное и близкое по звучанию слово (пароним) *северный*. Ошибочная форма *Северный Донец* получила широкое распространение уже в XVIII в. и особенно в XIX – первой половине XX в. – в языке художественной литературы, прессы, в научных публикациях и различных картографических материалах (например, на военно-топографической карте-трёхвёрстке, составленной в середине прошлого века военными топографами Генерального штаба). В наше время, начиная с 60-х, благодаря усилиям учёных и краеведов, постепенно восстановилось употребление исторически правильной формы *Северский Донец*. Сейчас она стала нормативной.

В античную эпоху Северский Донец у древнегреческих авторов *Гиргис* (Геродот, кн. «Истории» – «Мельпомена»; как приток Танаиса, т.е. Дона). В латинском издании (1556 г.) книги немецкого дипломата З. Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг. (на русском языке) помещена карта России, где Северский Донец именуется как *Minor Tanais vel Donecz*, т.е. «Малый Танаис, или Донец» Примерно так же обозначен Донец и на карте России С. Нейгебауэра, 1612 г.: *Dotiez sive Tanais Minor*. Надпись *Minor Tanais* или *Tanais minor* находим на карте юго-восточной России

С. Монстера (1559 г.), на карте России И.Магина (1596 г.). Прилагательное *Sewerski* впервые появляется на карте южной России Г. Меркатора, изданной в 1595 г. При этом данное определение в многословном латинском названии относится не к славянскому, а к античному гидрониму *Tanaic: Donetz id est minor Tanais Sewerski cognomine quod in Sewera oriatur* («Донец, т.е. малый Танаис Северский, названный так потому, что в Севере начинается»). Однако на карте России Г. Меркатора, изданной в 1694 г., надпись становится уже короче и более точной. Оба гидронима – славянский и искусственный греко-латинский (принятый в европейской картографии XVI-XVII вв.) приводятся на ней одновременно (между ними – соединительный союз), но славянская форма поставлена на первое место: *Douez Sewerski flu. et Tanais minor* («река Донец Северский и Малый Танаис»). На карту южной России И. Масси 1633 г. нанесен только славянский гидроним (в искаженном виде): *Serensci Donetz fl.* (в верховье надпись: *Donetz reca*).

На картах Г. де Боуплана находим передачи только одиночного названия: *Donice R.* (карта «Польша», середина XVII в.) и *Doniec R.* (карта Украины 1660 г.).

СЕМАШКО. Неофициальное название одного из концов Кировского р-на Донецка по имени улицы имени Н.А. Семашко, известного организатора здравоохранения РСФСР.

СЕРДИТОЕ – посёлок городского типа в Шахтёрском р-не. Основан в 1904 г. в связи со строительством железнодорожной станции. Населённый пункт и станция, а также построенная на месте старого угольного склада в конце 20-х годов прошлого века сортировка «Сердитая» вначале носили такое же название, но женского рода, повторяющее название балки *Сердитой*, вблизи которой они находились (п.п. Орловки, л.п. Крынки, п.п. Миуса). Название селения появилось благодаря контактному переносу собственных имён: ороним (название балки) → эргоним (сортировка «Сердитая») → ойконим. На последнем этапе трансонимизации собственное имя получает флексию среднего рода, выполняющую ойконимообразующую функцию.

СКОЛЬКО САХАЛИНОВ В ДОНБАССЕ? Оказывается, много. Есть также и *Камчатка*. Эти названия носят части некото-

рых сёл, посёлков и городов Донетчины, которые когда-то были или в настоящее время являются их отдалёнными окраинами. Дело в том, что наши предки иногда использовали уже готовые и хорошо известные имена очень далёких от них географических объектов, перенося их на отдалённых от их места жительства участки территории, где они проживали. особенно «повезло» в этом отношении названию острова у восточных берегов Азии в Охотском море – *Сахалину*, дальше которого уже не было родной земли. Это географическое имя превратилось в неофициальное название «концов» целого ряда населённых пунктов нашей области – Ивановки (Славянский р-н), Краснополя и Первомайского (Добропольского р-на), Свиридовки (Красноармейского р-на), городов Славяногорска, Дмитрова и др. Так назывался и участок непригодной для возделывания земли села Новожеланного в Красноармейского района. А вот *Камчаткой* в народе именуется одна из окраин города Дружковки.

Название полуострова на северо-востоке Азиатской части России – *Камчатка* уже давно у русских людей ассоциировалось с представлением о чём-то весьма далёком. Как о «пределе в Российском государстве», писал о Камчатке в своём знаменитом «Лексиконе Российском» (1793 г.) В.Н.Татищев. Как о крае земли русской, куда царское самодержавие ссылало неугодных ему вольнодумцев, говорится о Камчатке и в комедии А.П.Сумарокова «Опекун» (1765 г.), и в памятнике староукраинской литературы (XVIII в.) «Сатире невідомого селянина», и в сатирическом «Плаче киевских монахов», датированном 1786 годом («Когда б знать, что не будь за то в *Камчатке...*»). Интересно, что в письме декабриста М.П.Волконского И.И.Пушину от 25 мая 1841 г. употреблено слово Камчатник, которым М.П.Волконский называл отдалённую заимку на Ангаре («Жена здоровьем по-прежнему, теперь на *Камчатнике*, т.е. близ Усть-Куды, на ангарской своей заимке... И ещё: «Я сижу в Урике, а на *Камчатнике* только наездом»). Неспроста задние парты в классной комнате или задние ряды в зале мы и сейчас шутливо именуем *Камчаткой*, а сидящих на них – *камчадалами*. Так что тем жителям старой Дружковки, кто назвал одну из её окраин *Камчаткой*, в остроумии, согласитесь, не откажешь.

Точно так же в переносном значении «что-то весьма отдалённое» в русской разговорной речи стало употребляться и название группы островов в Белом море, которая по имени главного острова

архипелага – Словецкого именуется ещё Соловками. Благодаря этому топоним *Соловки* приобрёл способность быть перенесенным на совершенно иные географические объекты, находящиеся на другой территории. Главное – чтобы они были далёкими от тех, кто их так именуется. У нас в Донбассе это, например, неофициальное название одной из частей Ленинского района города Донецка и находящегося здесь рынка (раньше это место действительно находилось на отшибе, было одной из отдельных городских окраин), а также «куток» села Фёдоровки Великоновоселковского района нашей области.

СКОТОВАТАЯ – балка в бассейне Казённого Торца, п.п. Северского Донца. От *скот* – ‘нора, пещера’. Ср. в записях народных преданий о Запорожье, собранных Я.П.Новицким: «Ще, кажуть, в Гадючій бальци водылысь полозы, а нызче порога Гадючого на островочку була, та и тепер есть *скоты*, де жив Змій с трема головами... На Хортыци якраз у Вісчій Голови, есть и тепер глибока *скота*, ми її так Зміевою и звемо» (запись 1886 г.); «Там бабакив було бильше, ниж аврахив. Ото шо зосталось на цылыни густо могылки невеличкы – то их *скоты* були (...) Булы бобры – и ти *скоты* робылы соби в води» (Запись 1887 г.; информанту было 88 лет) (Я.П.Новицкий. Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине 1875-1905 гг. (Репринтное воспроизведение издания 1911 года). – Рига, 1990 г. – С.18, 54). Ср. также *скота* – ‘логовище, нора’ и др. у. Екатериносл. г. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. – Харьков, 1890 г. – Т.2. – Вып. 2. – С.192), ‘нора лисы’ (Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. – С.490).

СКУЛІ ТАРАМА́. Балка, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса (запись 1974 г.). Впадает в Волноваху возле города Волноваха. Первая часть этого описательного названия этимологизируется на основе румейского слова *склы*, урумского и крымскотатарского *ускюлі* ‘лён’, которое определяет урумский географический термин *тарамá* ‘балка’. На склонах этой балки, очевидно, когда-то были посеы льна. Менее вероятна связь с румейским слово *шклы/шкли/щилы/шчили* ‘собака’. Тогда это ‘собачья балка’. Оба слова объединены в словосочетание по типу тюркского топонимического изафета, т.е. без грамматических аффиксов у его членов.

СЛАВЯНСК. Город на севере Донецкой области, центр Славянского района. До 1784 года назывался Тор. Это название он получил от урочища *тор*, именование которого восходит к р. *Тор* (теперь *Казенный Торец*, правый приток Северского Донца). Урочище Тор (иначе – Торские озёра), куда отовсюду приезжали для «соляного варенья» (здесь были знаменитые соляные промыслы, основанные в 1701-м и закрытые в 1782 г.), часто упоминается в различных документах.

Несмотря на то, что *Тор* был официально переименован в *Славянск*, его название привилось не сразу: в конце XVIII – начале XIX в. «крепость» Славянск ещё нередко именовалась Тор. Чтобы не смешивать с названием города (Тор), реку впоследствии стали именовать Торцом.

Существует легенда о том, что топоним *Славянск* возник благодаря позднейшей народной переделке более ранних названий – *Солеварск* и *Солеванск*. По мнению В.А.Никонова, в указе Екатерины II о преобразовании поселения Тор в город и о переименования его в Славянск отразилось «сочувствие борьбе за освобождение южных славян от турецкого ига»¹. Но, видимо, главной причиной послужило то, что название *Славянск* появилось сразу после присоединения Крыма к России, когда обширные пространства Северного Причерноморья и Приазовья вошли в состав Русского государства. В названии города на Торце отразился факт возвращения восточных славян на свои исконные южные земли.

СЛАВЯНСК и СВЯТОГОРСК. На севере Донецкой области находятся хорошо известные издавна Святые горы – урочище, за которым на левобережье Северского Донца в XVII в. уже начинались русские земли, или Русь. В одном из документов 1649 года можно прочесть: «на Русь рекою Донцом к Святым горам». В росписи донецким сторожам (т.е. сторожевым постам), датированной 1571 годом, значилась и Святогорская сторожа, которая располагалась «на сей (т.е. левой) стороне Донца против Святых гор». Святые горы упомянуты и в Львовской летописи под 1547 годом. Тут на крымской, то есть правой, стороне Донца, вероятно в конце XVI столетия возникает Святогорский монастырь, который в 1691 году

---

¹ Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – С.386.

уже значился среди «городов» (т.е. укрепленных поселений) Харьковского полка. В первые годы Советской власти, согласно низовому районированию на 1 января 1924 года, Святогорская волость входила в Гришинский район Бахмутского округа, тогда как город Славянск был центром Славянского округа. Искусственно созданное наименование *Славяногорск* пришло на смену более раннему географическому имени – Банное. Так называлось до 1964 года село (по озеру Банному), когда оно было повышено в административном «ранге» и стало городом, имеющим типичную для названий наших городов форму (суффикс *-ск*). Элемент *-горск* представляет собой весьма распространённую в современной топонимии основу, связанную по смыслу не только со словом *гора*, но и тождественную другому слову – *город*, как например, в названии одного из городов нашей области – Углегорска (до 1958 года – Хацапетовка), буквально значащего «город угля, Углеград».

Сравните ещё другие современные названия городов с этим компонентом: Лениногорск (в Восточно-Казахстанской области и Татарстане), Электрогорск (Московская область), Зеленогорск, Светлогорск, Бокситогорск (все в Ленинградской области), Железногорск (Курская область) и другие. А вот имена других городов, где *-горск* первоначально соотносился с горой или горами: Медвежьегорск (на берегу Онежского озера), Синегорск – на острове Сахалин, Каменогорск (Ленинградская область), Черногорск (Красноярский край), Высокогорск (в Приморском крае) и много других.

Сейчас уже трудно судить, на что ориентировались создатели названия Славяногорск – на горы (сейчас бывшие святые горы переименованы в Горы Артёма) или на город. Скорее всего на последнее слово, а связь с горами здесь побочная. Но она устойчиво присутствует в сознании говорящих, и концовке топонима *-горск* поэтому воспринимается нами как бы в других ракурсах: это «город среди гор» Уж слишком хорошо известна эта особенность пейзажа нашей «донецкой Швейцарии». Что же тогда означает начальный компонент данного географического имени? Он заимствован из названия Славянского района нашей области, в состав которого входит Славяногорск. Таким образом, первичный и теперь уже затаённый смысл топонима Славяногорск – это «город Славянского района». В настоящее время топониму *Святогорск* вернули его исконное значение, мотивированное *Святыми горами*.

СМОЛЯНКА. Исторически сложившийся микрорайон Донецка. Находится возле урочища Бахмутка, на границе Ворошиловского и Куйбышевского районов города. Урбаноним (название внутригородского объекта) Смолянка имеет уже устаревший вариант *Смоляниновка* из первичного словосочетания *Смоляниновская гора*, т.е. возвышенное место, связанное с фамилией Смолянинова. У её обладательницы Джон Юз арендовал земли под строительство каменноугольных копей для нужд расположенного невдалеке металлургического завода.

СНЕЖНОЕ – город областного подчинения. В «Истории городов и сёл УССР» его название подано с редкоупотребительным в живой речи ударением на первом слоге – *Сне́жное*. Расположен на вершине речки (мокрой балки) Погорелой (или Ореховой), л.п. Крынки, п.п. Миуса, на высоком кряже возле урочища Леонтьев Буерак. До 1864 г. называлось *Васильевка*. Основан на почтовом тракте как постоянный двор в 1784 г. старшиною Иваном Васильевым (отсюда *Васильевка*) в урочище *Снежное*. «В XVIII в. почтовые ящики так («Снежное место». – *Е.О.*) называли балку Погорелую (ныне центр города Снежное), которая в зимнее время становилась непроезжей из-за снежных заносов» (История городов и сёл УССР. Донецкая область, с.632).

СОЛОВКІ. Неофициальное название части Ленинского района Донецка и находящегося здесь рынка, а также одного из «кутков» села Фёдоровки Великоновоселковского района. Так раньше называли всякие места отдалённого проживания, доступ куда был связан с определёнными трудностями (говорили: «Живу на Соловках», «Вам хорошо: вы из центра, а мне к себе на Соловки добраться не легко»).

СОРБО́ННА. В студенческого жаргоне название корпуса гуманитарного факультета Горловского государственного педагогического института иностранных языков им. Н.К. Крупской (г. Горловка, Донецкая область). Раньше здесь помещался факультет французской филологии, студенты которого присвоили этому зданию распространённое второе название Парижского университета, основанного в 1215 г. и в 70-е годы прошлого века реорганизован-

ного в 13 самостоятельных университетов. В русском языке собственное имя *Сорбонна* получает референтную коннотацию ‘высшее учебное заведение’ (с иронической окраской). В настоящее время студенты этой специальности занимаются в другом учебном корпусе, неофициально именуемом *Бастилия* (см.).

СТА́ЛИН МОСТ. Место купания в селе Улаклы Великоново-селковского района (запись 1982 г.). Вариант: *Стальмост* (запись 1968 г.). Характерная для урумской топонимии конструкция, состоящая из собственного имени (в данном случае – посвятительного компонента эргонима, выступающего в географическом имени в роли определения) и определяемого апеллятива, т.е. ‘Сталинский мост’. Моста на этом месте уже нет. Мост был построен через речку в начале 30-х годов прошлого века и соединял земли колхоза имени *Сталина* (отсюда в топониме эргонимный компонент *Сталин* из посвятительной части эргонима *имени Сталина*) и совхоза «Гигант». Часть информантов первую часть названия (*Сталь* вместо *Сталин*) уже связывают со словом *сталь*: «Никакого *стального* моста уже нет» (запись 1968 г.), что свидетельствует о забвении причины номинации этого географического объекта.

СТАНДА́РТ. Неофициальное название северо-восточной части Ленинского р-на Донецка. Посёлок с этим именем возник в годы первых пятилеток, когда городские окраины застраивались домами по типовым проектам.

СТАРОБЕ́ШЕВО. Посёлок, районный центр. Селение основано в 1779 г. урумскоязычными греками. Перенесенный топоним: в бывшей Фулььской области Бахчисарайского каймаканства было село с татарским именем *Бешев*. Название состоит из числительного *беш* ‘пять’ и существительного *эв* ‘дом, жилище’, т.е. ‘пять домов’. Это числительное отразилось в разных национальных топонимиях. Ср. *Бешкент* – районный центр в Узбекистане (*беш* пять ‘+ *кент*, слово иранского происхождения со значением ‘селение’); названия из украинской и русской топонимии: *П’ятихátки* (город в Днепропетр. обл.), *Пять Изб* – одна из донских станиц в XVII в.; *П’ятихátка* – название «улицы в несколько домов, маленькой улицы» в селе Бочечки, Конотопского р-на, Сумской обл.; *П’ятиуглі́* –

«площадь, место соединения улиц» в селе Сосница и «часть села» Репки Черниговской обл. и др. Поэтому неверно утверждение о том, что село Старобешево основали пять семей первопоселенцев. На самом деле в основании села участвовало около двухсот человек.

До 1896 г. село чаще всего именовалось *Бешев*. В такой первичной форме ойконим преобладает в официальных документах до начала XX в. Её, например, использует и протоиерей С.Серафимов в своей книге «Крымские христиане (греки) на северных берегах Азовского моря» (Екатеринослав, 1901, 15, 16, 26 и др.). Со временем финаль *-ев* стала восприниматься как суффикс. Благодаря морфологической адаптации в украинско- и русскоязычной среде под влиянием топонимов типа *Селидово*, *Иваново* ойконим *Бешев* получает и окончание среднего рода. Впервые с флексией среднего рода он зафиксирован в конце XVIII в.

Подобного рода переосмысления конечных частей адаптирования иноязычных топонимов и появление «псевдосуффиксов» можно найти в разных местах украинско-русского топонимного пространства. Например, название татарской деревни вблизи Севастополя – Дуванкой (*дуван* ‘высокое открытое место’ + *кой* ‘деревня’) в русском языке было переделано в *Дува́нка*, где *-ка* – псевдосуффикс из *кой*. Во втором томе «Географическо-статистического словаря Российской империи» П.Семёнова об этом селении сообщается: «*Дуванкой* (простор. *Дуванская* или *Дуванка*)». Степная речка в Крыму *Суджилка*, где *су* ‘вода’, а *джылга* ‘речка, протекающая в овраге’.

Начальная – определительная часть топонима *Старобешево* возникла как «отклик» на название села *Новобешево*, основанного в конце 90-х годов XIX века крестьянами, выселившимися из Бешева. Однако современная форма ойконима в начале XX в. употреблялась нерегулярно, в это время господствует ещё *Бешево*.

СТАРОИГНАТЬЕВКА. Село в Тельмановском р-не. Основано в 1779 г. переселившимися из Крыма вместе с греками, грузинами и валахами. Вначале было названо *Игна́тьевкой* – в честь митрополита Игнатия. После 1885 г., когда валахи (молдаване) выселились и образовали *Новую Игнатъевку*, или *Новоигнатъевку*, село стало называться *Старой Игнатъевкой*, или *Староигнатъевкой*. Варианты ойконима: *Игнатовка* (1904 г.); *Дубовка* – уже устаревшее название по одноимённой речке, притоку Кальмиуса, в верховье которой

расположено село (1904 г.); *Гюрджі́, Гурджі́, Гюрджю́* (1970 г.). Хотя коренные жители – потомки грузин, но считают себя греками и говорят на урумском диалекте, в котором *гюрджі́, гурджі́* – ‘грузин’ (ср. крымскотат. *гурджи́* ‘грузин, грузинский’). Отсюда автоэтноним (их самоназвание) *гюрджю́лер*. В других сёлах встречается урумская «уличная фамилия» (коллективное произзвище) *Гюрджю́лю* (запись 2000 г.). Так называли выходцев из Староигнатьевки. В ряде документальных источников XIX в. село это представлено с искусственным наименованием *Грузинская слобода*. Неофициальное название *Гюрджі́* сохранилось в речи старшего поколения жителей села. В 80-е годы XX в. часто ещё можно было услышать: «поехал в *Гюрджі́*», «живёт в *Гюрджі́*» и т.д. Таким образом, ойконим *Игнатьевка* и другие параллельные названия села не являются перенесенными из Крыма топонимами, так как в Крыму грузины и волохи были только в качестве пленных и особых сёл не имели.

СТАРОЛА́СПА. Село в Тельмановском р-не, на реке Кальмиус. Основано в 1782 г. греками-урумами, переселившимися из Крыма. Значительная часть их была из крымской деревни *Ласпи*, другие переселенцы – из сёл Алсу и Качи-Кальен. В XVIII-XIX вв. ойконим употреблялся без уточняющего определения (*Старая*), имевшего значение ‘изначальная, первая’. После появления в 1924 г. выселка – *Новой Ласпы (Новоласпы)* ойконим стал составным описательным названием, превратившись в одно сложное слово *Старо-ласпа*. Форма *Ласпа* образовалась благодаря морфологической адаптации – под влиянием славянских ойконимов с окончанием *-а* и географического апеллятива *деревня*. В названии крымского селения *Ласпи* отразился греческий апеллятив *ласпи* ‘грязь’ (ср. новогреч. *λασπη* ‘грязь’). Место, где находилось крымское село Ласпи, очевидно, отличалось топким, болотистым грунтом. Этот природный признак лёг в основу названий многих селений, например: *Грязи* – в Липецкой области, *Чёрная Грязь* – в Калужской области, *Калуга* (от *кал* ‘грязь’) – в Саратовской области России; *Илово* – в Минской области Белоруссии; *Кальниболота* – в Кировоградской области Украины и др.

СТАРОМЛІ́НОВКА. Село в Великоновоселковском р-не. До 1947 г. – *Стáрый Керменчі́к*. Варианты: *Старомлѝновка* (карта

«Донецкая область», М., 1991 г.); *Керменчѣк* (1901 г.); *Стáрый Керменчѣк* (в деле греческого суда 1818 г., №297; 1901 г.); *Кременчѣк*, *Кременчик*. Искажѣнное произношение ойконима отмечается в живой речи жителей соседних сѣл и в наши дни: *Кременчѣк*, *Кременчѣг*, *Кременчѣк* (2002 г., сообщение краеведа из села Старомлиновка С.К.Темира). Основано в 1779 г. греками – переселенцами из крымских сѣл *Керменчик*, Албат, Бия-Сала, Улу-Сала и Шюрю. Судя по ведомости А.В.Суворова, больше всего было выходцев из первого села (465 чел.), что и предопределило закрепление его названия в качестве основного на новом месте поселения. В 1930 г. существовал Старокерменчикский (Старо-Керменчикский) район. По языковой принадлежности греки, основавшие Старомлиновку, были урумами. Тюркским по происхождению было и перенесенное в Северное Приазовье название крымского села *Керменчик* – от *кермѣн* ‘крепость’ с суффиксом *-чик*, имеющим уменьшительное значение, т.е. ‘небольшая крепость, укреплѣнный городок’.

Определение *Стáрый* топоним *Керменчик* получает после образования в 1793 г. выселков восточнее села Керменчик – селения *Новый Керменчик*, или *Ново-Керменчик*. Сейчас это село *Новомлиновка*, Розовского р-на Запорожской области, которое прежде носило ещё одно тюркское имя уже местного происхождения – *Дорт (Дорд)-Обá*, или *Дортубá* ‘четыре бугра’, появившееся благодаря контактному переносу на селение уже существовавшего омонимичного имени близлежащей группы холмов. Количественный состав населения Старого Керменчика и Нового Керменчика в 20-е годы ХХ в. был уже примерно одинаковым. В 1906 г. близ села Новопетрировка Великоновоселковского р-на появились новые выселки – *Малый Керменчик*, по близнаходящейся балке именовавшиеся также *Яриѣз*.

СТÁРЫЙ КРЫМ. Посѣлок городского типа. В настоящее время находится в черте города Мариуполя. До революциии входил в состав Мангушской волости. Такое название носит и железнодорожная станция в 15 км восточнее посѣлка. Ойконим зафиксирован многими источниками с начала прошлого века. Редкий вариант: *Ескѣй-Крым* (1901 г.). Основан в 1779 г. переселенцами из крымского села *Эскѣй Крым (Ескѣй-Крым)*. Калькой этого топонима и является название

Старый Крым (урум. и крымскотат. *эски* ‘старый’). Таким образом, это перенесенный топоним. Селение с таким же названием *Старый Крым* существовало в начале XX в. и на территории Старокерменчикской волости Мариупольского уезда. Сейчас его уже нет.

СТЫ́ЛА. Село в Старобешевском р-не. Основано в 1779 г. греками-румееями, выходцами из одноимённого села *Стиля* в Крыму. Его варианты: *Стила* и *Стыля́*. Так называют это село и сейчас многие жители посёлка Старобешево. В основе крымского ойконима лежит греческий апеллятив *στήλη* ‘столб’, ‘колонна’. Вероятно, при номинации селения эта реалия послужила для него отличительным признаком. В языке приазовских румеев ему соответствует *палы́* ‘столб’ и *сты́ригма* ‘колонна’. Ср. крымские топонимы: село *Стиля/Истиля*, овраг *Стила* (впадает в Сартану), горный проход *Стиля-Богаз*. Катоиконимы: *стылавча́нин*, *сты́ловец*, *стыльский*; *стылавча́нка*, *сты́льская*; *стылавча́не*, *сты́льцы*, *сты́ловцы*, *сты́льские*. В соседних селениях жителей *Стылы* нередко именуют *попóвы* (*Попов* – одна из самых распространённых фамилий в селе).

Народные толкования топонима: 1. От слова *эстелла* ‘звезда, восходящая на южной стороне небосвода’ (Темир-«Логос», 1994 г., №4/55); 2. От румейского словосочетания *ста сту ил* ‘стой возле солнца’ (запись 1973 г.).

СУВА́Т. Балка, л.п. Сухих Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра (Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии, середина XIX в.). Впадает в Сухие Ялы возле сёл Константинополь и Улаклы на севере Великоновоселковского района. Топонимизированный урумский географический термин *суат* ‘место водопоя домашнего скота’.

СУ́ДЖИ – название части («кутка») села Великая Шишовка, Шахтёрского р-на. До конца XIX в. – самостоятельный хутор. После слияния с соседними хуторами – Пушкарёвым и Кияном образовалось современное село с общим названием *Шишовка* (после выселения из него части жителей и образования *Малой Шишовки* получившее название *Великая Шишовка*).

Происхождение названия жителям села уже неизвестно. Первопоселенцем хутора мог быть человек с прозвищем *Суджа* оттопо-

нимного происхождения. (ср. город *Суджа* в Курской области России). Ср. современные отпрозвищные фамилии *Дон*, *Самара*, *Астрахань*, *Полтава* и под., принадлежащие жителям Донбасса. Эти прозвища указывали на то, откуда родом или откуда пришёл, где побывал человек. Потомков *Суджи* стали именовать *Суджами*, и на базе этого уже группового прозвища позднее образуется ойконим с первоначальной семантикой ‘селение, где проживают люди с групповым прозвищем *Суджи*’.

Аналогией может служить название хутора *Хопры́* в бывш. Черкасском округе (сейчас – железнодорожная станция Хопры). Хутор был основан в XVII в. казаками, выходцами из Новохоперской крепости – «с Хопра». Данный ойконим возник как общее прозвище хуторян, данное жителями соседних поселений. Типизирующее значение формы множественного числа антропонима совпало с топонимобразующей функцией окончания *-ы*.

Но могло быть и другое происхождение формы ойконима *Суджи*: имело место переосмысление как формы именительного падежа мн. ч. более ранней формы родительного падежа ед. ч. со значением принадлежности, как *Роя́*, *Кири́я*. (– Чьи? – *Роя* (человека с фамилией *Рой*), *Кири́я* (человека с фамилией *Кири́о*)).

СУЛЬМЭ́Н ОЛЬГЭ́Н. Балка восточнее посёлка Старобешево, л.п. Балтамура, л.п. Сухой Волновахи, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Имеет в верховье левый отрог с названием *Сульмэ́н-Ольгэ́н-Хула́х*. Топонимизированное глагольно-именное словосочетание, первая часть которого – антропоним *Сульмен* (фонетический вариант мужского личного имени Сулеймен, Сулейман), а вторая – причастная форма от урумского глагола *ольмэк* ‘умирать’. Значение топонима ‘Сульмен умер’. Здесь находилось его захоронение. Ср. балку с аналогичным именем *Горгóр Ольгэ́н (Горгорольген)* ‘Григорий умер’ – п.п. Столовой балки, п.п. Кальмиуса. В этой балке на военно-топографической карте-трёхвёрстке¹ обозначено кладбище. Трёхсловное (но двухкомпонентное) название левого отрога балки представляет собой топонимический изафет, в котором в роли определяющего члена выступает глагольно-именное словосочетание, а

¹ Военно-топографическая карта Екатеринославской губернии (середина XIX в.).

определяемым компонентом является урумский географический термин *хулах* ‘глубокая балка, овраг’. Вполне возможно, что существовал и трёхсловный двухкомпонентный вариант названия балки – **Сульмэн Ольгэн Тарамá* с географическим термином *тарамá* ‘балка’, впоследствии утраченным. Ср. также в топонимии Крыма: озеро *Илькен-Коль* (возле Феодосийского залива).

Т

ТАВЛУ́ ТАРАМА́. Балка, л.п. Кальчика, п.п. Кальмиуса (запись 1973 г.). В основе этого урумского названия лежит апеллятив *тавлá* ‘конюшня’.

ТАЙГАНЫ́ СТРА́ТА. Дорога, ведущая из села Стыла Старобешевского района на Таганрог (запись 1974 г.). В первой части описательного дримонима (названия дороги) отразилась старинная форма тюркского топонима *Тайган*, впоследствии упростившаяся и вошедшая в современное название города Таганрога. Эту звуковую форму мы находим в памятниках русской письменности XVII века: «к Тайгануругу», «до Тайгануругу» и т.д. Значение современного дримонима: ‘Таганрогская дорога’, ‘дорога на Таганрог’. Румейск. *стра́та* – ‘дорога’.

ТАРАМА́. Небольшая речка, л.п. Сухих Ялов, п.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Место впадения – возле с. Елизаветовки Марьинского р-на (рядом другие притоки Сух. Ялов – *Солодка* и *Икрянка*). Гидроним записан в сёлах Парасковеевка и Елизаветовка Марьинского р-на.

Перешедший в собственное имя (топонимизированный) местный географический термин, характерный для оронимии (названий степных балок) и гидронимии тюркоязычных приазовских греков, говорящих на урумских диалектах: *тарамá* – «ответвление балки, оврага или сама балка, овраг». Суффиксальное образование от тюркского глагольного корня *тар(a)*- ‘рассеиваться, расходиться; выходить из чего-то’. Ср. ещё: казах. *тарáм* ‘разветвление реки возле устья’, ног. *тарма́к* ‘ветка, ответвление, приток реки’.

ТАТ. Центральная часть села Раздольное Старобешевского района под скалой возле карьера, где добывался щебень (запись,

1966 г.). Топонимизированный старый этноним (название народа), ещё во 2-й половине XIX века относившийся к грекам-румеем. Вероятно, этот этноним румеем дали жители села урумы. В крымско-татарском языке слово *тат* имеет значение ‘горский и южнобережный татарин’.

ТАХЛЫ́. Балка севернее села Благовещенки Волновахского района (запись 1971 г.). Урумское название – топонимизированное прилагательное с основой *дах* (*даг*) ‘лес’. Результат разрушения полной формы топонима с географическим термином *тарамá* ‘балка’. *Тахлы тарамá* – ‘лесистая балка’. Её склоны были покрыты байрачным лесом, кустарником.

ТАШ ТУБЭ́. Холм возле посёлка Старобешево (запись 1970 г.). Урумское название, состоящее из географических терминов и являющееся изафетной структурой: определяемый термин *тубэ* ‘холм, курган’, определяющий – *таш* ‘камень’. Значение оронима – ‘каменистый холм, каменная степная могила’.

ТАШ ЧИХАРГАН ТЫНЬЯ́Х. Ставок в селе Старомлиновке Великоновоселковского района (запись 1970 г.). Смысл этого урумского описательного названия изафетного типа в том, что ставок появился на месте каменного карьера (*таш чихарган* ‘камень вынимали’: *таш* ‘камень’, *чихарган* – действительное причастие прошедшего времени с аффиксом *-ган* от глагола *чихармах* ‘вытягивать, вынимать’).

ТЕКСТІ́ЛЬЩИК. Посёлок в юго-западной части Кировского р-на Донецка. Здесь находился построенный в советские годы мощный хлопчатобумажный комбинат, который после получения Украиной независимости пришёл в упадок и ликвидирован.

ТОГАН. Луг, используемый под выгон скота у села Улаклы Великоновоселковского района (запись 1968 г.). Топонимизированный урумский географический термин *тогай* (*тугай*) ‘луг в пойме реки’.

ТОПА́Л ТУБЭ́. Холм в окрестностях посёлка Старобешево (запись 1962 г.). Урумский ороним изафетного типа: географиче-

ский термин *тубэ́* ‘холм, курган’ определяется прозвищем *Топáл* (от урум. *топáл* ‘хромой, калека’).

ТОПРА́Х ЧХУР. Глиняный карьер возле села Улыклы Великоновоселковского района (запись 1989 г.). Урумский топонимический изафет, состоящий из определения – существительного *топра́х* ‘глина’ и географического термина *чуху́р* (в разговорной речи – *чхур*) ‘впадина, котловина, ложбина’. Значение топонима: ‘глиняная яма, глинище’.

ТОПЧУ́ ТАРАМА́. Балка возле села Комар Великоновоселковского района (запись 1970 г.). Её другое название *Отрубя́*. Урумское название изафетного типа: географический термин *тарамá* ‘балка’ определяется антропонимом *Топчу́* (в наше время зафиксирован как фамилия, распространённая среди жителей села Старый Комар). Значение топонима: ‘балка Топчу’. Так прозванный человек (от *топчу/топчи* ‘пушкарь, канонир’; ср. *топ* ‘пушка; ядро’) имел в этой балке или возле неё хутор, или отруб. Отсюда и второе название *Отрубя́*.

ТОР И КРАМАТОРСК. По свидетельству Ипатьевской летописи, на реке Тор (сейчас это река Казённый Торец, протекающая по территории Донецкой области и впадающая в главный приток Дона – Северский Донец) после поражения на реке Каяле, или Сюурлий, в плену у половцев находился князь Игорь.

Вот как повествуется в летописи о бегстве Игоря из плена: «в заход с(о)лнца» «в пяток в вечере» (в пятницу вечером) посылает князь «конюшого своего» к половчанину Лавору, согласившемуся ему помочь, со словами: «перееди на ону сторону Тора с конем поводным». Когда охранявшие его половцы захмелели, напившись кумыса, и потеряли бдительность, пришел Игорь «ко реце и перебред» (перешёл её вброд).

Объяснение названия реки *Тор* возможно на почве как славянских, так и неславянских языков. Так, по мнению П.Е.Ваденюка, название *Тор* соотносится со славянским корнем *-тор-* (в словах *торный, проторить* и т.д.), «который выражает понятие движения» (Ваденюк П.Е. Где нужно искать ту реку..? – В кн.: Труды Третьего археологического съезда в России... Т. II. К., 1878). М. Фасмер в

«Этимологическом словаре русского языка» связывает гидроним со словом *тор* – ‘проложенная дорога’, *торный* – ‘гладкий, ровный (о дороге)’, укр. *тор* – ‘колея’ и т.д., а в более отдалённой этимологической ретроспективе – с праславянским глаголом **terti* ‘тереть’. Мотивами названия в этом случае могли быть: быстрое течение, размывающее берега (трением воды о них), вызванный этим шум воды. Однако принятию славянской этимологии мешает то обстоятельство, что река Тор в XII веке находилась далеко от южнорусских поселений. Название реке могло дать лишь более или менее постоянное население на её берегах. Ещё раньше (в 20-е годы) М.Фасмер высказал предположение об иранских («скифских») истоках гидронима: из *tūra* ‘быстрая’ (Iranier in Südrussland. – Leipzig, 1923).

Вполне оправданными, на наш взгляд, являются поиски этимологии гидронима *Тор* на тюркской языковой почве. Река эта протекала через кочевья крупнейшего восточного объединения половцев, а до них на этой территории обитали другие тюркские племена.

Возможно, что в основе названия *Тор* лежит тюркское прилагательное *тар* – ‘узкий’, ‘тесный’, ‘тонкий’. В большинстве тюркских языков оно представлено в данном звуковом виде, но известны и другие его варианты: узбек, *тор*, туркмен. и азерб. *дар*, уйгур, (диалектное) *та*. Корень этот выступает и как глагольная основа *тар* – ‘суживаться’. В значении ‘узкий’ слово *тар* зарегистрировано и в половецком языке (Comes Géza Kuun. Codex Cumanicus. Bndapestini, 1880). Такое название этот приток Северского Донца мог получить из-за того, что был узким по сравнению с какой-то другой расположенной неподалёку водной артерией, может быть, с самим Донцом.

Отождествлению гидронима *Тор* с тюркским прилагательным *тар* – ‘узкий’ мешает отсутствие перехода *a > o* в этом слове в большинстве современных тюркских языков. Но вполне возможно, что гидроним *Тор* образовался на почве диалекта половецкого (куманского) языка с чертами огузской группы языков, одной из которых было огубленное *a* в начальном слоге (*a > o > y*). При освоении славянами неясного половецкого названия *Тар* с лабиализованным *a* могло произойти сближение со словом *тор* – ‘дорога’, что и было впервые зафиксировано в тексте летописи. В настоящее время река *Тор* именуется *Казённым Торцом* (в документах XVIII века – *Казённым Тором*).

Старая основа речного имени *Тор* получила отражение в ряде названий населённых пунктов, расположенных возле реки, – *Краматоровка* (село бывшей Харьковской губернии), современный посёлок *Красноторка*, город *Краматорск* Донецкой области Украины. Несмотря на то, что вторая часть названия города *Краматорск* общая со старинным названием реки, она, однако, как мы увидим, непосредственно с самим гидронимом не связана.

Для многих уже совершенно неясна первая часть топонима. В народных легендах, проникших, кстати, и в некоторые краеведческие справочники и газетные статьи, она сблизается с украинским словом *крам* – «товар»: Краматорск, мол, возник в районе добычи соли, которая раньше была ценным предметом торговли. Отсюда восстанавливается нигде не зафиксированное название населенного пункта в виде словосочетания *Крам на Торе* или *Крам Торский* (Історія міст і сіл УРСР. Донецька область. К., 1970). Однако нам ничего не известно о существовании в данном районе в XVII-XVIII веках торгового центра, который бы специализировался на торговле солью – *крамом*. Вызывает серьёзные сомнения и сама возможность столь иносказательного обозначения в народной речи самой соли, которая во всех географических именах, к которым она имела отношение, выступает в своем прямом выражении: *Солигалич* < *Соли Галичские*, *Соликамск* < *Соли Камские*, *Сольвычегодск* < *Соли Вычегодские*, *Соль-Илецк* и т.д. Согласно другой версии, в качестве товара – *крама* выступала здесь вяленая рыба, которую будто бы продавали по пути домой чумаки, доставлявшие к Азовскому морю пушки. Чумацкий табор назывался будто бы *Крамовым торгом*, откуда, мол, после и появилось название *Краматорг*, изменившееся в *Краматорск* (Златокрылец Н.М. Краматорск, 1984). Уж очень искусственным, надуманным выглядит это пришедшее явно не из стихии народной речи образование – *Краматорг*.

Следует отклонить и попытку вывести название населенного пункта из более раннего *Краматорский завод*, а последнее – из франц. *crematoire* – «большая печь» (Никонов В.А. Краткий топонимический словарь). Дело в том, что данный завод (печи которого вряд ли когда-либо назывались *крематориями*) был построен в 1887 году в населённом пункте, уже носившем название *Краматоровка*.

В 20-е годы прошлого века ещё существовали названия двух посёлков – *Краматоровский* (*Краматорский*) 1-й и 2-й, а также *Кра-*

маторский район Бахмутского округа Донецкой губернии. На основе этих ранних форм – *Краматоровка, Краматоровский, Краматорский* и сложилось позднее название города *Краматорск*, в котором конечное *-ск* является топонимическим суффиксом, характерным для наименований населённых пунктов городского и поселкового типа.

В основе же ранних форм названия поселения лежит не сохранившееся уже и нигде не отмеченное топонимическое словосочетание (скорее всего, название урочища) *крома Торова*, или *крома Торская*, то есть граница по реке *Тор*, *торская граница*. В русских народных говорах *крома* (ср. литературное *кромка*) – ‘край, рубеж, граница’, ‘опушка леса на границе болота’, *кром* – ‘конец улицы’ (на Дону). Ср. ещё: *укромный*, украинское *крома* – ‘перегородка’. Это слово получило отражение и в южнорусской топонимии: посёлок *Кромы* на реке *Крома* в Орловской области, по которой проходила когда-то граница Русского государства с Диким полем (Смолицкая Г.П. Кромы // Русская речь. – 1976. – № 1).

Река *Тор* в прошлом не раз выступала в качестве естественного ориентира при установлении границ Русского государства в конце XVII – начале XVIII веков. Самый ранний известный нам факт: при сооружении укреплений изюмской черты в 1684 году под руководством белгородского воеводы А.С. Шейна было начато (и в следующем году по решению Разрядного приказа внезапно прервано) строительство южного ответвления построенной ранее, в 1679-1680 годах, оборонительной линии – Изюмской черты для защиты от крымских татар соляных промыслов на реке *Тор*, а также Святогорского монастыря и Маяцкого городка, находившихся по правую – «крымскую» сторону Северского Донца. Позднее, с перемещением границ России на юг, бытовавшее в народе географическое понятие и его словесное выражение – *крома Торова (Торская)* были утрачены, но следы их сбереглись в современной топонимии Донбасса. Итак, идя от современности в прошлое, можно восстановить следующие этапы возникновения названия города *Краматорск*: *Краматоровка, Краматоровская, Краматорская* (со следом русского аканья в первом слоге: *Крома (Крама-*; в заселении территории Донбасса активное участие принимали выходцы из южнорусских областей) ← *крома Торова, крома Торская* ← *Тор* ← *Тар*.

Современная топонимия Донбасса сохраняет географические названия – спутники многих исторических событий, имевших место

на этих когда-то отдалённых рубежах нашего отечества, – похода «храбрых русичей» в далёкую степь половецкую и бегства князя Игоря из половецкого плена; защиты русских земель от набегов крымских татар и установления государственных границ на юге России. Особую группу среди них составляют топонимы, в истоках которых лежит летописный гидроним *Тор*: город *Тор* (современный Славянск), *Торец* (*Казенный*, *Кривой* и *Сухой*), урочище *крома Торова* (*Торская*), названия населённых пунктов *Краматоровка*, *Краматорск* и др. Топонимическое словосочетание *крома Торова* (*Торская*) сложилось в то время, когда в русском и украинском языках еще существовало бессуффиксное существительное *крома* со значением «край, предел, граница». На этом основании можно объединить в одну смысловую группу «названия, указывающие на границу, рубеж», южнорусские топонимы *Крома* (река), *Кромы* (населённый пункт Орловской области) и название города *Краматорск* в Донбассе.

ТРИ БІСА. Шахта №3-бис в г.Макеевке, Донецкой области (запись 2008 г.). Эргосленгоним каламбурного происхождения – благодаря сходному звучанию слов **бис** от лат. **bis** ‘дважды’ и укр. **біс** ‘чёрт’.

ТРУДОВСКО́Й, ТРУДОВСКИ́Е. Северо-западная часть («конец») Петровского р-на Донецка. Названа так потому, что здесь находится шахта Трудовская (в конце XIX – начале XX века – Трудовско́й рудник). Тополексема Трудовско́й (-а́я, -о́е) в топонимии Донетчины отмечена и в других местах: село Трудовское в Волновахском р-не, железнодорожная станция в Горловке (до революции 1917 г.).

ТУГА́Й. Часть села Стылы Старобешевского района (записи 1969, 1973, 1975 годов). Топонимизированный урумский географический термин *туга́й* ‘лес’, ‘пойменный лес’, где часто косят сено.

У

УЗУ́Н. Балка западнее посёлка Сартана (записи 1972, 1974 годов). Топонимизированное урумское прилагательное *узун* ‘длинный’, ‘долгий’, относившееся к утраченному географическому термину *тарамá* ‘балка’.

УКРАЇНСЬК. Город расположен юго-восточнее Селидова. Основан в 1952 году и вначале назывался Лесока. Современное имя получил в 1963 году по имени шахты «Украина», возле которой он вырос. Аналогичным образом возникло название города Дзержинска. До 1937 года на его месте были **Щербиновские хутора**. В 1805 г. здесь был построен Щербиновский рудник, в 1932 г. переименованный на шахту имени Ф.Э.Дзержинского. Коммеморативный компонент (от латинского *commemore* ‘напоминать’) её нового названия послужил основой нового имени города.

УЛАКЛЫ́. Село на севере Великоновоселковского р-на; расположено между рекой Волчьей и её левым притоком Сухие Ялы. Основано в 1779 г. греками-урумами, в своём большинстве переселенцами из крымского села Улаклы. Поэтому чаще всего ойконим в разных источниках имеет современную форму *Улаклы*. После образования в 10-е годы XX в. выселка село Улаклы какое-то время именовалось *Улаклы 1*, а сам выселок получил название *Улаклы 2*.

Улаклы – перенесенный из Крыма топоним. В настоящее время уже трудно установить его происхождение. Не вызывает сомнений только его форма: это топонимизированное прилагательное с суффиксом *-лы*. Нет однозначного ответа, какой была его производящая основа. Здесь может быть несколько версий. Первая: от географического термина *хулах* (*кулах*) ‘овраг, глубокая балка’ с отпадением в живой речи начального звука *х/к*, т.е. *Хулахлы* (*Кулаклы*) ‘находящееся в глубокой низине, балке село’. Вторая: от многозначного существительного *улак/улах* ‘рабочий скот, тягло’ (в селении его могло быть много), ‘почтальон’ (в селе могла быть почтовая станция), ‘заплата’ (в селе жили бедно, ходили в заплатанной одежде?). Третья: из *Улаклы* (*Улахлы*) ‘козье’ (селение) ← урум. *улах* ‘коза’. Жители этого крымского села разводили и пасли коз?

В некоторых источниках рядом с наиболее распространённым именованием *Улаклы* через дефис или в скобках приводится другое, сейчас уже забытое, название села: *Улаклы-Джемрек*. Это второе название – *Джемрек* перекликается с названием крымского села *Джемрек* (в ведомости А.В.Суворова – *Жемрек*), откуда вышло 372 человека переселенцев вместе с переселенцами из других мест (Ени-Сала, Ени-Кей, Уйшунь), основавших в Приазовье село Мало-Янисоль на речке Кальчик, п.п. Кальмиуса. Возле Мало-Янисоля

был и населённый пункт с названием *Чемрек*, являющимся таким же перенесённым из Крыма топонимом.

Русский славист В.И.Григорович в напечатанной им в 1874 г. в Одессе «Записке антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра и Турунчука» приводит интересное для нас свидетельство одного «учёного грека», опубликовавшего в 1865 г. статью в греческом журнале «Пандора», где приводятся сведения о названиях некоторых селения приазовских греков, в их числе и Улаклы – Ούλαχλή Γενισαλάδες δύο. Во второй части этого топонима угадывается имя *Енисάла*, выступающее как дублет ойконима *Улаклы*. Таким образом, второе название села Улаклы, представленное в фонетических вариантах *Джемрэк*, *Жемрэк* и *Чемрэк*, вероятнее всего, появилось в результате переселения в Улаклы жителей Мало-Янисоля и ближайших селений, одним из которых было *Чемрек*. Переселенцы из малоянисольского Чемрека жили также в Старом Кременчике.

Именования жителей по названию селения (катоиконимы): *улаклычанин*, *улаклычанка*, *улаклычане*; *джемрэки* – так их называют жители соседнего села Константинополь.

УНИВÉR. Жаргонный ойкодомоним – название центрального универмага в городе Волновахе, Донецкой области. Усеченное слово: **универ**(маг) (запись 2009 г.). В жаргоне студентов часто встречается и как усеченный вариант слова **университет**.

УНИВÉРСКАЯ. Сленговый вариант годонима ул. **Университетская** (на ней расположены корпуса Донецкого национального университета), имеющая усеченную производящую основу **универ-**. Ср. также распространённый в студенческой среде жаргонизм **универ** ‘университет’.

УРА́ЛЫ. Вариант: *Уральские дома*. Название квартала в г. Селидово Донецкой области, на ул. Чернышевского, возле профессионально-технического лицея. *Пойду на Уралы. Живу на Ура́лах* (запись 2005, 2007 гг.). Здесь в советское время были построены дома для переселенцев с Урала. Универбация описательного ойкодомонима *Уральские дома* с последующим семантическим расширением, связанным со способностью его обозначать и прилегающую к пер-

вичному объекту территорию, т.е. внутривидовой трансонимизацией (ойкодомоним → ойкохороним).

УРЗУ́Ф. Село в Першотравневом районе, в устье речки Зелёной, впадающей в Азовское море.

Село было основано в 1779 г. греками, выходцами из крымских сёл *Гурзуф* и *Кизил(ь)-Таиш*. Это обусловило изначальную многоимённость населённого пункта, на неофициальном уровне сохраняющуюся и в наше время. В ряде документов приводится не одно, а два названия, например: *Урзуф*, или *Хизиль Таиш*; *Урзуф*, или *Зелёная*; *Урзуф*, или *Зелёное*. Ещё в 60-е годы жители соседних селений называли село трояко: *Урзу́ф (Гурзу́ф)*, *Зелёное* и *Маджа́рь*. Последнее неофициальное имя – результат распространения на весь населённый пункт названия одной из трёх его частей – *Маджа́рь* (другие две – собственно *Урзу́ф* и *Кызылта́иш*). Однако самым «авторитетным» и наиболее известным среди них уже в прошлом веке оказался перенесённый топоним *Урзу́ф*, ставший официальным наименованием села. Форма *Урзу́ф* появилась в результате ослабления артикуляции и позднейшей утраты начального звука *г*. Селение (вначале – крепость) на южном берегу Крыма *Гурзуф*, получившее такое название к XVIII в., было основано в византийскую эпоху и до прихода на полуостров татар у генуэзцев было известно как город Горзаннум. В послевоенный период в течение 45 лет приазовское село *Урзу́ф (Гурзуф)* носило искусственное название *Приморское* (оно расположено на берегу моря). Ещё одно неофициальное название села – *Зелёное (Зелёная)* появилось благодаря контактному переносу на селение имени речки *Зелёной*, в устье которой оно находится. Интересный случай абсолютной трансонимизации типа ойконим → антропоним отмечен нами в селе Заможном Тельмановского района: топоантропоним – «уличную фамилию» *Зэлэнэ*, носителями которой являются переселенцы из Урзуфа – села *Зелёного*. Жителей села называют: *маджарьйот*; *урзу́фец*, *урзу́фець*; *урзу́фский*, *урзу́фський*; *урзу́фская*, *урзу́фська*; *урзу́фцы*, *урзу́фці*; из *Урзу́фа*, з *Урзу́фа*.

УЧУРУ́М. Название местности на окраине села Улаклы Великоновоселковского района у обрывистого берега (запись 1982 г.). Топонимизированный урумский географический термин *учурым*

‘обрыв’ с изменением звука *ы* в *у* вследствие межслоговой ассимиляции.

Ф

ФЕСА́ЛИЯ. Уже не существующее селение, основанное в 1925 году у восточной окраины села Красная Поляна Великоновоселковского района (записи 1969, 1970 годов). Мемориальное название – в память о Фессалии, исторической области средней части Греции, считавшейся её житницей. Возможно последнее и обусловило причину названия, выполнявшей предзнаменовательную роль: название селения как бы сулило, предвещало его жителям зажиточную жизнь и благополучие. Память об исчезнувшем хуторе сбереглась в современном названии пастбища (выгона) *Фесалия* возле села Красная Поляна (запись 1996 г.).

ФИЗИГÓ ЯЛÁN. Луг на территории бывшего колхоза имени Дзержинского у села Стыла Старобешевского района (запись 1973 г.). Информанты переводят: «гадючье логово». Гибридный румейско-урумский топоним, первая часть которого – румейское прилагательное, изменившееся в русской речи (вставочное *г* для устранения зияния) со значением ‘змеиный’ (в румейском наречии *физ* – ‘змея’), а вторая – географический термин *ялán* ‘открытое голое место’, ‘ровная открытая местность’, ‘луг’.

ФИТИЛÉЙ ТАРАМА́. Балка, п.п. Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса (Эксп., 1966 г.). Вариант: *Фитилей* (ВТКЕГ). На военно-топографической карте Екатеринославской губернии 2-й пол. XIX в. присутствует только первая (определяющая) часть топонимического изафета. Однако эта часть составного топонима могла быть и русской формой родительного принадлежности от группового прозвища *Фитилí* (ср. греч. *φίτιλι* ‘фитиль’), первый носитель которого мог быть так поименован из-за высокого роста (*фитилями* ещё недавно называли высоких и худых людей). Если это было так, то перед нами лексико-грамматический румейско-русский гибрид. Вариант на военно-топографической карте трёхвёрстке – отголосок реально бытовавшего в народной речи топонимического словосочетания *балка Фитилéй*. на карте оно передано как *б. Фитилей*. В 1973 г. в селе Стыла, Старобешевского р-на,

этот топоним записан был также в виде румейско-урумского гибрида: *Фитиліяс Тарамá*.

«**ФОС**». Название коллективного хозяйства в селе Константинополь Великоновоселковского района в конце 20-х годов прошлого века (запись 1969 г.). Идеологизированный эргоним, в основе которого лежит румейский апеллятив *фос* ‘свет’.

Х

ХАБУРГÁ ТАРАМА́. Балка вблизи посёлка Старобешево (запись 1969 г.). Урумский топоним изафетного типа, вторая часть которого – географический термин *тарамá* ‘балка’ определяется другим термином *хабургá* ‘скала’, ‘косогор’, который восходит к *хабургá* с основным значением ‘ребро’. Объяснение названия жителями посёлка: «На этом месте жители посёлка проводили соревнования по национальной борьбе, во время которых ломали друг другу рёбра».

ХАВАЛÉЙ ТАРАМА́. Балка, п.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса недалеко от посёлка Кипучая Криница Старобешевского района (запись 1973 г.). Первое слово этого составного названия, вероятно, вначале было урумским прилагательным *хавалы́* (от *хавáл* ‘дудка’, ‘свирель’) с изменившимся, в результате адаптации в русском языке, суффиксом *–лы* на *–лей*; второе слово – географический термин *тарамá* ‘балка’. Можно предположить, что балка была местом встречи местных дударей и пастухов, или на её склонах росли деревья и кустарники, из которых делали этот нехитрый народный музыкальный инструмент.

ХАЙМА́Х ТАРАМА́. Балка возле села Кременёвка Володарского района (запись 1964 г.). Урумский топонимический изафет, первая часть которого – *хайма́х* ‘густые сливки’, вторая – географический термин *тарамá* ‘балка’, т.е. ‘каймачная балка’. Этиология (причина номинации) топонима в настоящее время уже утрачена. По версии П.Г.Сараваса (записана нами в 1970 г.), греки в старину куски обезвоженного каймака досушивали на стеблях камыша и осоки в балках, а затем разрезали их и подавали на стол. Не исключено, что *Хаймах* – это прозвище местного жителя.

ХАЙНА́Х ЧОХРА́Х. Криница южнее посёлка Старобешево в балке с таким же названием, п.п. Мокрой Волновахи недалеко от места впадения в неё Сухой Волновахи (записи 1962, 1974 гг.). Урумский изафет: географический термин *чохра́х* ‘родник, криница’ определяется существительным *хайна́х* ‘кипящая вода, кипяток’. Значение гидронима: ‘криница с кипящей водой’. Она находится в карстовой зоне. Протекающая здесь Сухая Волноваха уходит под землю, вырываясь потом на поверхность родником с кипящей («кипучей») водой. Над криницей в холодной время поднимается пар.

ХАЛФАТИНА́Г. Балка, п.п. Громадской балки, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра. Находится в северной части Великоново-селковского района. Напечатанный на карте-трёхвёрстке как одно слово, этот топоним на самом деле первоначально представлял собой словосочетание *Халфа Тыйнак*. Его вторая – определяемая часть, скорее всего, была представлена урумским географическим термином *тыйнак* / *тыйнах* (ср. крымскотат. *тыйнакь*) ‘пруд’, ‘ставок’, ‘водохранилище’, а первая (определяющая) – антропонимом *Халфа*, в основе которого лежит урумский апеллятив *халфа* ‘подмастерье, подручный’, ‘помощник (ремесленника, учителя и т.д.)’. Ср. крымскотат. *кал(а)фа*, ног. *калфа*, тур. *kalfa* с теми же значениями. Фамилия *Халфа* зафиксирована и в современном антропонимиконе приазовских греков. В балке когда-то, вероятно, был ставок или запруда, с которыми как-то был связан местный житель по прозвищу *Халфа* (владел ставком или построил греблю).

ХАМЫ́Ш СУА́Т ЧЕТ. Часть посёлка Старобешево более поздней застройки, чем Оджахсы́з Чет (см.) (запись 1969 г.). Урумский топоним изафетного типа. Первый компонент описательного хоронима состоит из урумских слов *хамы́ш* ‘камыш’ и *суа́т* ‘водопой’. Это название заросшего камышом места на берегу Кальмиуса, где был водопой. Вторым (определяемым) компонентом является географический термин *чет* ‘часть села, сторона, куток, конц’. Общее значение топонима: ‘конец села, где водопой с названием Хамышсуат’.

ХАН ТАРАМА́. Балка, п.п. Кальмиуса возле села Гранитное на севере Тельмановского района (записи 1969, 1973 годов). Урумский

топонимический изафет. Слово *хан* ‘кровь’ выполняет роль определения по отношению к географическому термину *тарам* ‘балка’, т.е. буквально ‘кровавая балка’. Названа так из-за красноватого цвета почвы на её склонах. Местная народная легенда объясняет название тем, что именно здесь была кровавая битва русских с татарами на реке Калке в 1223 году.

ХАНЖОПОВКА. Посёлок Ханжонково в Советском районе города Макеевки, Донецкой области. *Это ещё километров пять за нашей Ханжоповкой* (запись 2008 г.). Отмечены и другие топонимические варианты названия посёлка: **Ханжоб** и **Ханжоб-Сити**.

ХАРЛАЙКА. Балка, л.п. Шайтанки, п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра (запись 1972 г.). В селе Егоровка Волновахского района балку называют *Чухарлай*. В основе её названия лежит урумский географический термин *чухур* ‘впадина, низина, яма’. Зафиксированные варианты топонима являются «обломками» первоначального названия *Чухурлы тарам*, первая часть которого – прилагательное, образованное от термина *чухур* при помощи суффикса *-лы*, а вторая (утраченная) была географическим термином. В менее разрушенном состоянии находится вариант *Чухарлай*. Вариант *Харлайка* – результат дальнейшего разрушения первой формы (утрата начального слога *чу-* и дооформление основы суффиксом *-ка*).

ХАРЦЫЗСК и ЗИМОГОРЬЕ. На левом берегу Крынки, при впадении в неё с правой стороны балки Харцызской, возникла в 80-е годы XVIII в. на землях генерал-майора И.Д.Иловайского слобода *Харцызская*, получившая своё название от балки. Называлась она ещё в XIX веке слободой *Крынской-Троицкой*, т.к. находилась на берегу Крынки и имела церковь во имя святой Троицы, заложенную в 1804 г. Когда позже, в 60-е годы XIX в., недалеко от слободы проложили железную дорогу, построенную рядом железнодорожную станцию тоже назвали *Харцызской*. Так появилось два одинаковых географических имени: станция *Харцызская* и слобода *Харцызская* (она же *Крынско-Троицкая*), что, естественно, вызывало известные неудобства. Впоследствии они были устранены. Вторая часть параллельного названия слободы (*Ерынская-Троицкая*) стала выполнять уточняющую роль, сочетаясь с топонимическим прилагатель-

ным *Харцызская*, со временем изменившимся в существительное *Харцызск*, что было вызвано перерастанием слободы в послок. Так появилось современное название *Троицко-Харцызск*, которое уже никто не смешивает с просто Харцызском – названием города, выросшего на месте когда-то небольшой железнодорожной станции, обязанной своим именем слободе, в свою очередь поименованной по балке, правому притоку Крынки. Таким образом, прямой связи с *харцызцами*, как в старину называли разбойников, а точнее – беглых крестьян, нередко грабивших помещичьи усадьбы, у названия города нет.

Эту связь можно обнаружить только у балки, где, очевидно, и селились когда-то харцызцы. В малообжитой донецкой степи балки и буераки были для них надёжным убежищем. Кстати, в бассейне той же Крынки имеется ещё одна *Харцызская* балка (она ещё называется Ольховой). Недалеко от её устья с ней сливается балка, которая в XIX веке носила названия *Печерки* (от украинского *печера* – «пещера»). Не в этих ли пещерах скрывались харцызцы, давшие имя самой балке? Название *Харцызская* имеет ещё одна большая балка, правый приток Грузского Еланчика, впадающего в Азовское море (в его устье находится город Новоазовск). Впервые этот топоним мы находим в тексте на немецком языке «Дневника путешествия в южную Россию» академика Гильденштетта (1773-1774 гг.), на «Гидрографической карте Европейской России» 1846 г. она изображена даже как впадающая в Азовское море западнее устья Грузского Еланчика. Интересно, что и здесь, на склоне этой балки, возле села Козловки Новоазовского района, тоже имеется пещера, называемая, как и балка, *Харцызской*. А вообще-то *Харцызских* балок в донецкой степи около десятка.

В Славяносербском районе Луганской области находится город *Зимогорье*. Происхождение этого необычного названия в чём-то схоже с нашим Харцызском.

В основе его имени лежит русское народное слово *зимогор* – ‘сезонный рабочий, бродга’. По-разному объясняют это слово. «Зимогоры», – писал В.А.Гиляровский в своей книге «Друзья и встречи», – верхневолжское слово, обозначающее тех, которым зимой горе», т.к. на пристанях грузчики имели работу только летом. Д.К.Зеленин связывал его возникновение с тем, что крестьяне ряда губерний дореволюционной России уходили на зиму в Сибирь, на

промыслы – «на горы», откуда пошло и название их, вначале означавшее «проводящие зиму на горах». Есть и другие толкования. В том месте, где в 1910 г. была построена железнодорожная станция *Зимогорье*, проживали в старину *зимогоры*. Позднее название станции было перенесено и на село Черкасский Брод, с 1961 г. – Черкасское.

ХАРШИЯХ. Часть села Старомлиновки Великоновоселковско-го района на правом берегу речки Мокрые Ялы (запись 1970 г.). Урумское составное название: *харшы* ‘напротив’, ‘противоположный’ + *ях* ‘сторона’. Другие названия: *Крымская сторона* и *Заречье*. Ещё в XVIII в. правый берег рек в Северно Приазовье называли *крымским*, а левый – *ногайским*. Урумский микротопоним *Харшиях* представляет собой лексикализированное словосочетание *харши ях* ‘противоположная сторона’. Эта часть села находится за речкой Мокрые Ялы и через неё проходит *Заречная* улица. Греки основали село на левом берегу Мокрых Ялов. На правом берегу, в *Заречье*, позднее селились «в чём-то провинившиеся» сельчане, потерявшие к себе уважение у местного населения. Старожилы ещё в 70-е годы прошлого века отзывались о них с неодобрением.

ХАЦАПÉТОВКА. До 1958 года так назывался город Углегорск ‘город угля’, расположенный в 12 км от Енакиева. Из **Кацапéтовка**. Так назывались раньше селения на юге России или их части со смешанным русско-украинским населением (*кацан* – житель юга России, имевший, в отличие от малоросса (который брился, оставляя лишь на голове оселедец, или *хохол*, почему его называли *хохлом*) бороду (т.е. был как *цан*, т.е. как козёл). Например, **Кацапéтовка** – название части села Знаменки Славянского района и Веролюбовки Константиновского района. Иногда *Кацапетовкам* сопутствовали *Хохловки*, население которых было украинским. В русском языке топоним *Хацапетовка* (*Кацапетовка*) переходит в апеллятив (имя нарицательное) со значением ‘захолустье, глухая окраина’, хотя и пишется по привычке иногда с прописной (большой) буквы. Например: «Кстати, даже не думай скрыться и отсидеться в твоей *Кацапетовке*» (газ. «Факты» (Украина), 10 января 2003 г.); «Надо мной издеваются, говорят, что я по *кацапетовкам* езжу» (еженедельник «Аргументы и факты. Украина», 1999 г.,

№24); «Просю вас, как говорят, у нас на *Хацапетовке*, маем день – маем пиштю» (В.Максимов. Баллада о Савве).

ХИТРЫ́Й РЫНОК. Агороним (название рынка) во внутригородской топонимии Мариуполя (запись 2013 г.). *Хитрый рынок* находится на окраине города и работает только в вечернее время, когда администрация уже не контролирует цены.

ХО́РА. Центральная часть села Стылы Старобешевского района (запись 1975 г.). Топонимизированный румейский апеллятив *хо́ра* ‘село’. Местные жители так называют только центр Стылы, а не окраины. Ср. аналогичное употребление слова *город*, распространившееся ещё в начале прошлого века.

ХОЧКА́Р ЭГЕРЕ́К. Возвышенность («гора») севернее посёлка Старобешево (Южная экскурсия. Донецкий каменноугольный бассейн (Донбасс). – Л.-М., 1937. – С.89). Урумский ороним изафетного типа. Его первая (определяющая) часть – *хочкар* ‘баран’, вторая (определяемая) – географический термин *эгерек* ‘место отдыха скота на водопое’.

ХУБАТА́Л. Балка в Старобешевском районе вблизи посёлка Кипучая Криница и села Стыла (запись 1973 г.). Топонимизированный урумский апеллятив *хубата́л*, состоящий из двух слов: *хуба́* ‘багряный’ и *тал* ‘ива, верба’.

ХУРУ́ ТАРАМА́. Урумский вариант названия Сухой Волновахи, л.п. Мокрой Волновахи, п.п. Кальмиуса. Балка была названа *Сухой* не только потому, что воды в ней меньше, чем в той реке, в которую она впадает, – Волновахе Мокрой. Дело в том, что Сухая Волноваха протекает через карстовую область южного Донбасса и местами её вода уходит под землю. Вот как говорится об этом в описании Мариупольского уезда начала XX века: «...В средней части течения падение её уменьшается, берега становятся не такими крутыми, породы, составляющие их, и дно трещиноватыми и рыхлыми, и вся вода исчезает в них, образуя как бы подземную реку и лишает этим всю среднюю часть течения воды и жизни, что и послужило поводом к названию этой реки «Сухой». Вода появляется в

русле вновь в значительном количестве в самой южной части близ впадения в Мокрую Волноваху и несколько выше в виде нескольких обильных водой восходящих рудников» (Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть. Вып. 1-й. Мариупольский уезд. – Екатеринослав, 1904. – С.21). Таким образом, прилагательное *сухая* в составе гидронима изначально имело значение ‘маловодная’, а не ‘безводная’. С таким значением основа *сух-* присутствует в некоторых украинских и русских географических терминах: *сухоболоття* ‘слегка заболоченная низина’ (А.А.Черепанова. Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. – Сумы, 1984. – С.214), *сухая вода* ‘малая вода’ (на Волге), ‘малая вода во время морского отлива’ (в Архангельской губернии (П.Л.Маштаков. Материалы для областного словаря. – Л., 1931. – С.105-106), *сухмэнь* ‘мелкое место на реке, озере’ (Э.М.Мурзаев. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С.105-106). Покрытый отмелями залив между устьем Северной Двины и Белым морем поморы называли *сухим морем* (А.О.Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885. – С.168).

Ц

ЦАРСКОЕ СЕЛО. Северная часть Ворошиловского района г. Донецка. Перенесенный ойконим: такое название до 1918 г. имел г. Пушкин в Ленинградской области, с дворцово-парковым ансамблем XVIII в. («народная этимология»: из более раннего *Сарское село* < эстон. мыза *Саари* < *саари* ‘возвышенное место’). Городской хороним появился благодаря переосмыслению первичного топонима: ‘место, где расположены дома «новых украинцев» и высокопоставленных чиновников, «царей» в новой, изменившейся после распада СССР жизни’.

ЦЭКА́. Название главного – *центрального корпуса* Горловского государственного пединститута иностранных языков им. Н.К.Крупской (г. Горловка, Донецкая область). Отсюда – *ЦК*. Экспрессивность этого жаргонизма обусловлена необычностью (а для непосвящённых – и неожиданностью) значения этой инициальной аббревиатуры, в которой алфавитные названия букв устойчиво связываются с другими исходным словосочетанием – *Центральный*

комитет (партии, профсоюза и т.д.). Его своеобразным сленговым антонимом является название самого отдалённого учебного корпуса института – *Соловки*. См. также *Бастулия*, *Сорбонна*.

ЦЫГАНСКИЙ ПОСЁЛОК. Неофициальное название одного из концов Калининского р-на Донецка, где компактно проживают цыгане.

Ч

ЧАСОВ ЯР – правый приток Казенного Торца, п.п. Северского Донца. В основе гидронима лежит название старинной путевой меры в России *час*. В 1714 г., после заключения в 1713 году в Андрианополе договора между Россией и Турцией, была составлена «Межевая запись, учиненная у реки Дона», в которой содержится описание того, как происходила демаркация российско-турецкой границы в Северном Приазовье от левого берега Днепра (между устьями его притоков Самары и Орели) до реки Дона – посредством установления «знаков» и насыпания межевых курганов по два у каждого «знака». Первый «знак» был «учинен» у Днепра, а последний (семнадцатый) – у речки Темерник, недалеко от крепости Азов. Земля, находящаяся «по левую сторону помянутых же знаков по границе, от Днепра до Дону насыпанных курганов», стала Российской, а по правую – «исламской», т.е. мусульманской. Расстояние между «знаками» с курганами было обозначено не межевыми вёрстами, принятыми до XVIII в. в России (равными тысяче сажений, или 2,1336 километров), а временем, затраченным на его преодоление – количеством «часов», каждый из которых соответствовал пяти километрам: «с обеих сторон верных и искусных людей для разъезду с справедливыми и пробованными часами посылали», которые передвигались по степи «верховую конскою ровною ездою ступью», т.е. самой тихой ездой. Оно было разным: «полдвенадцата» (11,5 часа. – *Е.О.*), «10 часов с четвертью», «9 часов и 3 четверти» и т.д. Географическое положение оврага Часов Яр совпадает с тем участком границы, о которой в «Межевой записи» сообщается: «И потом, прибыв на вершину ветви реки Тора, называемой речка Груская, и от того места *с час езды* (выделено нами. – *Е.О.*) по взгорью ехали, и проехав маленькую лесную и сухую долину, с согласия ж со обеих сторон, по правой стороне большой степной дороги учинили 8-й знак, насыпали два кургана. И от того знака правую сторо-

ною на вершину Кривого Тора прибыв, выше той Торской вершины подле большого старинного разрытого селитренного кургана по левую сторону учинили со обеих сторон согласия границы 9-й знак, насыпали два ж кургана». Гипотеза о присутствии в гидрониме **Часов Яр** апеллятива *час* ‘старорусская путевая мера’ подкрепляется и тем, что невдалеке от города **Часов Яр** находится старинное село **Маяки**, название которого прямо указывает на то, что в этом месте раньше был пограничный «знак» (возможно, это и был «8-й знак», упомянутый в «Межевой записи» 1714 года). В речи донских казаков и в наше время бытует слово *маяк* со значением ‘знак, предмет для обозначения нужного места’, например: «*Паста́фьти здесь маяк*»¹.

ЧЕРДАКЛЫ́. Село Касьяновского сельсовета Володарского района. Топонимизированное урумское прилагательное с суффиксом *-лы*, образованное от крымскотатарского апеллятива *чарда́к* ‘верхний этаж, балкон, чердак’, ‘скальный навес’. Дома крымского села Чердаклы, откуда в 1779 году пришли в Северное Приазовье урумоязычные переселенцы, вероятно, отличались этой архитектурной особенностью – балконами, верхними комнатами, чердаками, характерные для восточных домов.

ЧЕРМАЛЫ́К. Село в Тельмановском районе. Варианты: *Чермалик, Чирмалык, Чирмалых, Замóжне*. Село основано в 1779 г. греками-переселенцами из крымского селения Чермалык, говорившими на румейском наречии. Перенесённый топоним. В.И.Григорович, посетивший в 1874 г. некоторые греческие поселения «на Калке и Калмиусе», зафиксировал и более ранние варианты этого ойконима – не с тюркским суффиксом *-лык*, а в виде урумского прилагательного с суффиксом *-лы*: *Черманлы, Чирманли* и *Черменли*. В звуковом составе этого географического имени обнаруживаются следы румейской фонетики – ассибиляция начального мягкого задненёбного: **Керманлы, *Керменлы* (от *керман, кермен* ‘крепость’, ‘город’; ср. крымский ойконим *Керменчи́к* – ‘маленькая крепость’, ‘городок’) → *Черманлы, Черменлы*. Кроме того, вариант ойконима, записанный В.И.Григоровичем, имел исторически первичную основу *чермен-*, упростившуюся при словопроизводстве

---

¹ Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. – С.280.

(при помощи суффикса *-лык*) и представленную в упрощённом состоянии с более известном варианте ойконима – *Чермалык*.

ЧІКА. Казино и развлекательный центр «Чикаго-Сити» в центре Донецка. *Обещала быть на дискотеке в «Чіке»; Он из «Чіки» не вылазит* (запись 2009 г.). Сленговый ойкодомоним образовался способом усечения полного названия казино.

ЧИНГЭНЭ ТАРАМА́. Балка в Бешевской степи на землях бывшего колхоза имени Кирова (записи 1962, 1969 годов). Урумский топоним изафетного типа: географический термин *тарамá* ‘балка’ определяется этнонимом *чингэнэ* ‘цыган’. Значение топонима: ‘Цыганская балка’.

ЧОП ХУЮ́. Колодец в селе Ялта Першотравневого района (запись 1966 г.). Урумский топоним изафетного типа: географический термин *хую́* ‘колодец’ определяется апеллятивом *чоп* ‘мусор’. Значение гидронима: ‘замусоренный колодец’.

ЧОРЗНА́Й. Балка, л.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса; выше села Староигнатьевка Тельмановского района. Название балки возникло в условиях урумско-русского двуязычия. Тюркская топонимическая модель наполнилась русским лексическим материалом. Заглавный вариант, представленный на военно-топографической карте 30-40-х годов XX в., является искажённой записью словосочетания *Чёрт Знает* (или *Чёрт Её Знает*). Исконное значение топонима: ‘чёрт знает какая балка’, т.е. с неизвестным именем. Во время топонимической экспедиции летом 1965 г. были записаны семантически прозрачные варианты гидронима: *Тарамá Чорт Зна* и *Чорзна́й Тарамá*, в которых с определяющей частью названия рифмуется урумский географический термин *тарамá* ‘балка’. Это же определяющее русское словосочетание проникло и в название родника *Чортзна́й Чохрагі́* (изафет с аффиксом принадлежности) в лесу Аюдаг в верховье этой же речки Дубовки (результат переноса топонима по смежности географических объектов – балки и криницы). Интересная параллель: в текстовом приложении к карте Земли Войска Донского, составленной в 1793 г., приводится отсутствующее в «Списке рек Донского бассейна» П.Л.Маштакова (Л., 1934 г.) на-

звание одного из притоков реки Сал – *Незнай Сал*, которое возникло аналогичным образом, только в условиях русско-калмыцкого двуязычия (*Незнай* и *не знаю*, т.е. ‘не знаю или не знаем названия этого притока Сала’). Подобные образования могут появиться и в славянской топонимии, будучи результатом деформации первичных топонимов. Например, ручей *Незнáй* (из *Не Знаю*) в Курской области России¹. Перед нами один из тех случаев, когда словесное выражение незнания собственного имени географического объекта становится его названием.

Ш

ШАЙТА́НКА₂. Степенная могила на правом берегу речки Шайтанки, п.п. Мокрых Ялов, л.п. Волчьей, л.п. Самары, л.п. Днепра; южнее села Новомайорского Великоновоселковского района. От тюрк. *шайта́н* ‘чёрт, дьявол. В тюркской топонимии названия с этой основой характеризуют географические объекты (урочища, скалы, горы, речки и т.д.) с отрицательной стороны ввиду опасности или каких-то значительных неудобств для проживания и хозяйственной деятельности человека. Вероятно, первичной формой была *Шайта́н* (без позже появившегося славянского суффикса *-ка*), входившая в качестве определения в состав топонимического изафета *Шайта́н Обá* с урумским географическим термином *обá* ‘холм, курган’, который позднее в разговорной речи был утрачен.

ШАХА́. Жаргонное название двух посёлков на территории города Донецка: 1) посёлка шахты 6 – «*Капитальная*», его вариант: *посёлок Шесть-Капитальная*, или *Рудник*; его жителей именуют *шахи́нцами*; 2) посёлка шахты 6-Красная, его варианты: *посёлок шахты 6-Красная*, *посёлок шахты №6 имени газеты «Красная звезда»*, *посёлок Шесть-Красная*. *Шаха́* – жаргонный синоним числительного *шесть*. В молодёжном сленге употребляется и как экспрессивный синоним другого жаргонного существительного *шестёрка* ‘не пользующийся уважением, зависимый человек, исполнитель чужой воли’. Как жаргонный прагматоним – название шестой модели автомобиля «Жигули». Оба жаргонных ойконима (или ойкохоронима Донецка) образовались благодаря стяжению в одно

¹ А.И.Ященко. Гидронимический словарь Курской области. – Л., 1965. – С.5.

слово – лексикализованный нумератив первичных описательных ойконимов отэргонимного происхождения и замене его экспрессивным жаргонным числительным *Шаха́*. См. также *Двенáха*.

ШАХМАН ХАЯ́. Каменистая возвышенность («гора») в окрестностях села Стылы Старобешевского района (записи 1966 и 1973 гг.). Вариант: *Гора Люби* (запись 1970 г.). Пояснение местного жителя: «Так называет её молодёжь». Зафиксирован ещё один вариант: *Сопка Любви* (газета «Логос», 1994 г., №4/55): «У этой сопки часто собираются молодые парни, проводят своё свободное время». Топонимический изафет с урумским географическим термином *хая́* ‘скала’ и антропоним *Шахман* (эту фамилию имеет несколько жителей Стылы).

ШАХТЁРСК. Центр Шахтёрского р-на. Возник в начале прошлого века как пришахтный посёлок с названием **Каты́к** (от фамилии владельца шахты московского купца Катыка). Вследствие слияния посёлков Катыка, Алексеево-Орловки и Ольховчика в 1953 г. получил статус города.

ШАХТОСТРОЙТЕ́ЛЬ. Микрорайон в Калининском р-не Донецка. Через него проходит бульвар Шахтостроителей (говорят: «живу на Шахтостроителе»).

ШЕВАЛДА́, -ы, ж. Балка (овраг), л.п. Беленькой, п.п. Казенного Торца, п.п. Северского Донца, п.п. Дона.

Балка опоясывает город Краматорск с восточной стороны. В основе её названия могла лежать отпрозвищная фамилия *Шевалдык* (*Шивалдик*, *Шавалдик*) или её более поздние суффиксальные производные *Шевалди́ков*, *Шевалди́ковский* и др. Аппелятивом, мотивирующим прозвище, вероятно, было русское диалектное слово *шабо́лдо* ‘бестолковый, пустомеля, болтун, вун; шатун’ (Даль-IV, с.636) с экспрессивным суффиксом *-да*. От этого слова образованы и современные фамилии *Шибалдов* (см. телефонный справочник г. Мариуполя, 1979 г.), *Шаболдин* (житель села Константиновки, Марьинского р-на Донецкой области, 2004 г.). Ср также в русских говорах: *ба́лда́* ‘болтливая женщина’ без экспрессивной приставки *ше-* (*ши-*, *ша-*) и фразеологизм *ба́лды битъ* ‘бездельничать, зря тра-

тить время, пустословить’, *балды́кать* ‘болтать’, *ба́лкнуть* ‘ляпнуть какую-нибудь глупость’, *балобóнить* ‘болтать’, *балобóй* ‘болтун, пустозвон’.

Шевалда представляет собой усеченный топоним (с отброшенной суффиксальной частью) по типу *Мандрыкина балка* > *Мандрыка* (в бассейне Кальмиуса), *Азовское море* > *Азов*, *Шагарова балка* > *Шагара* (бассейн Кальмиуса) и т.д., возможно, не без влияния южнорусского диалектного апеллятива, послужившего базой для образования прозвища *Ша* (*ше-*, *ши*) *белда*. Конечный «йот» в варианте *шевалдай* мог появиться под воздействием мужского рода географических терминов *овраг* или *яр* или популярного топонимного паронима *Валдай*.

Этапы формирования оронима, очевидно, были такими: апеллятив *шабалда* > прозвище *Шабалда*, *Шавалда* (на этой или на последующей ступени развития формы имени произошла замена *б* на *в* – после ослабления семантической связи с апеллятивом) > *Шабалдик*, *Шавалдик* (патронимное имя со значением ‘потомок Шабалды, Шавалды’) > *Шавалди́ков*, *Шавалди́ковский* (патронимные имена следующих ступеней отантропонимного словообразования со значением ‘потомок *Шевалдика* или *Шавалдикова*’) > *Шавалда* (*Шевалда*, *Шеволда*). Следы замены звуков *б* и *в* отмечаются в целом ряде слов, например: *бередить* (из *вередить*), *буженина* (из *вуженина*), возможно *волдырь* из *булдырь* (*болдырь*) ‘нарыв, прыщ’ и др. Колебания в написании начального слога (*ша-*, *ше-*, *ши-*) вызваны как дистактной ассимиляцией (уподоблением звуку *а* в последующих слогах), так и варьированием произношения гласных во втором предударном слоге.

ШЭ́НКУСТЫ́СН УБА́. Холм у северной окраины посёлка Сартана. Урумско-румейский гибридный топоним с определяемым тюркским географическим термином *оба́* (*уба́*) ‘курган, холм, насыпь’ и с неясной румейской определяющей частью. В ней угадывается румейское прилагательное *ше́нк* ‘весёлый’. Что касается следующего *-(к)усты*, то им могло быть прозвище *Кусты* (представленное в современной греческой антропонимии уже как фамилия). Затруднение возникает и в объяснении следующего за ним звукосочетания *-сн-*.

ШИРИЛДАЎХ. Ручей, п.п. Дубовки, п.п. Кальмиуса; возле села Староигнатьевка Тельманоского района (запись 1972 г.). Вариант: *Шумок*. Урумский гидроним со звукоподражательной основой *ширил-/шарыл*, присутствующей в лексике многих тюркских языков. Ср. крымскотатарский глагол *шырылдамак* ‘журчать’ (*озэн ширилдай* ‘река шумит’), *шырылты* ‘журчание’, мимема (подражательно-изобразительное слово) *шырыл-шырыл* и др. Структура гидронима: глагольная основа *шырылда-* (звукоподражательный корень *шыр-* + суффикс *-ылда-*), к которой присоединён суффикс *-вух* (*-вук, -ук, -ух*), с помощью которого в тюркских языках образуются отглагольные существительные и прилагательные. Славянский вариант названия *Шумок* – смысловая калька, возникшая в речи двуязычных урумов.

ШИШМА. Возвышенность севернее села Заможное (бывш. Чермалык) Тельмановского района (на военно-топографической карте Екатеринославской губернии середины XIX века и на военно-топографических картах 35-50-х годов XX века). Рядом находится балка *Шимма*, л.п. балки Калмыцкой (в её верховье), п.п. Кальмиуса. Первичным, вероятно, было название балки, в котором топонимизировался урумский географический термин *чимма/чешме* ‘источник, из которого начинается ручей’. Затем гидроним был перенесен на соседнюю балку.

ШИШОВЫ ГОРЫ – возвышенность возле села Великая Шишовка и речек Малая и Большая (Великая) Шишовки, левых притоков Крынки. Их название образовалось от более ранней формы *Шииш*, зафиксированной в документах XVIII века, например: «...А из Шишов пошли до Леонтьевых буераков» (1746 г.). Название содержит народный географический термин *иши* или *ишишка* ‘островерхий холм, круча’.

Шишки – «холмы, образующие живописные холмогорья белого цвета и сложенные мергелями и мелом верхнемелового возраста, а Белых Горах в Поволжье...» (Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, с.629).

«ШТУКА». Жаргонный вариант названия магазина «1000 мелочей» в Макеевке (запись 2008 г.), возникший вследствие замещения слова *тысяча* жаргонизмом *штука* со значением ‘тысяча’.

Щ

ЩЁТКА. Часть Пролетарского района г. Донецка: ул. Щетинина и сопредельная территория. Словообразовательный синоним годонима *улица Щетинина* (или только *Щетинина*), возникший вследствие усечения его основы с последующей суффиксацией: *Щет(инина) + ка = Щётка*. Экспрессивная окраска жаргонного новообразования усиливается возникшей связью с омонимичным апеллятивом *щётка*, мотивационно неоправданной.

ЩИЛІ́ МАХАЛА́. Часть села Стыла Волновахского района (запись 1974 г.). Румейско-урумский гибрид: рум. *щилі́/щилы́* ‘собака’ + урум. *махала́* ‘квартал’, ‘часть селения’. Записан и русский вариант названия – *Собачёвка*. В этих названиях отразились окраинное положение и неблагоустроенность этой части села.

ЩОРС – селение (бывший хутор) в 3-х километрах восточнее села Благодатное Амвросиевского р-на. Разговорный вариант ойконима: *Щорсы́* (более позднее переоформление названия села при помощи ойконимообразующей флексии множественного числа). Ср. в связи с этим вариант названия близлежащего села Малая Шишовка – *Шишовкі́*. Современный ойконим *Щорс* произошёл от названия колхоза имени Щорса, возникшего из коммуны им. Щорса в конце 20-х годов и существовавшего до 1947 г. После того как колхоз стал называться «Сіячі» (русс. «Сеятели»), хутор получил ещё одно, параллельно употреблявшееся, имя, представленное в трёх вариантах: *Сиячі́*, *Сивачі́* и *Сиваші́*. Из них в качестве официального названия селения в настоящее время используется ойконим *Щорс* (с вариантом множ. ч. – *Щорсы́*). Катоиконимы: *щóрсовцы́*, *щорся́не*; *хуторя́не*; *сивачі́*, *сиваші́*.

Э

ЭМИРИЛГЭ́Н ТУБЭ́. Возвышенность на окраине посёлка Старобешево на берегу реки Кальмиус (запись 1963 г.). Перевод оронима: ‘разрушенная гора’. На месте «горы» сейчас каменоломни Ново-Екатериновского карьера. Имеет и славянский вариант названия: *Лысая гора*. На склонах возвышенности и её вершине отсутствует лес и кустарник.

ЭСКІЙ МЕЗАРЛЫХ. Название кладбища (некроним) в посёлке Старобешево (запись 1969 г.). Топонимизированное словосочетание: урум. *эскі* ‘старый’, урум. *мезарлых* ‘кладбище’.

Ю

ЮЗБАШІ ТАРМА. Балка в селе Кременёвка Володарского района (записи 1964 и 1983 гг.). Урумский топоним, состоящий из антропонима, мотивированного апеллятивом *юзбаши* ‘сотник’ (*юзь* ‘сотня’, *баш* ‘голова, начальник’) или омонимичным апеллятивом *юзбаши* ‘староста’ и географического термина *тарма*.

ЮНОКОММУНАРОВСК. Город на реке Булавинка, правом притоке Крынки. С запада примыкает к железнодорожной станции и городу Енакиево. До 1912 г. был пришахтным посёлком и носил название **Шахта Бунге**. После революции шахта была переименована и стала называться шахтой имени Юных коммунаров, в разговорной речи сократившееся в аббревиатуру **Юнком**. До 1965 года посёлок назывался **Юнком**. Став городом, получает теперешнее имя.

Я

ЯК САВИЧ ОТРУБ. Название места на окраине села Улаклы Великоновоселковского района (запись 1982 г.). Здесь в годы столыпинской реформы в начале XX века находился земельный участок – отруб (по-урумски *отруб*), принадлежавший местному жителю *Якову Савичу*, чья усадьба была в селе.

ЯЛПАХ ОБА. Небольшой холм в поле у сёл Улаклы и Константинополь Великоновоселковского района (записи 1972 и 1982 гг.). Урумский ороним, в состав которого входит прилагательное *ялпах* ‘плоский’ и географический термин *оба* ‘холм, курган’.

ЯЛТА. Посёлок городского типа в Першотравневом районе. Селение основано в 1770 г. греками-румеями, выходцами из одноимённого крымского села, название которого производят от средневекового *Ялта*, которое этимологически связано с греческим апеллятивом *γαλός* ‘морской берег, побережье’.

ЯНУКОВКА. Элитный земельный участок в Будённовском районе Донецка, где был построен жилищный комплекс бывшего губернатора Донецкой области В.Ф.Януковича, и прилегающая к нему территория.

ЯР ОСОЗЫ́. Река в бассейне Мокрых Ялов. Протекает через Волновахский район, нижняя часть балки – на территории Великоновоселковского района. Впадает в Мокрые Ялы возле села Малый Керменчик, которое прежде также называлось по балке *Яриуз* (контактный перенос топонима: гидроним → ойконим).

Зачисляя в состав топонимии приазовских греков гидроним *Яр Осозы*, в разных источниках представленный в многочисленных вариантах, мы исходим из того, что впервые тюркский вариант топонима (*Ярлизи*) регистрируется в наших материалах только в 1833 г. И.Иваницким. На VII листе «Специальной карты западной части России» Г.Шуберта (2-я половина XVIII века) балка (овраг) ещё носит славянское название – *Скотоватый*. Позже И.Иваницкий приведёт его как параллель к тюркскому варианту.

Всё разнообразие форм гидронима, скорее всего, порождено начальной структурой – определительным словосочетанием *Ярлі́ Сиза́*, имевшим значение ‘балка со скудным, бедным водным режимом; маловодная балка’. В крымскотатарском языке, к которому близки урумские диалекты приазовских греков, *сыза́* ‘балка, куда стекает весенняя вода’. Ср. ещё тюрк. *сыз/сыс* ‘просачиваться’, ‘протекать каплями’¹. «Почти на всём своём протяжении 37 вёрст... она (балка. – *Е.О.*) безводная, а если по ней встречаются источники, то с непригодной солоноватой водой, незначительного наплыва, который не поддерживает течения (...) Отсутствием в ней воды, а также непригодностью родниковой воды объясняет малое количество селений, которые стоят на Ярль-Осозах»². Значение ‘убогий’ прилагательное *ярлі́* получает преимущественно в тех тюркских языках, которые исторически принадлежат кыпчакской языковой группе. Неприемлема этимология топонима, которую в конце прошлого ве-

¹ В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1911г. – Ч.I. – С.663.

² Материалы к оценке земель Екатеринославской губернии. Естественно-историческая часть. – Вып. 1-й. – Сарипольский уезд. – Екатеринослав, 1904. – С.12-13.

ка Д.Никольский: ‘река раненых’ (ср. в крымскотатарском *ярали* ‘раненый’).

Вариант *Осозы* мог возникнуть в результате отсечения от тюркского прилагательного, переосмысленного как географический апеллятив, начального слога *яр* (ср. *Яр Осозы*). Форма множественного числа гидронима развивалась под влиянием тюркского прилагательного на *-и* (*Ярли*), которое было также переосмыслено в славянской речи как флексия множественного числа: *Ярли Сыза* → *Ярли Сызы* (с приставным *о*: *Осызы*, *Осозы*).

Сейчас уже невозможно установить этиологию (причину номинации) самого позднего и зафиксированного только одним источником (рукописной картой середины XX века) варианта *Хавгали́*. Несомненно, здесь имела место топонимизация урумского апеллятива *хавгалы* ‘место, где происходит спор’. В.В.Радлов¹ приводит крымскотатарское соответствие *кавгалы* с таким же значением, а также со значением ‘имеющий спор’. Вероятно, за этим редким названием скрывается какое-то уже давно забытое происшествие местной истории (может быть, спор из-за чего-то, что связано с данной балкой). Возможно, первичной формой данного топонима было словосочетание *Хавгалы Тарамá*. Впоследствии географический термин был опущен.

---

¹ В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1893. – Т. II. – Ч. I. – С. 473.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3	Асла́нова.....	22
Используемые		Асту́ завод стра́та.....	22
лингвистические термины	4	Ат чапха́н оба́.....	23
Абаку́мова.....	9	Атама́н чалга́н тарамá	23
Абэвэгэдэ́йка	9	Афи́ны.....	23
Авра́м Даг	9	Ат топра́х тарамá	24
Авра́м тав.....	9	Ачапа́н	24
Авра́м-та-Хаяди́ча.....	10	Ачли́ тарамá	24
Авра́м-ту-Джап	10	Баба́.....	24
Адамáн Чалга́н ₁	11	Бабала́ пига́дья	24
Адамáн Чалга́н ₂	11	Баба́х	25
Адамáн Чалга́н ₃	11	Баба́х тарамá	25
Адамáн Чалга́н Тарамá	12	Баба́х уя́	25
Аджа́хи.....	12	Бабахлы́ тарамá.....	25
Аджи́ Павлу́ тарамá	12	Базары́-ту-стра́та.....	26
Азовское море	13	Байра́к	26
Алепу́с Терепи́я.....	17	Балаба́н тарамá	26
Алты́н тарамá	17	Балтаму́р.....	26
Алчи́ оба́	17	Балы́х чихха́н тарамá	27
Ама́л	17	Басти́лия	28
Ама́л оба́	18	Бахчисара́й	28
Амвро́сиевка.....	18	Бе́верли Хилз	28
Анадóль.....	18	Безалкогóльный	28
Анна́ тарамá.....	19	«Бе́лка» ₁	28
Анто́шка тарамá	19	Бе́лка ₂	29
Аракпа́ш.....	19	Бе́лый карье́р.....	29
Ара́л	20	Бе́ндер.....	29
Ара́л тарамá	20	Бе́рда.....	29
Арджо́	20	Бессара́бка	33
Аркады́-та-Убайда́	21	Бибиши́-т-Хая́	33
Арма́ хая́	21	Бики́ни	33
Архангельск	22	Болого́е	33
Ары́м.....	22	Большо́й Караты́ш	33
Асла́н Бахча́.....	22	Боссé	34

Бугас	34	Жилкóп	59
Будёновка	35	Зáйцево	60
Васíль ольгён тарамá.....	35	Заперевáльный.....	60
Великáн	36	Заўт	60
Вели́кая Новосёлка.....	36	Заўт йол	60
Весёлое	38	Зепiр.....	60
Весёлый	38	Золотóй.....	60
Волна́	39	Зор Тау	61
Волновáха.....	39	Ивангра́д	61
Во́лчья (Во́лчьи во́ды).....	40	Йилáн тарамá	62
Гапки́нштра́ссе.....	45	Йылау́х Тобé	62
Газлеве́.....	45	Йылхы́ тарамá.....	62
Глодо́сово	45	Ка́лка	62
Горгóр Ольгён.....	45	Кальмиу́с	69
Готфе́йская улица	46	Ка́менные Моги́лы	78
Гринiтное.....	46	Капи́та	81
Голова́.....	46	Капу́рка	81
Горéлый Пень	47	Капу́ста.....	82
Го́рловка	47	Ка́расевка	82
Госуда́рев Байра́к.....	48	Кочема́к	82
Гуржи́ Сува́т	48	Кашлагáч	83
Да́ча.....	48	Кая́ла.....	84
Двенáха	48	Кефе́.....	93
«Двинка»	49	Кефе́йская у́лица	93
Девятихáтки	49	Кичи́к Даг.....	94
Дендистрiт.....	49	Кичи́к Озе́н	94
До́куч	49	Кичиксу́	94
Докуча́евск	49	Кле́бан-Бык	94
Дом Па́влова.....	50	Кле́па	96
Дома́ха	50	Ключевóе.....	96
Домбó	53	Когемли́ Тарамá.....	96
Доне́цк	53	Комáр.....	97
Дрóбные Ка́мушки.....	58	Константи́н	97
Дрóбышево	58	Константино́поль	98
Дук	59	Конста́ха.....	99
Елизаветовка ₁	59	Коста́ Чохра́х	99
Елизаветовка ₂	59	«Кочегáрка»	99
Жабалу́евка	59	Кромáха.....	99

Кра́сик.....	99	Не́льсон	127
Кра́сная Поля́на.....	100	Не́триус	127
«Кра́сные» топонимы	102	Нечита́йлово.....	128
Кра́сный Городо́к.....	103	Ники́товка	129
Кра́сный Лима́н.....	103	Новгоро́дское	129
Кремль	104	Новолуга́нский.....	130
Кру́па.....	104	Новобе́шево.....	130
Крупча́тка Хула́х.....	104	Новозконо́мическое.....	130
Кры́нка.....	105	Но́вый Свет	130
Ксе́нита Тарама́	107	Обье́динённый.....	132
Ку́ба	107	Обито́чная и Бело-	
Кувáл Чохра́х.....	107	сарайская косы.....	132
Кукос́ Тарама́.....	107	Обито́чный	134
Кунжи́.....	108	«Обушок»	134
Ле́нка.....	108	Обще́ственный-ту-Пига́с	134
Ле́ня Ка́менный	108	Оджахсыз Чет	134
Ли́венка.....	109	Осра́х Хую́	134
Ли́вер.....	109	Пасха́л Копу́р	135
Ли́диевка.....	109	Па́мятник Кру́пскому	135
Лухтуры́ Пига́с	109	Пари́ж	135
Ма́й Туга́й.....	109	Пеки́н.....	136
Ма́йка.....	109	Пелитли́	136
Макаро́нка	110	Пентго́н	136
Макее́вка.....	110	Первома́йский	137
Манта́ Даг	111	Під Куше́	137
Мариу́поль.....	112	Плешка́	137
Мая́к Само́тужен.....	119	Пляти́ Таш	137
Ме́га Соха́х	119	Побе́да	137
Ме́дный Та́зик	119	Почему́ Торец Казе́нный?....	138
Ми́ус.....	119	Почта́ Тарама́	139
Ми́ша.....	124	Пэ́пэ	139
Мо́края Сарма́тская	124	Пья́ная ба́лка.....	139
Мо́крые Ялы́.....	124	Пятачо́к.....	140
Мушкё́тово	125	Рай земной на Доне́тчине	140
Названия, которые		Рахме́товка	140
завлекают.....	125	Респу́блика.....	141
Не́где Жить.....	127	Реду́ч.....	141
Некре́менно́е	127	Ру́тченковка	141

Савлұх Чохра́х	141	Тахлы́	165
Сан-Харцызск	141	Таш Тубэ́	165
Сараба́ш	142	Таш Чихарга́н Тыня́х	165
Сара́ф-ту-Джап	142	Тексти́льщик	165
Сарба́н	142	Тогáн	165
Сарджа́н	142	Топáл Тубэ́	165
Сартана́	143	Топра́х Чхур	166
Сары́ Топра́х	143	Топчу́ Тарамá	166
Сау́р-Могíла	144	Тор и Краматóрск	166
Свэ́чка	148	Три бiса	170
Северский Донец	152	Трудовско́й, Трудовские́	170
Сема́шко	152	Тугáй	170
Серди́тое	152	Узу́н	170
Ско́лько Сахалинов		Украи́нск	171
в Донбассе?	152	Улаклы́	171
Скотовáтая	154	Универ	172
Скули́ Тарамá	154	Универская	172
Славя́нск	155	Ура́лы	172
Славянск и Святогорск	155	Урзу́ф	173
Смоля́нка	157	Учурум	173
Снежное	157	Феса́лия	174
Соловкí	157	Физигó Ялан	174
Сорбо́нна	157	Фитилéй Тарамá	174
Ста́лин Мост	158	«Фос»	175
Стандáрт	158	Хабурга́ Тарамá	175
Старобéшево	158	Хавалéй Тарамá	175
Староигна́тьевка	159	Хайма́х Тарамá	175
Старола́спа	160	Хайна́х Чохра́х	176
Старомли́новка	160	Халфати́наг	176
Ста́рый Крым	161	Хамы́ш Суáт Чет	176
Сты́ла	162	Хан Тарамá	176
Сува́т	162	Ханжоповка	177
Суджи	162	Харла́йка	177
Сульме́н Ольге́н	163	Харцызск и Зимогорье	177
Тавлу́ Тарамá	164	Харши́ях	179
Тайганы́ Стра́та	164	Хацапе́товка	179
Тарамá	164	Хитры́й рынок	180
Тат	164	Хо́ра	180

Хочка́р Эгерэ́к.....	180	Шевалда́.....	186
Хубата́л.....	180	Шэ́нкусты́сн Уба́.....	187
Хуру́ Тарама́.....	180	Ширилда́ух.....	188
Царское село.....	181	Шишма́.....	188
Цэка́.....	181	Шишо́вы горы.....	188
Цыганский посёлок.....	182	«Шту́ка».....	188
Ча́сов яр.....	182	Щётка.....	189
Чердаклы́.....	183	Щили́ Махала́.....	189
Чермалы́к.....	183	Щорс.....	189
Чи́ка.....	184	Эмирилгэ́н Тубэ́.....	189
Чингэ́нэ Тарама́.....	184	Эски́ Мезарлы́х.....	190
Чоп ху́ю.....	184	Юзбаши́ Тарама́.....	190
Чорзна́й.....	184	Юно́коммунáровск.....	190
Шайта́нка.....	185	Як Са́вич Отру́б.....	190
Шаха́.....	185	Ялпа́х Оба́.....	190
Шахма́н Хая́.....	186	Ялта́.....	190
Шахтёрск.....	186	Януко́вка.....	191
Шахтостроитель.....	186	Яр Осозы́.....	191

Наукове видання

Отін Євген Степанович

**ПОХОДЖЕННЯ
ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ ДОНБАСУ**

Російською мовою

Технічний редактор *Д. В. Акіндєєв*

Підписано до друку 02.07.2014 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Times». Друк — різнографія.
Ум. друк. арк. 11,57. Обл.-вид. арк. 9,87.
Наклад 100 прим. Зам № 040.

Видавництво та друк ТОВ «Юго-Восток, Лтд»
83001, Донецьк, вул. Р. Люксембург, 2б, оф. 102
Тел/факс: (062) 305–50–13 www.yugo-vostok.com.ua
e-mail: zakaz@yugo-vostok.com.ua, dakindeev@yandex.ru
Свідоцтво про держреєстрацію:
Серія ДК №1224 від 10.02.2008 р.

Отин Е. С.

О-82 Происхождение географических названий Донбасса /
Е. С. Отин. — Донецк : Юго-Восток, 2014. — 199 с.

ISBN 978-966-374-812-2

В книге читатель найдёт ответы на вопросы о происхождении многих географических названий Донбасса в пределах Донецкой области. Это и название Азовского моря, городов Донетчины — Донецка, Мариуполя, Краматорска и др., рек — Северского Донца, Кальмиуса, Миуса и др., степных возвышенностей (среди них Саур-Могилы), названий внутригородских объектов, а также появившихся в последнее время в молодёжном сленге названий, например, *Констаха* (Константиновка), *Кромаха* (Краматорск), *Красик* (Красноармейск), *Волна* (Волноваха), *Сан-Харцызск* (Харцызск) и др. Подробно рассказывается об истории таких рек, как *Кальмиус*, *Калка* (прежнее название Кальмиуса) и *Каяла*, о которой говорится в «Слове о полку Игореве». О них и многих других топонимах вы можете прочитать в 338 статьях книги.

УДК 81'373.21(477.6)

ББК Ш12=411.2*316.1